

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ МАКСА ПЛАНКА
ХЕЛЬСИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

III ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ЛИНГВИСТИКА В XXI ВЕКЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ

**Материалы докладов и сообщений
Международной научно-практической
конференции**

Москва, 14–15 ноября 2017 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2017

УДК 80/81:372.881.1:378.147(063)
ББК -9*81.2+80/84
Т66

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Председатель оргкомитета конференции:
зав. кафедрой иностранных языков филологического факультета РУДН
кандидат филологических наук, доцент *Ю.Н. Эбзеева*

Члены оргкомитета:

доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *С.Б. Томашевич*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *С.А. Шейпак*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Т.Н. Буруккина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Н.В. Дубинина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Г.В. Семянникова*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *И.Б. Котеняткина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *К.С. Воркина*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *М.А. Бородина*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Р. Алонци*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *М.Е. Куприянова*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *Д.В. Накисбаев*;
доцент кафедры иностранных языков филологического факультета *А.С. Борисова*;
ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета *М.А. Шкинева*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета *А.Д. Левишиц*;
ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета *А.А. Борзенкова*;
ст. преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета
Л.Н. Гишкаева (ответственный секретарь)

Т66 **III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI веке:**
Междисциплинарные парадигмы : материалы докладов и
сообщений Международной научно-практической конференции.
Москва, 14–15 ноября 2017 г. – Москва : РУДН, 2017. –
383 с. : ил.

ISBN 978-5-209-08325-2

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

UNDERSTANDING PRAGMATICS

G. Senft

Max Planck Institute for Psycholinguistics

(Nijmegen, the Netherlands)

Gunter.Senft@mpi.nl

<http://www.mpi.nl/people/senft-gunter>

This talk is based on my textbook “Understanding Pragmatics” which was published in 2014. Starting with an anecdote from the first weeks of the beginning of my field research on the Trobriand Islands in Papua New Guinea back in 1982 about my misunderstanding of the Trobriand Islanders’ greeting behavior, I illustrate that this misunderstanding was due to the fact that as a newcomer in the Trobriand speech community I hardly knew anything about the conventions, rules and regulations with respect to how the Trobriand Islanders use their language Kilivila in social interactions, what kind of meanings their words, phrases and sentences convey in what kind of contexts and what kind of functions their use of language fulfill in and for their speakers’ communicative behavior. To gain this kind of knowledge requires the study of the culture-specific forms of the Trobriand Islanders’ language use. In linguistics, the study of language use is called “Pragmatics”. This talk provides a general introduction to this field. As I have just pointed out, pragmatics is the discipline within linguistics which deals with actual language use. Language use is not only dependent on linguistic, that is grammatical and lexical knowledge, but also on cultural, situative and interpersonal context and convention, and one of the central aims of pragmatics is to research how context and convention — in their broadest sense — contribute to meaning and understanding.

Jacob Mey, one of the pioneers and leading figures in modern linguistic pragmatics, refers to this field as “the youngest subdiscipline of the venerable science called *linguistics*” (Mey 1994: 3261). Mey and many others see the rise of pragmatics and its growing popularity and influence ever since the 1970s at least in part as a reaction to the development of American structural linguistics that culminated in Noam Chomsky’s proclamation of the “ideal speaker/listener in a completely homogenous speech community” (Chomsky 1965: 3) whose language competence linguists describe and analyze on the basis of introspection data. The more the Chomskyan paradigm gained influence in linguistics, the more linguists gradually realized that the general abstractions of this paradigm neglected the reality of language that is realized in speech produced by speakers in various social, cultural and political contexts with various goals and intentions. Indeed, language is much more than a grammatical algorithm with a lexicon; it is a tool speakers use to interact socially and communicate with each other. Research in linguistic pragmatics deals with how speakers use their language(s) in various situations and contexts, what speakers do when they speak and why they do it. In the focus of pragmatics are the actual language users, their communicative behavior, their world and their point of view, in short, “the total human *context of [language] use*” [Mey 1994: 3265].

This implies that pragmatics serves a kind of “umbrella” function, as Jan-Ola Östman [1988: 28] put it — not only for “sociolinguistics ... and other (semi-) hyphenated areas of linguistics” but also for the other traditional subdisciplines of linguistics. As Mey [1994: 3268] wrote: “The problems of pragmatics are not confined to the semantic, the syntactic or the phonological fields, exclusively. Pragmatics ... defines a cluster of related problems, rather than a strictly delimited area of research”. Pragmatics studies language and its meaningful use from the perspective of language users embedded in their situational, behavioral, cultural, societal and political contexts,

using a broad variety of methodologies and interdisciplinary approaches depending on specific research questions and interests.

The issue of interdisciplinarity brings us back to the claim that the 1970s was the decade in which the “pragmatic turn” in linguistics had its origin. The first volume of the “Journal of Pragmatics” was published in 1977; John Benjamins started a book series with the title “Pragmatics and Beyond” in 1979; the “International Pragmatics Association (IPrA)” was founded in 1986; and its journal “Pragmatics” started under the name “IPrA Papers in Pragmatics” a year later. However, if we look at core domains of the discipline we realize that linguistic pragmatics has its predecessors in many other disciplines such as philosophy, psychology, ethology, ethnology, sociology and the political sciences. My talk is based on this insight. I discuss a selection of core issues of pragmatics that were introduced into the field via these other disciplines. It will be shown that pragmatics is not only an inherently interdisciplinary field within linguistics, but that it is indeed a 'transdiscipline' that brings together and interacts with a rather broad variety of disciplines within the Humanities. The talk has three central threads that bind it into a complex whole:

1) Languages are used by their speakers in social interactions; they are first and foremost instruments for creating social bonds and accountability relations. The means with which languages create these bonds and relations vary across languages and cultures.

2) Speech is part of the context of the situation in which it is produced, language has an essentially pragmatic character and "meaning resides in the pragmatic function of an utterance" (Baumann 1992: 147).

- Speakers of a language follow conventions, rules and regulations in their use of language in social interactions.

- The meaning of words, phrases and sentences is conveyed in certain kinds of situative contexts.

- The speakers' uses of language fulfill specific functions in and for these speakers' communicative behavior.

3) Pragmatics is the transdiscipline that studies these language- and culture-specific forms of language use.

I will first talk about the relationship between pragmatics and philosophy. One of the central questions of philosophy is how we interpret our world and our lives as being meaningful, or more general, how we generate 'meaning' in the general sense of 'significance'. One of the most important tools we use to do this is language. And one of the most fascinating fields in linguistics is to study how speakers use their language to generate specific meanings in specific contexts. This is the interface where philosophy meets semantics and pragmatics. I will deal with the theory of speech acts put forward by John L. Austin (1962) and John R. Searle (1969) and then briefly discuss H. Paul Grice's (1975) theory of implicature and conversational maxims.

I then illustrate the relationship between psychology and pragmatics by dealing with deixis or indexicals (see Bühler 1934) and studies on various types of gesture and their communicative functions (see e.g., Kendon 2004).

In addition to gestures there are many other forms of expressive behavior that accompany speech. Human ethology is the subdiscipline of biology that deals among other things with the communicative functions of all kinds of expressive behavior. In this part of my talk I discuss the communicative functions of facial expressions, human distance maintenance (proxemics), posture behavior and body motion (kinesics), Irenäus Eibl-Eibesfeldt's (1989: 425–547) hypothesis regarding universal interaction strategies and recent research results on forms of ritual communication (Senft and Basso 2009).

The interrelationship between ethnology/anthropology and pragmatics is illustrated by Bronislaw Malinowski's ideas about context and meaning and his concept of "phatic communion" (Senft 2009). The interrelationship of language, culture and cognition is then further discussed and illustrated with research

on frames of spatial reference and with Dell Hymes' and John Gumperz' "ethnography of speaking" paradigm (Hymes 1962; Gumperz and Hymes 1964, see also Senft 2010)

Sociology has a strong impact on the understanding of human everyday face-to-face interaction in general and on the understanding of communicative behavior and language use — especially in conversation — in particular. Here I discuss Erving Goffman's insights into the presentation of 'self' in everyday life (Goffman 1959), Harold Garfinkel's ethnomethodological studies on how we make sense of our social world (see e.g., Garfinkel 1967) and the field of "Conversation Analysis" — developed by Harvey Sacks in close cooperation with Emanuel A. Schegloff and Gail Jefferson. Conversation Analysis aims to find out how conversation is ordered and structurally organized (see Sacks et al. 1974).

The 1960s were a highly politicized decade which saw a strong rise of Marxist ideas and other left-wing ideologies. Social inequalities and clashes between social classes came to the fore of the general political discussion and they were taken up in the scientific discourse, especially within the humanities. In 1959 the British sociologist Basil Bernstein differentiated between a "restricted" and an "elaborated code" which children learn in their sociocultural environment. He claimed that children who were only socialized in a restricted code are limited in their communicative skills; usually these children are members of the lower classes; on the other hand, children who acquire and are socialized in an elaborate code are verbally skilled speakers who can deal with all kinds of communicative situations; usually these children grow up in middle class families (see Bernstein 1973). This "deficit hypothesis" was confronted with the "difference hypothesis" by William Labov. In his studies on the "Black English Vernacular" (which is nowadays called "African American Vernacular English"), spoken in New York City, Labov (1972) also discusses language ideologies. The discussion of Bernstein's and Labov's contributions to sociolinguistics

illustrates how linguistic research contributed to increase the researchers' awareness of the political impact of their studies. This observation is taken up, too, by briefly discussing the topic of linguistic ideologies (see e.g. Verschueren 2011).

My talk ends with a subjective outlook on future developments within linguistic pragmatics. In recent years, Japanese scholars like Sachiko Ide, Yasuhiro Katagiri, Kazuyoshi Sugawara and their American colleague William Hanks have started a project on what they call “emancipatory pragmatics” (Hanks et al. 2009). They argue for a paradigm shift from “traditional pragmatics” towards an “emancipatory pragmatics” which no longer solely relies on “views of language derived from Euro-American languages and ways of speaking”.

References

- Austin, J.L. 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press.
- Baumann, R. 1992. Text and discourse in anthropological linguistics. In: Bright, W. (ed.), *International encyclopedia of linguistics*: 145–147. Oxford University Press.
- Bernstein, B. 1973. Elaborated and restricted codes: An outline. In: Lieberson, S. (ed.), *Explorations in Sociolinguistics*, 126–133. Bloomington: Indiana University Press.
- Bühler, K. 1934. *Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache*. Jena: Fischer.
- Chomsky, N. 1965. *Aspects of a Theory of Syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Eibl-Eibesfeldt, I. 1989. *Human Ethology*. New York: Aldine de Gruyter.
- Garfinkel, H. 1967. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Goffman, E. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Doubleday Anchor.
- Grice, H. P. 1975. Logic and Conversation. In: Cole, P. & Morgan, J. L. (eds.), *Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts*, 41-58. New York: Academic Press.

Gumperz, J. J. and Hymes, D. (eds.). 1964. The ethnography of communication. *Special Issue of American Anthropologist* 66 (6) Part II.

Hanks, W. F., Ide, S. and Katagiri, Y. 2009. Toward an emancipatory pragmatics. Introduction to the Special Issue. *Journal of Pragmatics* 41: 1-9.

Kendon, A. 2004. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Labov, W. (ed.). 1972. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Mey, J. L. 1994. Pragmatics. In: Asher, R. E. & Simpson, J. M. Y. (eds.), *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, Vol. 6, 3260-3278. Oxford: Pergamon Press.

Östman, J.-O. 1988. Adaptation, variability, and effect: Comments on IPrA Working Documents 1 & 2. *IPrA Working Document* 3: 5-40.

Sacks, H., Schegloff, E. A. & Jefferson., G. 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation. *Language* 50: 696-735.

Searle, J. R. 1969. *Speech Acts — an Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.

Senft, G. 2009. Phatic communion. In: Senft, G., Östman, J.-O. & Verschueren, J. (eds.), *Culture and Language Use*, 226-233. Amsterdam: John Benjamins.

Senft, G. 2010. *The Trobriand Islanders' Ways of Speaking*. Berlin: de Gruyter Mouton.

Senft, G. 2014. *Understanding Pragmatics*. London : Routledge.

Senft, G. & Basso, E. (eds.), 2009. *Ritual Communication*. Oxford: Berg.

Verschueren, J. 2011. *Ideology in Language Use. Pragmatic Guidelines for Empirical Research*. Cambridge: Cambridge University Press.

PHENOMENON-DRIVEN APPROACH TO LANGUAGE RESEARCH

A. Mustajoki

University of Helsinki

(Finland, Helsinki)

arto.mustajoki@helsinki.fi

In my paper, I am offering a new interpretation of linguistic methodology with special respect to interdisciplinarity, the topic of this conference. Before elaborating on this idea, it is necessary to remind the reader of the dualistic character of language. On the one hand, language is ‘located’ in our minds as a potential, an inventory and an ability. On the other hand, it can be heard and seen as a product of human activity. The most well-known manifestations of this idea are de Saussure’s *langue* and *parole* and Chomsky’s *competence* and *performance*.

It is hard to deny that some kind of dichotomy is an essential part of the nature of language. How to define and name this dichotomy is a question of dispute. I prefer Kibrik’s and Koshelev’s (2015) terminology and will speak of *offline language* and *online language*. Offline language is a potential, a reservoir and a capacity, whereas online language is realisation and concretisation of this potential *in vivo*.

In addition, we can differentiate between *language-oriented* research and *communication-oriented* research. In language-oriented research we are interested in features of language units and their uses in interaction. In communication-oriented research, our starting point is communication. In both orientations it is possible to see offline and online modes, as shown in Table 1.

Table 1. Various approaches to language research.

	Language-oriented research	Communication-oriented research
Offline language	1. That which is potential, correct, and acceptable in language	3. The communicative capacity of the speaker
Online language	2. That which is typical and frequent in language usage	4. What happens in the interaction

Let us take a look at the table from the perspective of methodology (for more detail, see Mustajoki 2017a). A linguist attempting to describe what is potential, correct or acceptable in language relies on the intuitions of native speakers. Correctness and/or acceptability may involve linguistic units at any level: pronunciation, semantics, morphological forms, syntactic structures, components of a dialogue and so on. If the person taking a stand is the linguist him- or herself, one can speak of “armchair linguistics”. Another option is to turn to native speakers of the language and ask their opinion.

The second box is the realm of corpus linguistics, which provides more tools and more powerful ones for researchers interested in language use. To be honest, despite the rapid growth of the number and size of various corpora, we still have huge gaps in coverage if we view all forms of language production as valuable.

The third box represents an area which is rather unfamiliar to linguists and therefore needs more attention. An interlocutor brings several abilities and traits to communication encounters. First, his or her *linguistic capacity* consists of knowledge of a certain number of lexical units adjusted to the context, an ability to build larger linguistic units by organizing lexical units in a line, an ability to pronounce words and utterances, an understanding of the rules of dialogue and an ability to adjust speech to the recipient. Second, our *mental world*, which is based

on learned pieces of knowledge and experiences, provides the common ground for mutual understanding, yet at the same time it limits the things we are able to express and comprehend. Third, every human being has certain *characteristics* that influence their emotional state and behaviour. Fourth, people also differ in their *cognitive styles of thinking*, which affect how they produce and receive speech. Most of these features can be studied using psychological tests, e.g. the capability of people to see the world from the perspective of others (see the literature in Mustajoki 2012, 2013). People differ in all these features, and the differences represent clear risks for miscommunication. Nevertheless, people are similar enough that mutual understanding is achieved in most cases.

The fourth box highlights real interaction. It is rather easy to find an example of a method for that kind of research, as conversation analysis (CA) is widely used in studies of dialogical interaction. A fairly exact set of methodological tools has been developed through CA, which has enriched our understanding of the rules and tactics followed in communication.

All the examples given above can be characterised as representing method- or theory-driven research: a researcher has in her or his toolbox a theory or method, which is then applied to certain material. Put another way, the mill is ready to be used, and the miller is pouring in new grain. An alternative and much rarer approach is **phenomenon-driven**.

In recent years, some voices in linguistics have been advocating a more holistic view of language. Edda Weigand has claimed that linguistics moves from ‘reductionism’ to ‘holism’ [Weigand 2011], and Istvan Kecskes speaks of a holistic ‘socio-cognitive approach’ [Kecskes, 2010]. What we see happening in linguistics is part of larger developments in the academic community.

The pressure to apply the phenomenon-driven approach in research derives from the need to solve the big, sometimes called wicked, problems of humankind, such as climate change,

pollution, population ageing. I would add to the list of the most serious problems the lack of mutual understanding and frequent misunderstandings in human interaction, which cause harm in the lives of individuals and societies.

In applying the phenomenon-driven approach, a researcher tries to determine the very essence of a given phenomenon. It is quite possible that in the beginning he or she has no clear understanding of the method to be used. Naturally, a certain methodological toolkit is needed, but it is dictated by the phenomenon rather than being selected beforehand. Because various methods are needed, such an approach often leads to using methods from several disciplines. Thus, while a multidisciplinary approach is not a goal in itself, it results from the complex nature of the phenomenon.

The phenomenon-driven approach also works in traditional language-oriented linguistics. An illustration is the case selection in Russian negative clauses. The choice between the genitive and the accusative cases seems to follow certain principles, but these principles are governed by a complex bundle of factors, so that the case usage seems to be unpredictable and unsystematic. It is possible to discover some regularities by using corpus methods (Mustajoki & Heino 1991), but such methods usually reveal only some correlations between the case and the various factors (of which there are about fifty). An alternative is to use experiments. These can be organized in such a way that it is possible to determine the influence of a single factor (Мусрайоки 1985). There are also further options for approaching the same problem, e.g. by working with informants and using the reaction time method, which reveals the degree of hesitation in the choice of case.

However, the real power of the phenomenon-driven approach emerges when we consider human interaction as a highly complex process. If we want to understand the forces determining the course of interaction, we have to take into account linguistic, sociological and mental factors. This can be

demonstrated with a simple example. The sentences *John is going to study Chinese language and literature* and *John is going to study Chinese language and biology* are similar from the point of view of having the same syntactic structure. However, people regularly read the sentences in different ways (Chinese literature, but not Chinese biology). This is because of the hint they receive from their mental worlds.

The sentence *John is going to study Chinese language and philosophy* differs from the previous ones, because it easily causes misunderstanding. In this case, both readings (Chinese philosophy and common philosophy) are possible, owing to a given interlocutor's interpretation. However, this is still not the end of the story. One more factor enters the picture. If the speaker foresees the possible trouble in the interpretation of the phrase, he or she may eliminate the ambiguity by saying *Chinese language and Chinese / common philosophy* (for the latter case, one could say also *philosophy and Chinese language*). In other words, he or she conducts a recipient design by accommodating speech to the needs of the communication situation.

There is another, often neglected, factor that often causes miscommunication, namely the limits of the human brain in processing information. Because of this limitation, people avoid using more effort than is necessary. In interaction this means poor concentration always when possible. For the person in the role of the speaker this results in improper recipient design; for the person playing the role of the recipient, the consequence is non-listening and pretending to listen (Мустайоки 2015, Mustajoki 2017b).

What emerges from using the phenomenon-driven approach is a holistic and more realistic interpretation of the causes of miscommunication. The reasoning shows that ambiguities and/or differences in mental worlds are not the ultimate reasons for misunderstanding, but rather insufficient recipient design and avoidance of cognitive efforts.

Such questions do not belong to the topics of linguistics, but this does not concern me here. The situation demonstrates clearly what happens when we apply the phenomenon-driven approach: we have to cross the borders of traditional disciplines. This was the reason the title of this paper specifies “language research”, not “linguistic research”.

References

Кибрик А.А., Кошелев А.Д. Когнитивная лингвистика — в поисках единства // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*, под ред. А.А. Кибрика и А.Д. Кошелева. М.: Языки славянских культур, 2015. С. 21–25.

Мустайоки А. Падеж дополнения при отрицании в русском языке: поиски новых методологических приемов в изучении старой проблемы. (= *Slavica Helsingiensia* 2). Хельсинки, 1985.

Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призмы потребностей говорящего // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика*, под ред. А.А. Кибрика и А.Д. Кошелева. М.: Языки славянских культур, 2015. С. 543–551.

Kecskes I. The paradox of communication: Socio-cognitive approach to pragmatics // *Pragmatics and Society*. 2010. Т. 1. № 1. С. 50–73.

Mustajoki A. A speaker-oriented multidimensional approach to risks and causes of miscommunication // *Language and Dialogue*. 2012. Т. 2. С. 216–243.

Mustajoki A Risks of miscommunication in various speech genres // *Understanding by Communication*, ed. by E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge: Cambridge Scholar Publ., 2013. С. 33–53.

Mustajoki, A. The issue of theorizing: Object-of-study and methodology // *Language and Dialogue: A Handbook of Key Issues in the Field*, ed. by E. Weigand. New York: Routledge, 2017a. С. 234–250.

Mustajoki, A. Why is miscommunication more common in everyday life than in lingua franca conversation? // *Current Issues in Intercultural pragmatics* (Pragmatics and Beyond New Series), ed. by I. Kecskes, S. Assimakopoulos. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2017b. С. 55–74.

Mustajoki A, Heino H. *Case Selection for the Direct Object in Russian Negative Clauses. Part II: Report on a Statistical Analysis*. (= *Slavica Helsingiensia* 9). Helsinki, 1991.

Weigand E. Paradigm changes in linguistics: from reductionism to holism // *Language Sciences*. 2011. Т. 33. С. 544–549.

ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ПОЛИПАРАДИГМАТИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

С.В. Иванова

ЛГУ имени А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)
svet_victoria@mail.ru

В настоящее время интердисциплинарность и полипарадигматизм выступают в качестве методологической платформы многих лингвистических исследований. Этот подход, основанный на понимании цельности мира и научного знания, возвращает ученых к истокам научной мысли, когда мир воспринимался и мыслился синкретично. Доказательством эвристичности такого рода методологии является лингвокультурология в ее современной интерпретации.

Современная лингвистика проходит значимый этап развития теоретической и методологической мысли, который связан, с одной стороны, с достижениями целого ряда парадигм, сосуществующих в рамках антропоцентрической лингвистики, а с другой, с развитием смежных с лингвистикой научных областей [Шаховский 2015: 12]. Многие подходы к изучению языковых процессов и особенностей речевой деятельности, которые языковеды реализуют в настоящее время, были озвучены и конкретизированы исследователями, работающими в рамках различных школ, базирующихся на идеях полипарадигматизма, интер- и трансдисциплинарности. Если полипарадигматизм предполагает обращение к различным парадигмам внутри одного научного направления, то интердисциплинарность и трансдисциплинарность предопределяют выход за пределы одной научной дисциплины. Так, интердисциплинарность рассматривается

как постановка задачи на стыке областей научного знания, а трансдисциплинарность трактуется как построение гипернауки, науки с открытыми границами между дисциплинами, что призвано отразить цельность объекта изучения и получаемого научного знания. Доказательством продуктивности идеи интер-, или междисциплинарности, и полипарадигматизма является развитие лингвокультурологии и тот скачок, который она сделала с момента своего зарождения.

Лингвокультурология, определяемая как научная дисциплина, изучающая «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе», что непосредственно связано «с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002: 12], *per definitionem* предполагает обращение к проблематике междисциплинарного характера. Сам предмет лингвокультурологических исследований интердисциплинарен: он находится на стыке как минимум двух дисциплин — лингвистики и культурологии. Гораздо больше дисциплин вовлекается в круг лингвокультурологического исследования, когда ставится задача комплексного — многостороннего и адекватного — описания лингвокультурного взаимодействия. Более того, лингвокультурология привлекает к решению своих задач несколько лингвистических парадигм [Иванова 2016: 9–10]. В результате выстраивается концепция и методологический аппарат проведения лингвокультурологических изысканий, которые обеспечивают валидность и надежность получаемых данных. Цель данной статьи состоит в выявлении качественных признаков междисциплинарности (или интердисциплинарности) и полипарадигматизма в практике лингвокультурологического анализа.

Прежде всего, лингвокультурология в ее современном прочтении зиждется на данных культурологии, социологии,

этнологии, антропологии, теории коммуникации, семиотики и теории межкультурной коммуникации. Важность культурологической составляющей продиктована необходимостью определения наполнения понятия *культура*. Социология предоставляет данные, относящиеся к теории личности, идентичности, социальным процессам. Из этнологии производится экспорт сведений об этносах и особенностях их жизни. Антропология как наука о человеке не может не быть близкой лингвокультурологии, ибо обе сфокусированы на мире человека. Теория коммуникации, будучи одним из основных теоретико-методологических доноров, предоставляет методологию и понимание коммуникативных процессов, протекающих под воздействием социально-культурных и психологических факторов. Семиотика, изучающая знаковые системы, является базовой для лингвокультурологии, ибо последняя изучает общее для языка и культуры семиотическое пространство. Граница между теорией межкультурной коммуникации и лингвокультурологией совмещена в том сегменте, который предполагает обращение к опосредованной языком коммуникации в связи с культурой той или иной общности [Которова 2017: 405; Ларина, Леонтович 2015: 10]. Таким образом, лингвокультурология черпает свои исходные данные из широкого спектра научных дисциплин, а объект исследований связывает лингвокультурологию с большим набором взаимосвязанных, но, вместе с тем, самостоятельных областей гуманитарного знания, направленных на изучение человека в его деятельном освоении и познании мира. Соответственно, интердисциплинарность — отличительная черта и неотъемлемое свойство лингвокультурологии.

Другой отличительной особенностью лингвокультурологии является ярко проявляющийся полипарадигматизм. Полипарадигматизм предполагает обращение к внутрилингвистическим научным парадигмам.

В качестве ближайшего спутника лингвокультурологии выступает когнитивная лингвистика, обращенная к процессам восприятия, осмысления, оценивания и именования, составляющих суть процесса концептуализации действительности [Кубрякова 1996]. Лингвокультурология и когнитивная лингвистика сопряжены по многим основаниям, и можно с полной уверенностью констатировать, что методология когнитивной лингвистики отвечает за проведение большого массива лингвокультурологических исследований. Когнитивная семантика, концептуальная картина мира, когнитивная база, ментальные единицы, ментальный лексикон — вот далеко не полный перечень инструментов, которые когнитивная лингвистика предоставляет в распоряжение лингвокультуролога.

Второй по методологической значимости для лингвокультурологии является лингвосомиотическая парадигма. Ее важность связана с понятиями, лежащими в основе лингвокультурологии, — это понятия кода и знака. Методологически важным положением для понимания взаимодействия языка и культуры является утверждение Ю.М. Лотмана о том, что и язык и культура условием своего существования имеют общее семиотическое пространство, то есть семиосферу [Лотман 1999: 163]. В этом отношении нельзя не привести слова выдающегося семиолога о том, что “любой отдельный человек оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать. Неразложимым работающим механизмом — единицей семиозиса — следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство” [Там же 1999: 165]. Соответственно, и язык и культура взаимообуславливают друг друга, составляя единое знаковое пространство, единую семиосферу. Таким образом, с неизбежностью напрашивается вывод о существовании устойчивого культурно-языкового комплекса, который

получает реализацию в виде лингвокультурного кода. Лингвокультурный код следует понимать как инструмент, который обеспечивает полноценную коммуникацию в пределах данного семиотического пространства. Он представляет собой систему лингвокультурных соответствий, закрепленных в языковых единицах [Иванова 2004]. Таким образом, лингвокультурный код выступает в качестве результата взаимодействия языка и культуры как семиотических систем.

Признание за языком статуса лингвокультурного кода позволяет более широко смотреть на языковые факты, обнаруживать в них дополнительный пласт информации, относящейся к культурному пространству — семиосфере, которая, по словам Ю.М. Лотмана, является и результатом и условием развития культуры [Лотман 1999: 166]. Понятие лингвокультурного кода служит надежной объяснительной базой теории обусловленного означивания М.М. Маковского. Он полагает, что связь означаемого и означающего в слове комплиментарна, “каждое отдельное слово того или иного языка представляет собой уникальное образование, организованное на основе присущих только ему комбинаторных схем и обладающее в связи с этим уникальными качественными и количественными свойствами” [Маковский 1996: 9]. Необходимо отметить, что данная теория находит себе все больше сторонников, полагающих, что выбор мотивирующего признака в акте номинации не носит случайного характера [Вендина 2002: 43; Wierzbicka 1988].

Лингвокультурный код связывает сознание членов этнокультурной общности и повседневные дискурсивные практики, которые направлены на воссоздание социальной реальности. Есть все основания утверждать, что онтологическая структура лингвокультурного кода восходит к языковому сознанию как своему ментальному репрезентанту. Языковое сознание представляет собой

совокупность образов, представлений, мыслительных структур, получивших языковое оформление и отражающих процессы «социального познания» (термин Леви-Брюля). Языковое сознание представлено элементами ментально-лингвального комплекса (термин В.В. Морковкина). Ментально-лингвальный комплекс понимается как неразложимое и структурированное определенным образом единство мыслительных структур, имеющих языковую форму выражения и представляющих собой результаты обработки и формы хранения знаний. Таким образом, ментально-лингвальный комплекс представлен наличествующими в данном языке концептами, фреймами и сценариями, закрепляющими результаты процессов концептуализации и категоризации. Концепты предполагают знания об отличительных, наиболее общих, существенных признаках объектов [Кондаков 1975: 263, 456]. Выделение же тех или иных признаков в качестве определяющих зависит от многих экстралингвистических особенностей познавательной практики. Именно на концепт сфокусированы разнообразные структуры знаний о мире [Кубрякова 1997: 37]. Концепты могут организовываться во фреймы, то есть вступать в определенные отношения друг с другом, воссоздавая отражение фрагментов окружающей действительности. Фреймы понимаются как «особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта» [Филлмор 1988: 54], организованные вокруг концепта. Представленный в динамике, в ситуативном аспекте, фрейм приобретает черты сценария. Сценарий репрезентирует стереотипную ситуацию. Соответственно, он представляет собой тематическую структуру [Кубрякова 1996: 181, 188], как например: приветствие — прощание, поход в кино и т.п. Сценарий реализуется в виде текста и находит прямое отражение в речевом поведении коммуниканта. Таким образом, концепты, фреймы и сценарии, а также сопутствующие им

процессы категоризации и концептуализации представляют собой актуализацию онтологической структуры лингвокультурного кода.

На уровне текста лингвокультурный код позволяет участникам коммуникации вербализовывать ментальные сущности посредством использования знаков всех типов: индексов, икон и символов. Соответственно, анализ лингвокультурного кода позволяет вскрыть закодированную в рамках текстового пространства концептуальную картину мира, особенности коммуникативного поведения членов лингвокультурного сообщества, их прагматические установки.

Все вышеизложенное довольно красноречиво свидетельствует о том, что связи когнитивной лингвистики и лингвокультурологии не случайны, они многоступенчаты и многослойны. Они проходят по многим линиям, объединяя лингвокультурологию, лингвосемиотику и когнитивистику. Полипарадигматизм в лингвокультурологии обусловлен генетически и представляет собой ее сущностное свойство. Он неизбежен, если речь идет о широкомасштабном лингвокультурологическом исследовании, которое нацелено на вскрытие особенностей менталитета, когниции и вербализации дискурсивных практик, опосредующих деятельность человека.

Таким образом, единое семиотическое пространство языка и культуры, представляя собой целостный объект исследования, требует интеграции научных дисциплин и парадигм, на основе которых можно обнаружить те особенности объекта, которые невозможно раскрыть в рамках «чистых», традиционных исследований [Воркачев 2016: 17–18]. Интегративный характер самого объекта и предмета лингвокультурологического исследования позволяет предложить несколько возможных всеобъемлющих подходов к решению поставленных задач в рамках новых стыковых дисциплин. Полипарадигматизм

обеспечивает исследователя эвристическими возможностями нескольких парадигм, что способствует порождению нового, продуктивного знания и, соответственно, дает толчок к появлению новых интересных теорий и гипотез, способствующих постановке новых вопросов. Безусловно, выбор методологии проведения лингвокультурологического анализа остается за лингвистом, который должен соотнести задачи исследования и инструментарий, который бы позволил успешно решить поставленные задачи.

Литература

Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // *Вопросы языкознания*. 2002. № 4. С. 42–72.

Воркачев С.Г. Ex Pluribus Unum: лингвокультурный концепт как синтезное образование // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 2. С. 17–30.

Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 2. С. 9–16.

Иванова С.В. *Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2004.

Кондаков Н.И. *Логический словарь-справочник*. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Которова Е.Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 405–423.

Красных В.В. *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций*. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

Кубрякова Е.С. *Части речи с когнитивной точки зрения*. М., 1997.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Ларина Т.В., Леонтович О.А. Преграды и мосты: значимость исследований в сфере межкультурной коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. Т. 19. № 4. С. 9–16.

Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история*. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Маковский М.М. *Язык — Миф — Культура. Символы жизни и жизнь символов*. М., 1996.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. М.: Прогресс. 1988. С. 52–92.

Шаховский В.И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. № 1. С. 11–18.

Wierzbicka A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins B.V., 1988.

НАУКА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ ОТ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ К ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ

И.Г. Милославский

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
igormil@hotmail.com

Изучение «взаимосвязи языка, культуры, перевода и коммуникации в рамках современной междисциплинарной парадигмы исследований» может быть плодотворным тогда, и только тогда, когда каждый из членов этой парадигмы представлен в том виде, который позволяет осуществить такое взаимодействие. Современное состояние естественных наук дает множество примеров того, когда многие вопросы, поставленные, например, медициной, оказалось возможным решить исключительно благодаря прорывным достижениям в области физики, химии или ИТ. Представляется, что и в

области **коммуникативистики** (не очень принятое у нас слово, включающее в себя конкретные языки и Язык с большой буквы, человека с его способностью и понимать предъявленные тексты, и создавать собственные, культуру, существенно влияющую и на поведение человека, и на способность воспринимать поведение другого, и, разумеется, перевод во всех его многочисленных разновидностях), т.е. в области, которой мы все занимаемся, можно перейти от гипотез и частных наблюдений к важным научным результатам лишь при том условии, что разнообразные источники, необходимые для таких решений, находятся в хорошем состоянии. Так сказать, приведены к общему знаменателю, ориентированы на общую цель. Осмелюсь утверждать, что на сегодняшний день это далеко не всегда так.

Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы оценить современное состояние науки о русском языке именно по критерию ее готовности к обеспечению всех видов речевой деятельности человека на русском языке, что соответствует основному требованию современной педагогики, психологии и коммуникативистики ориентироваться на обеспечение **деятельности**. (Традиционно лингвисты требовали различать знание о языке и знание языка как умение совершать на нем речевые действия). Сразу дам самый общий ответ на этот вопрос: «не готова, но движется, хотя медленно и с трудом, в этом направлении.» [Кошелев 2013].

В научных, а в особенности учебных, вузовских и тем более школьных, представлениях о русском языке до сих пор господствует классификационный подход. Подход, цель которого сводится к разделению языковых единиц, фактов и явлений на группы и подгруппы, пункты и подпункты. Понимая, что классификация является непременным условием всякой деятельности над объектами, хочу напомнить, во-первых, что основание для классификации определяется дальнейшей целью (например, классификация

пищевых продуктов по калорийности, полезности для здоровья, срокам и способам хранения и т.д.), а во-вторых, и это главное, классификация не может быть конечной целью исследования, оставаясь лишь его условием и предпосылкой.

Существует множество разных типов словарей русского языка, толковые, омонимов, синонимов, фразеологические, орфографические, орфоэпические, отдельных авторов и многие другие. Однако лишь ортологические словари прямо удовлетворяют реальную потребность говорящего/пишущего, предписывая ему, когда он сомневается (sic!), определенное решение. Существующие толковые словари, как и словари омонимов, например, лишь перечисляют возможные значения соответствующих форм и не пытаются дать прямой ответ на вопрос, какая же именно из возможностей реализована в конкретном случае [Ольховская 2015]. Все это напоминает подмену прогноза погоды на ближайшие дни перечислением наблюдений за погодой в соответствующие дни прошлых лет.

Еще дальше от совершенства находятся представления о русском языке, необходимые для обеспечения продуктивных речевых действий. Дело не только в отсутствии авторитетных и полных идеографических словарей русского языка, которые могли бы быть своего рода навигаторами в процессе выбора производителем речи наиболее соответствующего обозначения определенной сущности или ее модификационной характеристики, объективной (размер или количество, пол или возраст для имен, кратность или продолжительность для глаголов и т.п.) и субъективной (оценка, характер отношений с адресатом).

Речь идет о принципиальной установке на рассмотрение синонимических и квазисинонимических отношений в русском языке как об исключительно самодовлеющей проблеме, как части интегрального описания языка [Апресян Ю. и др. 2004]. В то же время в

рамках деятельностной парадигмы синонимы (и квазисинонимы) представляют ценность исключительно для продуктивных речевых действий. Действий, в процессе которых производитель речи подбирает именно такое слово, которое, как ему кажется, наиболее адекватно замыслу производителя. А затем, учитывая парадигматические характеристики и синтагматические ограничения выбранного слова (обычно небезграничные) строит соответствующее словосочетание, предложение, высказывание. Вполне допуская, что предложенная модель не всегда соответствует реальным речемыслительным процессам, хочу подчеркнуть, что само осмысление синонимии отнюдь не как раздела классификации типов отношений между словами, но как источника, исключительно важного именно для продуктивной речевой деятельности, не имеющего большой ценности для рецепции, принципиально. (Важная для рецепции прежде всего художественных текстов мысль о «вертикальном контексте» включает синонимию как часть проблемы, отнюдь не самую главную).

Взгляд на язык не как на объект разнообразных самоценных и самоцельных классификаций, но как на орудие реципиента и продуцента, по-другому ставит вопрос о сочетаемости языковых единиц. Очевидно, что вопрос этот практически нерелевантен для рецепции, а именно для продукции выступает как центральный после выбора из общих возможностей и конкретных ограничений. Это обстоятельство, в частности, ставит вопрос о том, всегда ли именно слово выступает в качестве базовой единицы языка. Не является ли во многих (sic!) случаях таким базовым основанием словосочетание. Изучение фразеологии в семасиологическом и ономасиологическом аспекте дает весомые аргументы в поддержку этой мысли [Баранов А.Н., Добровольский Д.О. и др. 2007]. А теоретическое признание двух типов формальных базисных единиц языка, слов и

словосочетаний, имеет важные практические последствия и для словарей, в том числе и толковых, и для практики преподавания русского языка как иностранного особенно, а также для прояснения связей между языком и речемыслительной деятельностью человека [Копотев, Стексова 2016].

Продолжая обсуждение интересов говорящего/пишущего на русском языке, нельзя не упомянуть о грамматике. наших коллег почему-то не смущает очевидная бессмысленность задач такого, например, типа как «образовать глагол совершенного вида от глагола несовершенного вида» & vice versa. Подобная задача возникает тогда (и только тогда), когда предполагаемый для обозначения глагол, относясь к совершенному виду, не может *suī generis* обозначать действие в настоящем или соединяться, например, с *каждый день*, *по четвергам* и т.п. Производимая только в таких случаях замена непременно приведет к семантическим преобразованиям, более или менее приемлемым для производителя речи.

Я искренне прошу прощения у вероятного читателя, которого я, наверное, огорчил своими рассуждениями. «Я оптимист, и не вижу оснований быть кем-либо другим» (Черчилль), но осознание реальности — необходимое условие отсутствия будущих драматических разочарований.

Литература

Апресян Ю.Д. и др. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Языки славянской культуры Wiener Slawistischer Almanach, 2004.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. и др. *Словарь — тезаурус современной русской идиоматики*. М.: Мир энциклопедий, Аванта+, 2007.

Копотев М.В., Стексова Т.И. *Исключение как правило*. М.: Языки славянских культур, 2016.

Кошелев А.Д. *Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня*. Изв РАН СЛЯ, 2013. Т.72. №6. С. 3–22.

Ольховская А.И. *Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии*. М.: Флинта, 2015.

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ВЬЕТНАМЦЕВ

Нгуэн Кань Тоан

Вьетнамская академия общественных наук
(Вьетнам)
okabc007@gmail.com

Вьетнамо-российские отношения имеют глубокие исторические корни. Еще в конце XIX века Вьетнам посещали русские путешественники. В 1904–1905 годах российский крейсер «Аврора» заходил в Восточное (Южно-Китайское) море, в порт Камрань. Но подлинное зарождение отношений советско-вьетнамской дружбы относится к 1923 году, когда вьетнамский патриот Нгуен Ай Куок (ставший позднее Президентом Хо Ши Мином) приехал из Парижа в Москву для учебы в Университете трудящихся Востока. Здесь он принял участие в работе I Конгресса Крестьянского Интернационала, проходившего 12–15 октября 1923 года, был избран в его исполком и президиум. На V Конгрессе Коминтерна (17 июня — 8 июля 1924 года) Нгуен Ай Куок был избран членом Восточной комиссии, ответственным за работу Южного отделения.

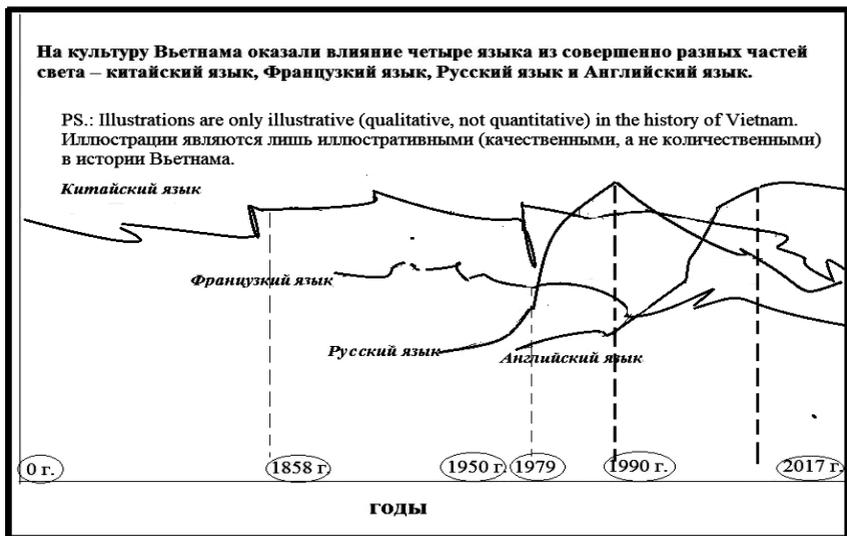

Рис. 1. Влияние языков на культуру Вьетнама

Восприятие русской литературы, одной из крупнейших национальных литератур, и творческое освоение ее достижений помогли вьетнамской культуре войти в контекст европейской цивилизации. Особенности вьетнамской культуры новейшего времени явились одновременное развитие собственной культуры и становление литературы современного типа. В последнем случае речь идет о формировании отдельных жанровых форм, аналогов которым нет во вьетнамской литературе.

В литературе Вьетнам испытал многовековое влияние Китая. Впрочем, оно сказалось на всех сторонах духовной жизни народа. До XX века вьетнамская письменность основывалась на китайских иероглифах, и лишь в прошлом столетии вьетнамский язык перешёл на латиницу, затем французский и после 1954 года французы вышли из Вьетнама, русский язык активно использовался на севере Вьетнама (в социалистическом лагере) и на юге Вьетнама,

английский стал распространенным. Поскольку американцы были здесь до 1975 года, наша страна объединила Юг-Север.

В кармане социологического опроса на советском форуме ностальгии (Ностальгия по СССР). Число респондентов — 1041 человек.

Вопрос: почему русская культура приходила в нашу страну медленнее, намного позже и менее полувека назад, но она произвела глубокое впечатление на жизнь вьетнамского народа?

- 72% любят и доверяют стране и народу Советского Союза, всегда поддерживали и поддерживали вьетнамский народ против американцев.

- 65% верили в советский режим

- 82% считают, что советская литература повлияла на мышление и настроения вьетнамского народа.

В результате победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов во Вьетнаме создались благоприятные условия для свершения вьетнамским народом Августовской революции 1945 года и образования Демократической Республики Вьетнам — первого государства рабочих и крестьян в Юго-Восточной Азии. Важной исторической вехой в двусторонних отношениях между Вьетнамом и Советским Союзом стало официальное установление между ними 30 января 1950 года дипломатических отношений. Отношения дружбы развивались во всех сферах: политической, экономической, научно-технической, военной, в сфере культуры, образования.

В политической сфере в течение нескольких десятилетий середины XX века, в ходе всех войн сопротивления, которые вьетнамский народ вел против иностранных агрессоров, он неизменно пользовался огромной моральной поддержкой, материальной помощью советского народа, прежде всего братского народа

Российской Федерации. После исторических трансформаций, произошедших в Советском Союзе в конце 80-х—начале 90-х годов XX столетия, развитие двусторонних вьетнамо-российских отношений на какое-то время замедлилось. В то же время они вступили в новый этап, изменились и по форме, и по содержанию, что потребовало создания новой правовой базы. Одним из шагов в этом направлении стало подписание Договора об основах дружественных отношений между СРВ и РФ (подписан в 1994 году), который заменил Договор о дружбе и сотрудничестве между СРВ и СССР (подписан в 1978 году).

Одним из важнейших событий в истории двусторонних вьетнамо-российских отношений стал первый официальный визит во Вьетнам президента России В.В. Путина в 2001 году. В ходе визита стороны подписали Совместную декларацию об отношениях стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией, в которой были определены направления развития отношений между двумя странами в XXI веке. Через десять лет, в конце июля 2012 года, состоялся официальный визит в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга. В ходе него стороны признали, что в результате эффективной реализации положений данной декларации российско-вьетнамские отношения поднялись на качественно более высокий уровень. В результате было подписано Совместное заявление о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Вьетнамом и Россией.

Наряду с политической, экономической, военной и научно-технической сферами вьетнамо-советские, а теперь вьетнамо-российские отношения успешно развиваются также в гуманитарной области. Создана крепкая законодательная база для развития вьетнамо-российских отношений в гуманитарной сфере. При этом необходимо отметить схожесть общественных систем двух стран, растущую с начала XXI века, что означает формирование объективных

предпосылок для активизации и расширения взаимного сотрудничества.

Дипломатические отношения между СССР и Вьетнамом были установлены 30 января 1950 г.

27 декабря 1991 г. Вьетнам заявил о признании России как продолжателя СССР. В течение более 40 лет, русская культура и русская литература оказывали большое влияние на духовную жизнь вьетнамского народа. У России и Вьетнама сложились давние и прочные отношения. События второй половины XX века в международных отношениях определяются разделением мира на два противоборствующих лагеря – социалистический во главе с СССР и капиталистический во главе с США.

Конечно, особенности есть у каждого языка, но во Вьетнаме с 1950 до 1990 г. много людей начали с русского языка, и его чувствуют лучше. Красоту русского языка мы почувствовали глубже, и поэтому русский язык для нас легче, чем английский. Как утверждают мои студенты, которые изучают сначала английский язык, а потом русский, последний намного сложнее. Значит, временной фактор тоже является важным именно для иностранцев, которые изучают чужой язык.

В целом же я считаю русский язык сложным, если сравнивать его с другими языками, особенно грамматический строй, фонетические особенности, стилистическую дифференциацию. В этом плане русский язык очень сложный. К тому же изучать русский язык в другой стране, во Вьетнаме, вне языковой среды, ещё сложнее, когда фильмов на русском языке практически нет, музыки нет. Работал Первый канал за границей и то пропал в последние 2 года. А если учащийся (не любой человек, который интересуется Россией) должен заходить в Интернет и сам что-то искать, то результат будет уже хуже.

Во Вьетнаме часто проходят такие мероприятия, как недели кино России во Вьетнаме, недели культуры России во

Вьетнаме, но эти мероприятия не настолько масштабны, чтобы привлечь внимание всех или хотя бы значительной части вьетнамского населения. Число любителей России и тех, кто знает русский язык уже очень долго, такое большое, что билетов даже для этих почётных гостей уже не хватает.

Русская литература оставила свой след на вьетнамской жизни в 1950-х и 1980-х годах XX века.

В 60-70-ых, 80-ых годах прошлого века русская литература была известна во Вьетнаме. Многие произведения великих авторов, таких как Пушкин, Цехов, Достоевский были переведены на вьетнамский язык. Известный вьетнамский переводчик Тхюи Тоан в интервью VOV5 сказал, что когда он еще работал в издательстве, 500 лучших произведений русской классической и советской литературы были переведены на вьетнамский. Русская литература оказала большое влияние на вьетнамскую литературу.

Можно перечислить некоторые книги советских авторов на вьетнамском языке, допущенные к продаже на фестивале старых книг: Соль земли (Георгий Марков, Издательство Труд (Лаодонг)), Крупская (Людмила Ивановна Кунецкая, Клара Александровна Маштакова, Издательство Тьенбо (Прогресс) — 1983), Сибирь (Георгий Марков, Издательство Каувонг (Радуга) — 1984), Улица младшего сына (Лев Кассиль, Макс Поляновский, Издательство Тьенбо (Прогресс) — 1978), Затмение (В. Тендряков, Издательство Такфаммой (Новое произведение) — 1989) и др. Даже в последние дни Фестиваля старых книг в Ханое, несмотря на то, что русских книг осталось немного, покупатели, любители русской литературы могли найти для себя некоторые произведения, которые были изданы в 70-ых, 80-ых годах прошлого века.

По словам продавцов, русские классические произведения были быстро распроданы. Было много желающих купить известные книги русских писателей, но на

самом деле таких книг было мало и их количество не могло удовлетворить потребности покупателей. Роман «Капля воды — Крупица золота» (Берды Кербабаев — Издательство Тьенбо (Прогресс) — 1979 г.).

Распад СССР негативным образом сказался на знакомстве вьетнамских читателей с русской литературой и наоборот. В то время почти никакие произведения современной русской литературы не появлялись во Вьетнаме, так же как и вьетнамские книги не переводились на русский язык.

В последние годы русская литература постепенно возвращается во Вьетнам благодаря усилиям таких переводчиков, как Тхи Ань, Тхюи Тоан, Доан Минь Хиеп, Фам Винь Кы и др. Многие издательства Вьетнама начинают переиздавать классические произведения русской литературы, разные серии детских книг и книги современных писателей. По мнению переводчика Тхюи Тоана, русская литература возвращается к вьетнамским читателям.

По словам продавцов, русские классические произведения были быстро распроданы. Фото: Тхань Тхе

Переводчик Дао Ван Хиеп, переводивший произведение «Прошедшие войны» писателя Канты Ибрагимовича поделился своим мнением о том, что создание Фонда поддержки переводов и популяризации русской и вьетнамской литературы в мае 2012 г. стало для него важным событием. Он также надеется, что благодаря поддержке этой организации, в ближайшее время многие произведения русской литературы, особенно современной появятся в продаже во Вьетнаме.

Фестиваль старых книг в Ханое 2017 г., проходивший с 21 по 23 апреля во дворе Хован в Ванмиеу — Куоктызам, стал самым большим фестивалем старых книг с начала 2017 г. На этом мероприятии продавалось около 20 тонн старых и новых книг по разным областям.

Рис. 2. Старые книги советских авторов, переведенные на вьетнамский язык. Фото: Тхань Тхе

Рис.3. По словам продавцов, русские классические произведения были быстро распроданы. Фото: Тхань Тхе

В обзоре статьи представлена панорама «вхождения» русских писателей во вьетнамскую литературу с самого начала и на протяжении целого столетия. Наглядно иллюстрируется отношение вьетнамских писателей-переводчиков и изданий к творчеству русских классиков.

Приводится также информация о том, как повлияло творчество Чехова, Пушкина, Толстого и Достоевского на душу вьетнамского народа: собрание переводов произведений великих классиков в отдельные тома и появление произведений, отражающих негативное отношение простого народа к аристократии.

В работе рассмотрено восприятие русской литературы и творческое освоение ее достижений. Восприятие русской литературы, одной из крупнейших национальных литератур, и творческое освоение ее достижений позволили вьетнамской культуре войти в контекст европейской цивилизации. Становление литературы современного типа и одновременное развитие собственной культуры являются особенностями вьетнамской культуры новейшего времени. При этом под становлением современной литературы понимается формирование отдельных жанровых форм, ранее не имеющих аналогов во вьетнамской литературе. Это, например, произведения крупной эпической формы, до появления которых значительные события описывались в форме рассказов.

Рис. 4. Русский язык, русская культура во Вьетнаме вчера, сегодня и завтра?

Для создания спроса на русский язык, русская культура во Вьетнаме следует одновременно развивать политические, экономические, социально-культурные отношения, а также отношения в области науки и образования. Я могу назвать несколько групп мер, которые позволят решить эту задачу. Сюда, во-первых, будут относиться, меры по развитию по-литических отношений.

Во-вторых, это группа мер по развитию экономических отношений. Здесь мы можем предложить следующее: провести исследование, чтобы найти ответ на вопрос о том, почему россияне относительно неохотно открывают свой бизнес во Вьетнаме; изучить опыт успешных и неудачных российских инвестиционных проектов во Вьетнаме, а также вьетнамских инвестиционных проектов в России; развивать экономические отношения между странами, что, к сожалению, от нас мало зависит, но служит главным фактором спроса на русский язык (только российские

инвесторы смогут создать рабочие места, требующие знания русского языка).

В-третьих, это группа мер по развитию и укреплению социальных и культурных связей между Россией и Вьетнамом. Помимо мероприятий, ежегодно проводимых государствами (таких как «Неделя русского языка во Вьетнаме»; «Дни культуры России во Вьетнаме»; «Неделя русского кино во Вьетнаме»; «Дни русского языка и культуры России во Вьетнаме»; «Дни культуры Вьетнама в России») или Обществом российско-вьетнамской дружбы (ОРВД), мы предлагаем разработать и более конкретные мероприятия, которые способны глубже проникать в социально-культурную жизнь вьетнамцев.

Центр российской культуры в Ханое ежегодно проводит олимпиаду по русскому языку для школьников старших классов и для студентов первого — второго курсов вузов Вьетнама. Но, правда, стипендию получают, чтобы приехать учиться в Россию, немногие. Желание есть, и достойных тоже много. Хотелось бы, конечно, чтобы было большее количество мест.

Как мы сказали, что русская культура и русская литература оказали большое влияние на духовную жизнь вьетнамского народа с начала 20-го века.

Русская культура приходила в нашу страну медленнее, намного позже и менее полувека назад, но она произвела глубокое впечатление на жизнь вьетнамского народа. Как видно культура играет большую роль в сотрудничестве между Вьетнамом и Россией.

Поэтому говоря о вьетнамо-российских отношениях, следует отметить важность сотрудничества в сфере культуры. В той обстановке, когда в регионе и мире происходят большие перемены, две стороны тесно сотрудничают друг с другом в этой области, что служит действенным вкладом в сохранение мира и стабильности в целях развития экономики каждой страны.

Наряду с этим, также хорошо развивается народная дипломатия между двумя странами. Сотни тысяч российских и вьетнамских туристов, а также около 100 тысяч вьетнамцев, проживающих и работающих в России, вносят значительный вклад в дальнейшее укрепление вьетнам-российского всеобъемлющего стратегического партнёрства.

Литература

Ву Конг Хао. *Восприятие романа «Мастер И Маргарита» М.А. Булгакова во Вьетнаме. Специальность 10.01.01 — русская литература. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* М., 2005.

65-летие дипломатических отношений Вьетнам-Россия/СССР. URL: <http://www.nhat-nam.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=1606&start=15> (дата обращения 30.09.2017).

Лучшие фильмы о Вьетнамской войне. URL: <http://allbestmovies.ru/5438-luchshie-filmy-o-vetnamskoy-voyne.html> (дата обращения 30.09.2017).

Trịnh Thị Kim Ngọc. Văn hóa Nga trong đời sống xã hội Việt Nam. Viện Hàn lâm KHXH Việt Nam.

Nguyen Canh Toan. Вьетнамская община — часть российского общества? // *Вьетнамские исследования. Выпуск 4 Вьетнам в мировом сообществе.* М.: ИДВ РАН, 2014. 384 с.

INTERCULTURAL PRACTICE AT THE FACULTY OF LETTERS (SOKA UNIVERSITY) AND AT A LITERATURE CLASS

R. Asayama

*Soka University
(Japan, Tokyo)*

The Faculty of Letters at Soka University aims to produce students who can make intercultural communication, students who are intercultural minded.

Our faculty, the department of humanities—offers some 350 liberal arts classes. To get a Bachelor's degree, a student needs to take some 65 classes. So we offer six times more classes. We offer such liberal arts as history, philosophy, literature, philology and sociology (including peace studies and social welfare studies).

The kinds of graduates we would like to produce are a businessman who can talk of history, philosophy, literature, etc.; a Japanese language teacher who knows world history as well as Japanese history, and can speak a foreign language (English, Russian, or Chinese); a housewife who knows philosophy and sociology, etc. In short, we would like to produce well-educated people covering different liberal arts areas, not a specialist in just one area.

To enrich our knowledge, we need to cultivate our language ability. Soka University was recognized in 2014 by the Japanese ministry of education as a Super Global University in Japan. (The government gives subsidies to promote globalization of our campus for 10 years.) And we have globalized our campus in the past four years. We have academic exchange programs with 192 foreign institutions. We aim to make 20% of the 8000 students foreign students (right now 7%); we aim to have every student

experience his/her study abroad (right now 52%); we invite foreign scholars (each for one term) to teach their expertise in English, the expertise that our university cannot afford. From Russia our faculty invited two scholars so far, one teaching Russian History and the other teaching Russian Literature. In this way our university wants to have 20% of the students attain a high-level in foreign language proficiency. In the case of foreign students, the university wants them to get high-level Japanese proficiency in three or four years.

In our faculty, more than 30% are at a high level either in English, Russian or Chinese (or Japanese in the case of foreign students). My faculty offers double degree programs in English and Chinese (in which respectively 7 and 10 students are dispatched every year and they study two years overseas). And three students come to Peoples' Friendship University for ten months every year, while six of your students study at our university each for 5 months. These programs greatly stimulate our faculty's students and have helped raise their language level.

Thus our faculty would like to produce students who can think interculturally and make a good intercultural communication.

As for me, I teach American literature, and I intend to make my students intercultural minded. For example, when I teach the American Renaissance, I introduce the transcendentalist Ralph Waldo Emerson, saying he was influenced by the French thinker Jean Jacques Rousseau and the German writer Johan Wolfgang Goethe—very intercultural. Rousseau had said, "There is an order or a will in nature." "This Being which moves the world and orders all things, I call God." "I perceive God everywhere in His works. I see Him in me; I see Him all around me." (Emile, 1762) And Emerson says, "God is in every man." (Journal, 1833) and "God in us worships God." (Journal, 1831) Emerson means to say God is originally in us. We are happy when we are aware of it, we are unhappy when we forget about it. This idea was developed by Henry David Thoreau and was transmitted to

Tolstoy. Tolstoy says¹, “Everyone can get a divine perfection.” (The Kingdom of God is within You, 1893) “Everyone has the spiritually divine in him—which can be called God.” (What Men Live by, 1885) It seems Rousseau or Emerson knew nothing about Buddhism, but Buddha had said around 500 B.C. “Everyone has Buddhahood.” “Everyone can be a Buddha.” We are surprised at the coincidence of the ideas. By comparing ideas and cultures, we come to the conclusion that people are very much alike, pursuing similar ideas and that we may build together a better world.

In Tolstoy’s War and Peace (1864-69), there are such scenes: (in a battle Prince Andrei fell on his back, receiving a violent blow on the head.) Above him there was now only the sky, immeasurably lofty, with grey clouds creeping softly across it. He thought, “How quiet, peaceful and solemn! Quite different from us running and shouting and fighting. How differently do these clouds float across that lofty, limitless sky! How was it I did not see that sky before? And how happy I am to have found it at last!”(326) Also, later when Napoleon asked him questions, “So trivial seemed to him at that moment all that interests Napoleon, so petty did this hero with his paltry vanity appear, compared to that lofty, righteous and kindly sky which he had seen, that he could not answer him.”(340) Physically wounded in the battle and then mentally injured by his wife’s death he retires to his home for a while. One day, on business related to property, he visits a local marshal. While driving, he heard merry girlish cries, and caught sight of young girls running to cross the road, led by a dark-haired, slim, black-eyed girl. She shouted something, but seeing a stranger, ran back laughing, without looking at him. Prince Andrei was shocked. “That slim pretty girl did not know or care to know of my existence, and was content and happy in her own life—foolish no doubt—but lighthearted and carefree and remote from me. What is she thinking of? Why is she so happy?” Andrei asked himself (493). Finishing his business and after staying one night, he leaves for home. On his way he sees an

old oak tree. The old tree spread out sappy green, and seemed to sway in the evening sun. Through the rough, very old bark, leaves had sprouted, so juicy, so young that it was hard to believe that this aged tree had borne them. "All at once he was seized by an irrational, spring-like feeling of joy and renewal."(496)

Readers are attracted by nature's loftiness or nature's law, the joy of life and renewal seen here. Buddhism, too, talks of the law of the universe, rebirth or reincarnation. Life never ends. You are born and born again. Tolstoy's renewal idea is quite similar to Buddhism. Tolstoy says^{*2} in a work (1882), "God is life itself," and in a diary, "Life force can be called God." If life force can be equated to nature's law, how much alike are Buddha's, Rousseau's, Emerson's, Thoreau's, and Tolstoy's ideas!

In Japan, Soseki Natsume read Emerson and Tolstoy, but sorry to say, he could not write anything about life's infinity or renewal, I think.

Two years after *War and Peace*, Dostoyevsky published *Crime and Punishment* (1866). He says he wrote after he read Edgar Allan Poe, the American writer. (How intercultural and cross-cultural this was!) A college student, Raskolnikov, commits a crime of murder, and, cornered by a magistrate, and persuaded by Sonia, a poor pious girl, delivers himself to the police. Sonia saves the desperate but proud Raskolnikov from the depth of hell. "How you suffer!" she wails in anguish, "Go at once, this very minute, and stand at the crossroads, bow down, first kiss the earth you have defiled, and say to all men aloud, I am a murderer! Then, God will send you life again." (433) Even though he rejects her proposal, she keeps on repeating. She says, "To go about with this on your conscience! All your life! All your life!" He finally surrenders and asks her, "Will you visit me in prison when I am there?" "Oh, I will, I will!" she says. He looked at Sonia and felt how great her love for him was, and he felt pained that he should be loved so much. She gives him her cross, saying, "We'll suffer together, so let us bear our cross together." (435) Toward the end of the novel it goes: The second time he had bowed down to the

ground he saw Sonia, standing about fifty feet away. So she had accompanied him all along his way! Raskolnikov at that moment knew that Sonia was with him for ever, and that she would follow him to the ends of the earth. He was deeply moved. I too was deeply moved and cried as if I myself had been saved from the depth of hell. I am sure many people around the world cried at this scene. After some hesitation, he goes to the police. The book shows the strength of religion.

Japanese writers followed. Toson Shimazaki and Soseki Natsume wrote books that deal with main characters suffering a sharp pang of conscience for their own reasons.

When I talk of Emerson, Tolstoy, or Dostoyevsky in class, students' eyes brighten and when I ask, "Are we not saved by great works from the bottom of darkness?" they say yes. I further ask, "When we read Shakespeare don't we come to love England? When we read Victor Hugo, Don't we come to love France? When we read Tolstoy or Dostoyevsky don't we come to love Russia? When we read Lu Xun, don't we come to love China? Don't you think literature helps build friendship and a firm basis for world peace?" Then the students nod and applaud. Intercultural experience broadens our view and enriches our life.

I gave similar lectures off campus and the attendants unanimously applauded.

Finally, I would like to produce intercultural students who love humans and work for world peace.

Notes

- *1. These two phrases are cited in Eguchi's thesis.
- *2. These two phrases are cited in Eguchi's thesis.

References

Dostoyevsky F. *Crime and Punishment / Translated with an Introduction by David Magarshack*. Great Britain: Penguin Books, 1951.

Rousseau J.-J. *Emile / Introduction, Translation and Notes by Allan Bloom*. New York: Basic Books. 1979.

Tolstoy L. N. War and Peace / Translated and with an Introduction by Rosemary Edmonds. Vol I. Great Britain: Penguin Books, 1957.

江口満 トルストイの宗教観と池田思想 (『東洋学術研究』第47巻第2号、2008).

ДИГЛОССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

С.А. Москвичева*, А. Вио**

* РУДН

(Россия, Москва)

moskvitcheva@mail.ru

** Национальный центр научных исследований
Лаборатория 5478 IKER CNRS

(Франция, Бордо)

alain.viaut@msha.fr

Языковые ситуации в условиях языковых контактов редко отличаются устойчивостью и сбалансированностью. Гораздо чаще они имеют характер открытого, латентного или потенциального конфликта, который часто, хотя и не всегда, связан с идеологией национализма [Андерсен 2001, Геллнер 1991]. Неравновесные динамические билингвальные сообщества, а такие сейчас преобладают, удобно описывать в терминах диглоссии, понимаемой в духе каталонской социолингвистической школы (Л. Арасиль, Ниниолис) и школы Монпелье (Р. Лафон, А. Буайе и др.). В настоящей статье мы проследим эволюцию понимания диглоссии в современной социолингвистике по трем параметрам: от ее трактовки в рамках внутренней лингвистики к внешней; от статического представления диглоссных ситуаций к динамическим; от представления диглоссии как стабильной

ситуации к ее пониманию как открытого / потенциального конфликта.

Истоки любой современной социолингвистической школы следует искать в классических работах Ч. Фергюсона [Ferguson 1959], Дж. Гамперца, Дж. Фишмана [Fishman 1967] и У. Стюата, которые в целом вписываются в структурную парадигму, следовательно, феномен *диглоссии* предстает как статичный. При анализе данной проблематики Ч. Фергюсон опирался на социолингвистические ситуации, характеризующие функциональное распределение вариантов *одного языка* (или генетически близких языков), то есть на критерии внутренней лингвистики. Контакты на одной территории типологически или генетически различных языков не трактовались как диглоссия, что сужало инструментальную ценность термина. Им же было предложено различие высоких (*high variety* — HV) и низких (*low variety* — LV) вариантов языка или родственных языков. Отголоски этого подхода весьма сильны по настоящее время. Достаточно обратиться к русскоязычной версии Википедии, статье «Диглоссия» (Электронный ресурс: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Диглоссия>).

В связи с таким пониманием диглоссии возникает целый ряд вопросов: возможен ли билингвизм без диглоссии, а если он сопровождается диглоссной ситуаций, будет ли такое положение стабильно и от каких факторов это зависит? Возможен ли социальный билингвизм? Список вопросов можно продолжить. Например, по какому типу билингвизма / диглоссии можно охарактеризовать ситуацию в Швейцарии (немецкий/французский языки), Испании (испанский/каталанский), Российской Федерации (русский/татарский, русский/карельский) и т.д.? Интуитивно совершенно очевидно, что каждый раз мы имеем дело с разными феноменами и стандартный набор характеристик билингвизма будет недостаточен.

В работе Дж. Фишмана «Билингвизм с и без диглоссии. Диглоссия с и без билингвизма», увидевшей свет в 1967 году [Fishman 1967], были разведены понятия *билингвизма* как области индивидуального и, следовательно, психолингвистики и *диглоссии* как явления социального. Подход к диглоссии с точки зрения внешней, а не внутренней лингвистики существенно расширил область применения термина, поскольку предполагал подведение под понятие диглоссии любых контактирующих языков, а не только высокого и низкого варианта одного / близкородственного языков. Ни Ч. Фергюсон, ни Дж. Фишман не трактовали ситуацию диглоссии как конфликтную. Этому способствовали как тот эмпирический материал, который был взят авторами за основу, так и господствующие эпистемологические парадигмы эпохи, в первую очередь структурная лингвистика в ее дескриптивном и генеративном вариантах, принципиально не предполагающая обращение к индивиду и его психике.

В рамках социолингвистических исследований одним из первых, кто обратился к индивиду, был Х. Клосс [Kloss 1966, 1969]. Он полностью разделял идеи Дж. Фишмана о функциональной дифференциации языков в рамках языкового сообщества, но ввел еще одну переменную в описание языковых контактов — *внутреннее отношение* говорящих к используемым идиомам, что сразу и неизбежно перевело проблему из разряда статических в динамический аспект. С точки зрения Х. Клосса, более важным оказывается не объективное положение языка, а его субъективные оценки, тот социальный образ, который данный язык имеет в том или ином сообществе. Эти идеи получили глубокое развитие в рамках социолингвистической школы Монпелье и в первую очередь в трудах Р. Лафона и Ф. Гарди [Lafont 1979, 1981, Gardy 1981]. Таким образом был задан новый вектор социолингвистических исследований: от индивида и его психики к социуму. Психологические аспекты языковых

контактов и диглоссных ситуаций с точки зрения ее роли и места в педагогических неудачах и как тормоз в социальном продвижении были подвергнуты глубокому анализу в новаторских работах У. Лабова и Б. Бернштайна, увидевших свет примерно в одно время с работами Дж. Фишмана и Х. Клосса.

К началу семидесятых годов прошлого века концепты билингвизма и диглоссии были описаны и проанализированы как в рамках структурных лингвистических парадигм, так и с точки зрения индивидуальной и социальной психологии, социологии и политологии. Они также перестали трактоваться как статические и перешли в разряд динамических моделей. Этому способствовали и экстралингвистические факторы — политические и социальные изменения в обществе. Процессы унификации и стандартизации образовательного и языкового пространства привели к протестным движениям со стороны представителей не-доминирующих языков и культур как по одну, так и по другую сторону океана. В социолингвистике это выразилось в формировании двух весьма авторитетных школ: Канадской с центром в Квебеке, выдвинувшей и разработавшей концепт *мультикультурализма*, и Каталонской — центральными идеями которой стали понимание *диглоссии как конфликта* и процесса *нормализации* как совокупности мер, направленных против языкового сдвига.

Под *конфликтом* Каталонская школа понимает неустойчивую языковую ситуацию, которая может привести к *диглоссии*, ситуации социального и политического неравноправия языков. В 1978 году на Конгрессе каталонской культуры языковой конфликт был определен следующим образом: «О существовании языкового конфликта можно говорить в том случае, если два четко дифференцированных языка сталкиваются в процессе использования, причем один является политически

доминирующим (используется в официальных и публичных сферах), а второй политически *доминируемый*» [Kremnitz 1996: 250]. Формы конфликта могут быть как открытыми, так и латентными или же потенциальными.

Итак, *диглоссия* оказалась производной от институциональных и социальных структур общества, она описывается в терминах *доминирования* и *маргинализации*, коррелирует с параметрами *статуса* и *престижа языка*, а также связанными с ними параметрами *социального образа языка* (репрезентации в сознании носителей) и языковой *лояльности*.

Таким образом, далеко не любая ситуация социального билингвизма может считаться диглоссной и далеко не любой миноритарный язык находится в ситуации диглоссии.

Литература

Андерсен Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.

Геллнер Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991. 323 с.

Aracil Ll. V. *Conflit linguistique et normalisation linguistique dans l'Europe nouvelle*. Nancy. 1982. P. 23–38.

Ferguson Ch. Diglossia // *Word*. 1959. № 15 P. 325–340.

Fishman J. Bilingualism with and without Diglossia; Diglossia with and without Bilingualism // *The journal of Social Issue*. 1967. № 23. P. 29–38.

Gardy Ph., Lafont R. La diglossie comme conflit: l'exemple de l'occitan. // *Langages. Bilinguisme et diglossie*. 1981. № 61. P. 75–93.

Kloss H. Types of Multilingual Communities // *Sociological Inquiry*. 1966. № 36. P. 135–145.

Kloss H. *Research possibilities on Group Bilingualism: Report*. Québec, 1969.

Kremnitz G. Diglossie. // *Kontaktlinguistik. Contact Linguistic. Linguistique de contact*. Berlin, New York, 1996. P. 245–258.

Lafont R. *Productivité culturelle et domination linguistique*. // *Lengas. Revue de sociolinguistique*. 1979. № 6. P. 1–23.

ИГРА С ЭКЗОТИКОЙ: ЖАНР ПАНТУМА В ЛИРИКЕ И ПЕРЕВОДАХ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Е.Ю. Куликова

Институт филологии СО РАН
(Россия, Новосибирск)
kulis@mail.ru

Интерес Николая Гумилева — и литературный, и биографический — к экзотике проявился не только в поэтических и прозаических описаниях Африки, исследованной им и по книгам, и по личным впечатлениям, но и в тяготении поэта к необычным строфическим формам. Достаточно экзотический стихотворный жанр, которым интересовался Гумилев, — пантум — в его творчестве встречается пять раз: в седьмой «Абиссинской песне» (1914–1916?), в стихотворении «Гончарова и Ларионов» (1917–1918), в пьесе «Дитя Аллаха» (диалог Птиц и Гафиза) (1916–1917?), в переводе «Малайских пантумов» Ш. Леконта де Лиля (1919) и в черновом наброске «Какая смертная тоска...» (1921).

М.Л. Гаспаров в своих «Комментариях» к стихам русских поэтов рубежа XIX–XX вв. приводит следующее определение пантумов: «В малайской народной поэзии пантум (точнее, «пантун») — это импровизированные четверостишия (обычно с тематическим параллелизмом), иногда соединяемые в цепочку так, чтобы 2-й и 4-й стихи каждой предыдущей строфы повторялись как 1-й и 3-й стихи следующей строфы» [Гаспаров 1993: 195].

Повторы в пантумах создают особый словесный орнамент, превращающийся в устойчивый узор, который, с одной стороны, делает твердыми и застывшими мотивы и образы, но, с другой — раскачивает их из стороны в сторону, придавая им каждый раз новый оттенок значения.

В примечаниях к седьмой «Абиссинской песне» Гумилев пишет: «Галлаская песня. В ней чередуются две темы: политического затруднения, кончающегося войной, и отвергаемой любви. Любопытно сравнить с малайскими пантумами. Возможно даже влияние при посредстве мадагаскарских малгашей, у которых тоже встречаются упрощенные пантумы» [Гумилев 1988: 494]. «Абиссинские песни» были собраны Гумилевым во время его путешествий по Африке. Заголовок отсылает к знаменитым мистификациям XVIII-XIX вв. — «Мадагаскарским песням» Э. Парни, к циклу П. Мериме «Гузла», «Песням западных славян» А. Пушкина. Между тем предполагается, что Гумилев «песни» сочинил не сам, а перевел, в отличие от его же «Абиссинских песен» 1911 г., созданных «независимо от настоящей поэзии абиссинцев» [Гумилев 1911: 76].

Характерно, однако, дублирование названия: через несколько лет после сочиненного поэтом стихотворного цикла складывается другой, по всей вероятности, подлинный, носящий, тем не менее, тот же заголовок. Даже собирая (с помощью французских переводчиков) песни, Гумилев расставляет свои акценты, формируя композиционный цикл. И почти в центре этого цикла оказывается стихотворение, отражающее тяготение Гумилева к твердым формам поэзии. 7-ю Абиссинскую песню нельзя назвать пантумом, принятым в литературе модернизма или используемым французскими поэтами XIX в., но зато она ближе к народным малайским пантумам или к упрощенным пантумам малагасийцев, как указывает Гумилев в примечании. Вероятнее всего, 7-я Абиссинская песня — лишь первый шаг к созданию русского пантума, в котором будут соблюдены все правила жанра.

В 1917–1918 гг. Гумилев пишет оригинальное стихотворение, используя максимум возможностей этого жанра. «Гончарова и Ларионов» — «правильный» пантум, посвященный двум художникам, творчество которых было

связано как с Востоком, так и заключало в себе авангардистское начало.

Илья Зданевич (Эли Эганбюри) придумал красивую легенду о том, что в 1908 г. Гончарова путешествовала по Африке, посещала Бенин, побывала на Мадагаскаре с экспедицией Пенсильванского университета и даже руководила раскопками. На самом деле, Гончарова никогда не была в Африке. Однако эта мистификация — создание «возможной (духовной) биографии» художницы — не случайна. И Гумилев, и Гончарова были связаны похожими легендами, оказавшими значительное влияние на их дальнейшую судьбу. Первые «африканские» стихи (например, известнейший цикл об озере Чад) были написаны до того, как сам поэт посетил те места. А.Б. Давидсон писал в своей книге «Муза странствий Николая Гумилева»: «Существует... прочно утвердившееся мнение, что первый раз Гумилев побывал в Африке еще в 1907 году, отправившись туда впервые из Парижа» [Давидсон 1992: 35].

Авангардистские открытия Гончаровой и Ларионова оказались вписанными в строгую форму малайского жанра в пантуме Гумилева. Но именно этот жанр обладает чертами восточного орнамента, подчеркивая творческие особенности двух художников. Связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, орнамент, как правило, выявляет или акцентирует архитектуру предмета. В стихотворении Гумилева система повторяющихся строк, с каждым поворотом меняющих оттенок смысла, позволяет представить визуально картины Гончаровой и Ларионова.

Начинается пантум со строки «Восток и нежный и блестящий» и ею же заканчивается. Яркое оперение текста имеет кольцевую структуру, восточный мотив опоясывает стихотворение, и судьба и творчество двух художников оказываются преломленными в свете сияющего орнамента — стихотворного узора, основанного на повторе и чередовании составляющих его элементов.

Обратимся в заключении к «Малайским пантумам» Ш. Леконта де Лиля, переведенным Гумилевым, но не опубликованным. Они хранятся в РГАЛИ в фонде Л.В. Горнунга. «Это не подлинники: речь идет о материалах, которые... Лукницкий нашел в папках “Всемирной Литературы” и переписал перед тем, как издательство окончательно закрыли» [Лащарин 2012: 173]. В 2011 г. «Малайские пантумы» в переводе Гумилева были напечатаны в статье К.С. Корконосенко в «Западном сборнике» (в честь 80-летия П.Р. Заборова) [Корконосенко 2011: 177-186].

Перевод Гумилева точен, максимально приближен к оригиналу. Сохранена композиция текста, его пять частей, опоясанных повторяющимися стихами, ритм — «octosyllabe, типичный для пантума, передается четырехстопным ямбом» [Лащарин 2012: 174]. «Для поэтов, в том числе и Серебряного века, иностранные тексты были лишь поводом для сочинения собственных стихов в форме “вариаций на тему”, что бросается в глаза, например, в переводах “Цветов зла”, сделанных Брюсовым, Анненским или Бальмонтом» [Там же 2012: 172]. «Передать создание поэта с одного языка на другой — невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты» [Брюсов 1975: 105], — пишет В. Брюсов в статье «Фиалки в тигеле». По мнению Гумилева, переводчик «должен быть... внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая наиболее характерное для каждого автора, позволяет себе, в случае необходимости, жертвовать остальным. И он должен забыть свою личность, думая только о личности автора. В идеале переводы не должны быть подписными» [Гумилев 1990: 73].

Перевод Гумилева «Малайских пантумов» — поэтически точный, то есть наделенный той долей смысловых совпадений, которые коррелируются переключками фонетическими и артикуляционными, когда возникает изумительное переплетение строк, в каждом

новом повороте приобретающих дополнительные оттенки смысла.

Фон экзотической природы намеренно подчеркнут Леконтом де Лилем и передан Гумилевым. Перевод Гумилева демонстрирует модернистское начало экзотической темы: форма пантума, ориентированная, с одной стороны, на национальную восточную поэзию; с другой — на французскую средневековую (например, жанровую лирику Ф. Вийона, использующего формы рондо, рондели, баллады и др.), в сочетании с ориентальными мотивами оказывается частью нового способа выражения.

Литература

Брюсов В. Собр. соч. в 7 т. М.: «Худ. Лит», 1975. Т. 6. С. 103–109.

Гаспаров М.Л. *Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях: учеб. пособ. для вузов*. М.: Высш. шк., 1993. 272 с.

Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 7. С. 75–78.

Гумилев Н.С. *Письма о русской поэзии*. М.: Современник, 1990. 383 с.

Гумилев Н.С. *Стихотворения и поэмы*. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

Давидсон А. *Муза странствий Николая Гумилева*. М.: «Наука», Изд. фирма «Восточная лит.», 1992. 319 с.

Корконосенко К.С. Неопубликованный перевод Николая Гумилева: «Малайские пантумы» Ш. Леконта де Лиля // *Западный сборник: В честь 80-летия П.Р. Заборова*. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С. 177–186.

Лацтарин Ф. Н.С. Гумилев — переводчик и редактор французской поэзии во «Всемирной литературе» // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 2012. № 3. С. 163–178.

«СЛОВО И ОБРАЗ В ПОИСКАХ ДРУГ ДРУГА»: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА¹

О.А. Леонтович

ВГСПУ

(Россия, Волгоград)

olgaleo@list.ru

Интерсемиотический перевод, или *трансмутация*, — понятие, введенное в лингвистику Р. Якобсоном [Jacobson 1959], — используется для обозначения особого вида семиозиса — интерпретации вербальных знаков посредством невербальных. Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных анализу интерсемиотического перевода русской классики на «язык» отечественной и зарубежной кинематографии и сценических произведений [Леонтович 2008; Leontovich 2015 и др.]. Она написана в русле критического дискурс-анализа и нацелена на рассмотрение переводческих трансформаций, имеющих как позитивные, так и негативные социальные и политические последствия.

Было исследовано 4 зарубежных и 7 российских художественных фильмов, а также 4 зарубежных телесериала — то есть в общей сложности 15 экранизаций русской классики общей продолжительностью 99 часов. В дополнение к кинотекстам, рассматривается бродвейский мюзикл “Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812” (2013–17 гг.), созданный по мотивам «Войны и мира» Л. Н. Толстого. В связи с ограниченным объемом статьи, мы проиллюстрируем ее основные положения лишь некоторыми из этих произведений.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-34-00016.

Ссылаясь на работы Ч. Пирса, Дж. Джеха отмечает: «Говорить, что фильм понравился вам, больше, чем книга, — это все равно что утверждать, что вы предпочитаете яблоки яблочному пирогу», ибо экранизация фильма есть не что иное как бесконечная серия репрезентаций, отталкивающихся от письменного текста [Jeha].

Идея диалогичности смыслопроизводства приобретает при таком подходе особое звучание. Так, Дж. Наремор отмечает, что амбивалентная природа экранизации может трактоваться как многоуровневый диалог между исходным и конечным текстом [Naremore 2000, 67]. Развивая эту мысль, К. Лермитт пишет о необходимости развивать эстетику, основанную на диалектическом взаимодействии между литературой и кино, сложность взаимоотношений которых обусловлена множественностью используемых знаковых систем (письменного и устного текстов, музыки, действия и образов). В процессе экранизации комбинируются не только слова (в их письменной и устной форме), но и игра актеров, музыка, звуковые эффекты, движущиеся образы [Lhermitte].

Обеспечивая доступ к иноязычному тексту, перевод, в том числе интерсемиотический, открывает целевой аудитории окно в чужое культурное пространство. При этом режиссеры, принимающие ключевые решения в отношении того, какой быть интерпретации исходного произведения, руководствуются различными целями: 1) коммерческой; 2) идеологической (политической); 3) творческой.

Достижение первой цели предполагает адаптацию экранной версии произведения к вкусам, ценностям и культурным предпочтениям аудитории, то есть потенциальных потребителей. Подобно тому, как говорят о коммодификации языка [Павленко 2017], можно говорить о коммодификации продукта интерсемиотического перевода. Вторая цель сопряжена с идеологическими установками создателей фильма и наличием социального заказа; она может быть связана как с внешней, так и внутренней

политикой. Третья цель — интерпретационная — обусловлена попыткой режиссера донести до зрителя свое «прочтение» оригинального произведения.

Следующий пример показывает, как обозначенные выше цели тесно переплетаются и взаимодействуют друг с другом и как неправильный расчет творческой группы может привести к неудаче. Показ упомянутого выше бродвейского мюзикла “Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812” в США закончился крупным скандалом в результате того, что первоначально роль Пьера исполнял белый актер, затем на эту роль был назначен афроамериканец, а потом режиссер заменил его на другого белого исполнителя, мотивируя это решение своим творческим замыслом. Американская публика восприняла это как нарушение принципа политической корректности; продажи билетов резко сократились. В результате в сентябре 2017 г. показ мюзикла был прекращен, что ознаменовало собой ее коммерческий провал.

Создатели экранизаций и постановок (как внутри одной культуры, так и в межкультурном контексте) демонстрируют разное отношение к понятию «верности оригиналу». С одной стороны, имеет место «фетишизация исходного текста», неприкосновенного в инаковости своей формы [Ponzio 2003, 113]; с другой — разная степень деформаций на вербальном и невербальном уровне.

Переозначивание литературного текста средствами кинематографической семиотики сопряжено с такими трансформациями как: 1) редукция, то есть пропуски частей произведения; 2) расширение, то есть восполнение пробелов, внесение дополнений и означивание недосказанного; 3) реинтерпретация — переделка оригинала в соответствии с творческими задумками режиссера и творческой группы.

Пример первого вида трансформации — отсутствие практически во всех экранизациях «Войны и мира» пространных философских размышлений автора. В данном

случае это чисто техническое решение, обусловленное трудностью их восприятия на слух, а также экранным временем. Однако в ряде случаев определенные эпизоды исключаются из фильма по иным причинам: из-за непонятности или неприемлемости их для целевой аудитории, несоответствия образу, который пытается «вылепить» режиссер и т. д. Так, при съемках банной сцены в китайской телеэкранизации повести Б. Васильева «А зори здесь тихие» (2005) режиссер попытался одеть женщин в длинные рубашки. Однако снимавшиеся там русские актрисы наотрез отказались от них, потому что это не соответствует русским реалиям. Кроме того, в экранизации С. Ростockого 1972 г. эта сцена — революционная для русского зрителя той эпохи, не привыкшего к демонстрации на экране обнаженной натуры, — стала знаковой, показав, что женские тела предназначены для любования и рождения детей, а не для войны. Компромиссным решением стало то, что в китайском сериале женщины показаны сидящими по шею в воде в больших лоханях; эти сцены были продемонстрированы российским зрителям, однако исключены из показа по китайскому ТВ как недостаточно целомудренные.

Этот же сериал является хорошей иллюстрацией второго вида трансформации — расширения кинотекста по замыслу сценариста и режиссера. Достаточно короткая повесть развернута в 19 серий, куда добавлены длинные диалоги о любви, служении родине, гражданском долге и борьбе с врагом. Благоприятно воспринимаемые китайским зрителем, эти длинноты неприемлемы для русского, в связи с чем при показе по российскому ТВ сериал был сокращен с 19 серий до 12.

Реинтерпретация как третий вид трансформации находит свое воплощение в изменениях сюжетной линии, образов персонажей, их коммуникативного поведения, объяснении мотивов их поступков. Так, пристрастие

американских зрителей к «хэппи энду» вынуждает голливудских режиссеров менять исход экранизаций как их отечественных (например, “The Scarlet Letter”), так и иностранных произведений. Если в финале русского фильма «Братья Карамазовы» (1968), как и в романе Достоевского, Дмитрия в кандалах угоняют в Сибирь, а Грушенька в повозке следует за ним, то в американском фильме “The Brothers Karamazov. The Murderer Dmitri Karamazov” (1958) Дмитрий навещает Илюшечку (который не умирает) и с помощью брата Ивана (который не болен) под оптимистичную музыку совершает с Грушенькой побег.

В зависимости от преследуемых целей, создатели фильмов используют различные стратегии адаптации кинотекста для целевой аудитории. К интерсемиотическому, как и интерлингвистическому, переводу применимы стратегии форенизации («отчуждения», «остранения») и доместикации («одомашнивания», «натурализации»), к которым в нашем исследовании целесообразно добавить стратегию универсализации. Следует отметить, что они могут совмещаться в рамках одной экранизации или постановки.

Форенизация предполагает попытку в точности воспроизвести национально-культурную специфику оригинала. Создатели китайского телесериала «А зори здесь тихие» не начали съемки, пока сценарий не был одобрен автором повести Б. Васильевым. Специально для фильма на берегу реки Амур недалеко от границы с Россией была выстроена деревня (30 изб, церковь и баня), до мелочей воспроизводящая авторское описание. Роли в фильме исполняют русские актеры; в некоторых сценах одновременно присутствует до 200 человек. Фильм снят на русском языке и дублирован на китайский, сопровождается субтитрами, чтобы обеспечить доступность текста для носителей всех китайских диалектов.

Доместикация, напротив, связана со стремлением адаптировать происходящее на экране к культурным нормам, быту и ценностям целевой аудитории. Действие японской экранизации «Идиота» (1951) происходит после второй мировой войны; главный герой, переживший душевную травму в связи с поражением Японии, возвращается домой. У героев японские имена: князь Мышкин — Kinji Kameda; Настасья Филипповна — Taeko Nasu.

Примером универсализации становится расовая принадлежность исполнителей главных ролей в мюзикле “Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812”: роли Наташи и Пьера (в одном из составов) исполняют афроамериканцы. Очевидно, этот выбор — стремление подчеркнуть, что «Война и мир» давно стала принадлежностью мировой, а не национальной культуры; в этом контексте расовая принадлежность актера становится нерелевантной, так как вступает в силу художественная условность. Зрители отмечают, что исполнительница роли Наташи прекрасно справилась со своей задачей и смогла точно передать характер своей героини. К сожалению, в остальном мюзикл превратился в фарс, основанный на неудачной попытке форенизации. Как пишет русская зрительница, в нем «умудрились собрать воедино всевозможные стереотипы о России: и цыганочку, и балалайки, и водку. Перед началом раздавали русские пироги и крутили песни: «Бричбула», «Бригантина поднимает паруса», «Катюша», «Мне мама целоваться не велит», «Эх, дубинушка, ухнем». <...> А еще на стенах были развешены плакаты времен СССР и Пусси Райот».

Приведенные примеры показывают, что применение в интерсемиотическом переводе разнообразных трансформаций и стратегий может иметь как позитивные, так и негативные последствия. В идеале задача творческой группы — перевод исходного литературного текста «на язык кино с сохранением содержания, духа и слова» [Кино:

Энциклопедический словарь 1986: 510]. При этом могут использоваться различные способы текстуализации вербальных и невербальных знаков, однако конечной целью является творение нового целостного текста, сохраняющего дух и глубинные смыслы оригинала. Можно утверждать, что в процессе переозначивания происходит перераспределение микросмыслов, которые затем заново комбинируются, образуя макросмысл всего художественного фильма или сценической постановки. При этом трудно говорить об отношении изоморфизма (взаимно-однозначного соответствия) или гомоморфизма (однозначного соответствия элементов только в одну сторону) исследуемых систем: экранизация не является простым слепком или отпечатком оригинального произведения — автор всегда (с разной степенью успешности) привносит нечто свое, переструктурируя и перекомбинируя смыслы текста-источника [Леонтович 2008].

Подводя итог, обозначим возможные позитивные последствия трансформаций, осуществляемых в процессе интерсемиотического перевода: 1) визуализация и осмысление чужого культурного пространства с учетом фоновых знаний аудитории; 2) выражение позитивного отношения к культуре-источнику; 3) адаптация инокультурных реалий и ценностей к целевой культуре, способствующая восприятию глубинных смыслов исходного произведения.

К негативным относятся следующие последствия трансформаций: 1) искажение инокультурной действительности вследствие недостаточной культурной грамотности; 2) целенаправленная деформация исходных культурных смыслов в идеологических целях; 3) ошибочная интерпретация ценностного и нравственного содержания исходного произведения; 4) деформация авторского замысла; сохранение внешней оболочки, вне связи с глубинными смыслами оригинала.

Литература

Кино: *Энциклопедический словарь*. / Гл. ред. С.И. Юткевич. М.: Сов. энциклопедия, 1986.

Леонтович О. А. Интерсемиотический перевод как форма интерпретации культурных смыслов // *Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация»*. Вып.10. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. С. 56–61.

Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514.

Jacobson R. *Linguistic Aspects of Translation*// *On Translation* / Ed. Brower R. — Cambridge: Harvard University Press, 1959.

Jeha J. *Intersemiotic Translation: The Peircean Basis*. URL: http://www.juliojeha.pro.br/sign_res/intersemtrans.pdf Lhermitte (дата обращения 17.12.2016).

Leontovich O. Word and Image in Search of Each Other: Intersemiotic Translation of Narratives from an Intercultural Perspective // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Issue 200C, 2015. — P. –295. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815047151> (дата обращения 11.09.2017).

Lhermitte C.A *Jakobsonian Approach to Film Adaptations of Hugo's Les Misérables*. URL: <http://www.nobleworld.biz/images/Lhermitte.pdf> (дата обращения 15.05.2017).

Naremore J. *Film Adaptation*. New Brunswick: Rutgers UP, 2000.

Ponzio A. Preface // *Translation* / ed. Petrilli S. Amsterdam — New York: Rodopi, 2003.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Р.А. Абсалямова^{*}, Х.С. Шагбанова^{}**

^{*}ТюмГУ
(Россия, Тюмень)
ramsia@inbox.ru

^{**}ТИПК МВД РФ
(Россия, Тюмень)
khabiba@yandex.ru

Изучение региональной национальной литературы, знакомство с развитием литературы, культуры, истории каждого региона — неотъемлемая часть воспитания образованной и культурной личности читателя. Переводные произведения многих тюменских авторов, в частности Я.К. Занкиева, Н.М. Шамсутдинова, Б.В. Сулейманова, или современной сибирско-татарской поэтессы М. Хуснутдиновой до сих пор не исследованы в полной мере и ждут своего самостоятельного анализа. Для того чтобы сегодня сделать настоящий художественный перевод этих и других произведений с сибирско-татарского языка на русский, переводчик должен не только хорошо знать русский язык, но и в совершенстве владеть татарским языком, обладать чувством ритма и стиля. Известно, что художественному переводу отводится огромная роль в объяснении характера народных менталитетов.

Выбор форм выражения, отбор языковых единиц в составе двух языков — в данном случае русского и сибирско-татарского языков — отражают этническое мировосприятие и черты национального характера. Способы

языкового выражения изменяются в зависимости от конкретного языка, культуры и традиций. Художественный текст и его перевод является элементом, принадлежащим одновременно двум системам — исходной культуре и культуре реципиента. Согласно Ф. Шлейермахеру, одна из главных задач художественного перевода — максимальное приближение читателя к автору, это является сутью герменевтического аспекта перевода. Герменевтика — это искусство и теория истолкования текстов. Ф. Шлейермахер считал, что герменевтика — это учение о «взаимосвязи правил понимания». Текст для него — это двуединая сущность: с одной стороны, он есть часть языка, а с другой — продукт творчества индивида. Герменевтика проводит, с одной стороны, лингвистическое, а с другой — психологическое исследование текста, т.е. исследуется внутренняя сущность мышления, исходящей из внешней языковой формы. Для этого используются психолого-грамматические методы, позволяющие изучать личный субъективный опыт, восприятие жизни автором и мышление автора, а также стиль языка, используемый автором. Одним из главных положений герменевтического подхода является то, что для понимания всего текста важным является понимание частей, и для понимания части необходимо понимание целого. Отсюда в процессе художественного перевода необходимо сопоставить текст с другими текстами, написанными в тот исторический период и на том же языке, а также учесть стилистические особенности текста, авторские интенции. Поэтому текст литературного перевода должен производить впечатление понятного, но нового и необычного, и, таким образом, язык, на который текст переводится, обогащается новыми литературными формами.

Автор, работая над произведением, вкладывает в него свои переживания, сомнения, личные мысли. Задача переводчика — понять этот текст и найти средства для открытия внутреннего мира автора, понять психологически

текст путем «вживания» в авторский мир. Понимание текста происходит на эмпатийном уровне.

Эмпатийность всегда предполагает диалогичность, в структуру которой, кроме отражения, входит отношение и обращение. Диалогичность — принцип, предполагающий наличие вопроса и позволяющий сделать поиск ответа процессом, который понятен всем. Переводчик находится в диалоге и с текстом, и с традицией языка. Причем этот диалог имеет круговой характер, в нем никогда не будет сказано последнее слово. Он должен воспринимать текст так, как воспринимает его автор. Текст литературного перевода должен производить впечатление понятного, но нового и необычного, тем самым обогатить новыми литературными формами тот язык, на который текст переводится.

Прочитав произведение сибирско-татарской поэтессы М. Хуснутдиновой «Татар кызы», читатель обращает внимание на постоянное обращение «кыз», исходя из чего, можно сделать вывод, что данное произведение является неким призывом, посланием. Основная тема произведения — сохранение спокойствия в любой ситуации, благоразумие, терпимость, присущее молодой девушке-татарке, но в то же время решительность девушки в любой ситуации, где сила духа выражается в возможности довести любое дело до конца. Автор показывает читателю, как он относится к главному лицу, поэтому слово «кыз» переводят как «девочка», «девушка», «доченька», «дочь», что зависит от роли, которая отводится героине. Призыв автора — верить в себя, любить и быть ответственным за тех, кто рядом с тобой. Возможно, что это некое напутствие девушкам, тем, кто только будет вступать во взрослую жизнь, советы, которые актуальны в любое время, ведь это универсальные положения. Быть самим собой, сохранить в себе человечность и идти вперед — это то, что всегда было, есть и будет высоко цениться.

Как считает Г.-Г. Гадамер, произведение реализует себя только после прочтения, именно поэтому факторы создания не принимаются в расчет при понимании смысла. Для постижения смысла важна только ситуация интерпретатора, данное произведение является тому доказательством. Не важно, когда оно будет прочтено и осмыслено, основные положения будут понятны всем. Однако для каждого интерпретатора будет открываться и нечто свое, основанное на личном жизненном опыте.

Для того чтобы определить значимость философской герменевтики в переводе, рассмотрим варианты переводов названия данного стихотворения разными авторами: А. Шарипов «Идти вперед»; С.Целиков «Сибирско-татарская звезда»; А. Зарапова «Девушка-татарка...». При этом можно понять, что перевод заголовка представляет особую важность. Заголовок — это первое слово, словосочетание или предложение, с которого начинается знакомство с текстом. Заголовок определяет мнение читателя о тексте, он должен отражать смысл текста (эксплицитно или имплицитно) и заинтересовать читателя, поэтому так важно выполнить правильный, корректный и адекватный перевод.

Чтобы понять замысел автора, важно знать и историю написания произведения, которая помогает объяснить, что же хотел сказать автор в своем произведении. То, как переводчик интерпретирует текст, основываясь на своих знаниях и на оригинале произведения, и определяет, каким образом будет выполняться перевод.

Прочитав и проанализировав текст, мы можем утверждать, что существующие варианты перевода названия стихотворения М. Хуснутдиновой «Татар кызы» имеют право на существование. Каждый переводчик воспринял стихотворение по-своему, и у некоторых мнения совпали. Например, А. Шарипов перевел его как «Идти вперед», чем хотел сказать, что данное стихотворение содержит некие нерушимые правила жизни. Интерпретатор воспринимает

все это не просто как советы, а как нечто более значимое и весомое, как урок, основанный на его жизненном опыте. А. Зарапова «Девушка-татарка...» подразумевает лишь некое условие, т.е. человек сам может определить, важны ли положения или нет. Такие интерпретации подразумевают, что стихотворение не содержит никаких канонов или указаний, а лишь мнение и отношение автора к определенным жизненным ситуациям, и это право каждого — следовать ему или нет. Перевод стихотворения как «Идти вперед» определяется как побуждение, а «Девушка-татарка» — как выбор. Таким образом, истолкование текста определяет перевод в дальнейшем.

Г.-Г. Гадамер подчеркивал, что герменевтическая проблема состоит не в правильном пользовании языком, а в истинном взаимопонимании по тому или иному поводу, осуществляемому в среде языка. Это — универсальная среда герменевтического опыта, в ней осуществляется само понимание, а способом этого осуществления является истолкование.

Проведенное исследование подтверждает актуальность заявленной темы. Переводческую деятельность целесообразно рассматривать в контексте диалога с авторским текстом, с опорой на авторский замысел и с учетом ценностных ориентиров автора, что является основой для последующих интерпретаций.

Литература

Белова Н.А. *Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе: Учебно-методическое пособие*. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 2008. 205 с.

Гадамер Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1999. 368 с.

Писанова Т.В. Художественный переводческий дискурс в свете идей философской герменевтики // *Вестник Московского*

государственного лингвистического университета. 2011. Выпуск № 617.

Шлейермахер Ф. *Герменевтика*. Перевод с нем А.Л. Вольского. Научный редактор Н.О.Гучинская. СПб.: «Европейский Дом», 2004. 242 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА В XXI ВЕКЕ

Э.Н. Акимова, А.А. Короткова

Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина
(Россия, Москва)
akimovaen@mail.ru

В диахроническом языкознании задачи лингвистического изучения текста были достаточно давно и четко сформулированы В.В. Виноградовым, писавшем о необходимости разработки «исторической типологии композиционных форм речи как систем языковых объединений, которые встречаются в ткани литературно-художественных произведений той или иной эпохи. Изучение этих основных типов, естественно, предполагает группировку не самих литературных произведений, а отвлеченных от них однородных форм словесной композиции, в общелингвистическом плане — на фоне эволюции композиционных жанров прагматической речи. Это учение не о структуре художественных единств, а о структурных формах речи, которые наблюдаются в организации литературных произведений. И его задача — установить закономерности в их построении как систем языковых отношений» [Виноградов 1978: 32].

Тем не менее историки языка констатируют, что «в историческом языкознании лингвистика текста как самостоятельное научное направление в изучении языка так и не сформировалось» [Припадчев 1992: 23].

Исключение составляют немногочисленные работы [Колесов 1989; Баженова-Рагина 1990; Клименко 1997; Ковалев 1997].

По мнению А. Вежбицкой, «пора признать, что надлежащее понимание текстов, источники которых лежат в отдаленных от нас культурах, требует, среди прочего, некоторого внимания к сопоставительно-культурной прагматике и некоторого сознания того, сколь различными могут быть «культурно обусловленные сценарии», господствующие в различных обществах» [Вежбицка 1999: 765–766].

Действительно, лингвистический анализ текста древнерусской литературы, в отличие от аналогичного анализа произведений современной художественной литературы, не может ограничиться чисто лингвистическим комментарием без комментария исторического, историко-литературно-культурного, без учёта социо-историко-культурного контекста (термин О.В.Ломакиной).

В.В.Колесов понимает под текстом в диахроническом аспекте «последовательность семантически выразительных знаков, построенную согласно правилам данного языка и образующую сообщение, идеологически важное для данной культуры» [Колесов 1989: 32].

Следует отметить, что в плане языковой диахронии большинством исследователей основными характеристиками средневекового письменного текста признаются (вслед за Р.Пиккио) достоинство (*dignitas*) и норма. Достоинство — это способность возвещать боговдохновенную истину. Средневековая норма ничего общего с современным представлением о норме не имеет, поскольку норма и определяется достоинство; нормативен образец, то есть обладающий идеологическим достоинством текст.

Единицы текстообразования (строевые единицы текста) — это «устоявшиеся в данной культурно-письменной традиции формы языкового воплощения структурных

компонентов авторского замысла — концептуально значимых смыслов — закрепляющие относительную автономность (автосемантию) образуемых на их основе компонентов текста и обладающие признаками относительной синтаксической замкнутости, временной устойчивости и регулярной воспроизводимости» [Дымарский 1999: 20].

Для языковой диахронии не вполне релевантны некоторые из понятий современной грамматики текста (фраза, строфа). Наиболее адекватен, на наш взгляд, термин «структурно-смысловой блок» [Акимова 2005: 178].

Второй единицей монологических текстов большинство современных лингвистов называет абзац, что по вполне понятным причинам неприемлемо для исторической грамматики текста.

При диахроническом подходе иначе интерпретируются, в связи с теорией «открытого текста» (Д.С. Лихачев), такие текстовые категории, как цельность и замкнутость. «В описании макротекста древнерусского периода, вероятно, нерелевантны некоторые признаки текста нашего времени, в том числе признак тематического единства» [Ковалев 1997: 48]. Анфиладный характер большинства текстов наиболее наглядно проявляется в рукописных и старопечатных сборниках, исследование которых составляет предмет формирующейся отрасли медиевистики — мисцелланологии (термин Т.В. Черторицкой). Средневековые сборники рассматриваются как гипертекст, то есть как система одновременно единства и множества текстов. Значимыми чертами гипертекста признаются 1) нелинейность; 2) фрагментарность, или дисперсность, структуры; 3) многоавторство; 4) аллюзийные связи со множеством текстов; 5) активное взаимодействие с действительностью, воздействие на нее [Курзина 2004: 94–99].

Как видим, нельзя считать завершенным поиск критериев, по которым можно противопоставлять тексты и

обобщать их по типам, до сих пор не достигнуто единство мнений ни по вопросу об определении того, что представляют собой категории текста, ни по вопросу о классификации категорий текста, иерархия категорий текста неясна и не установлена, не разработан вопрос о том, как формируется план выражения текстов и какие средства закреплены за той или иной категорией текста. В еще большей степени названные проблемы касаются изучения текста в плане языковой диахронии.

Т.М. Николаева констатирует: «Размытость терминов и понятий лингвистики текста — не только показатель ее современности (теория «fuzzy grammar»), но и ее онтологическая черта: грамматика текста есть, очевидно, грамматика полей и градуальных переходов, а не система оппозиций дискретных элементов» [Николаева 1978: 36–37].

Таким образом, текст, по признанию специалистов, относится к многомерным объектам, и его структурно-смысловое исследование требует выбора определенного аспекта.

Литература

Акимова Э.Н. Функционально-семантическая категория обусловленности в плане языковой синхронии и диахронии // *Интеграция образования*. № 4 (41). Саранск, 2005. С. 177–180.

Баженова-Рагина С.И. Проблема описания структуры текстов Древней Руси // *Учен. зап. Тарт. гос. ун-т. Тарту, 1990*. Вып. 896 : Труды по русск. и слав. филологии. С. 120–130.

Вежбицка А. *Семантические универсалии и описание языков*. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

Виноградов В. В. *Избранные труды: История русского литературного языка*. М.: Наука, 1978. 319 с.

Дымарский М.Я. *Проблемы русского текстообразования: сверхфразовый уровень организации художественного текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. СПб., 1999. 44 с.

Ковалев Н. С. *Древнерусский литературный текст: Проблема исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки*. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. 260 с.

Колесов В. В. *Древнерусский литературный язык*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 296 с.

Курзина Е.С. Древнерусский сборник как гипертекст (к постановке проблемы) // *Жизнь провинции как феномен духовности*. Н.Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2004. С. 94–100.

Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 5 — 39.

Припадчев А. А. *Гносеология, прагматика и семантика в диахронии синтаксиса текста*. Воронеж: «Курьер», 1992. 172 с.

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С ЭТАЛОНОМ-ФРЕЙМОМ В РУССКОЙ И ШВЕДСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

А.С. Алёшин^{*}, Е.И. Зиновьева^{}**

^{*} СПбГУТ имени профессора М.А. Бонч-Бруевича
(Россия, Санкт-Петербург)
alexis001@mail.ru

^{**} СПбГУ
(Россия, Санкт-Петербург)
e.i.zinovieva@spbu.ru

В данной статье устойчивое сравнение (далее — УС) рассматривается как устойчивое сочетание, представляющее собой образное средство языка, один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них» [Русова 2004: 229]. В.Н. Телия называет УС традиционными, т.е. воспроизводимыми из поколения в поколение, или эталонными. УС — это система образов-эталонов [Телия 1996: 241-242].

Эталоны УС представляют собой, как правило, номинации одушевленных и неодушевленных объектов, различных по тематической отнесенности: зоонимы,

фитонимы, наименования бытовых реалий, наименования лиц и т.п. Например, *злой как волк, свежий как роза, растрепанный как веник, грязный как трубочист*. Объект сравнения может иметь расширение за счет атрибутивной характеристики: *красный как вареный рак, гудеть как растревоженный (пчелиный) улей* и др. Но особую группу УС национального языка представляют собой сравнения, эталоны которых описывают развернутую ситуацию. Такая ситуация по сути является ничем иным, как фреймом, т.е. хранящимися в языковом сознании представителя данной лингвокультуры знаниями о стереотипной ситуации, это пресуппозиция носителя языка.

Подобные УС с эталонами-фреймами можно классифицировать по разным критериям: как и все УС в целом, по идеографическим группам, по отражаемой эталонами сфере, по происхождению эталонов и т.п. Приведем возможную типологию русских и шведских УС с эталоном-фреймом.

1. С точки зрения идеографической классификации, в русском языке могут быть выделены:

— УС, характеризующие физиологическое состояние человека, в частности, крепкий сон: *заснуть как в яму провалиться; спать как суслик в норке; спать как у Христа за пазухой; спать как медведь в берлоге*.

— УС, дающие оценку умениям человека: *сидеть как на корове седло, сидеть на лошади как собака на заборе, как корова на льду* и т.п. Подобные выражения, как правило, основаны на парадоксальности сравнения. Ср. в шведском языке: *sitta som en smörklick på en het potatis* (сидеть как кусочек масла на горячей картошке), характеризующее плохого наездника.

— УС, описывающие поведение человека: *сидеть как баба на чайнике, бросаться на кого, на что как в атаку, как белены объелся, вертеться как белка в колесе, вести себя*

как *торговки на базаре* и многие др. Этот разряд УС является наиболее объемным по составу в русском языке.

В шведском же языке больше всего эталонов-ситуаций встречается в УС, характеризующих эмоциональное состояние и его проявления: *känna sig som en åsna mellan två hötappar* (чувствовать себя как осел между двух мешков сена), *se ut som om han sålt smöret och tappat pengarna* (выглядеть как будто продал масло и потерял деньги), *se ut som om man fallit ner från himlen* (выглядеть как будто упал с неба), *sitta som på glödande kol* (кто-л. сидит как на раскаленных углях), *se ut som om man har bitit en citron* (выглядеть как будто укусил лимон), *se ut som om man hade ätit upp nåddåret för räven* (выглядеть как будто съел год милости у лисы), *se ut som om man har sett ett spöke* (выглядеть как будто увидел привидение) и др.

Ряд идеографических групп УС с эталоном-фреймом может быть продолжен.

2. По отражаемой эталонами сфере можно выделить, прежде всего, УС, эталоны которых описывают бытовые ситуации.

Например, в русском языке: *смотреть как баран на новые ворота; носиться как курица с яйцом (как кошка с котятами); жариться как рыба на раскаленной сковороде, смотреть на кого как кот на сало (масло); вертеться (крутиться) как береста на огне; пристать как банный лист к заднице* и др. Данные сравнения основаны на многовековых обиходных наблюдениях за поведением животных, приготовлением пищи и др.

В шведском языке бытовые ситуации также являются основной сферой, отражаемой эталонами-фреймами. Среди них можно назвать такие, как *sitta som en smörklick på en het potatis* (сидеть как кусок масла на горячей картошке), *gå som katten kring het gröt* (ходить как кот вокруг горячей каши), *bliga som en ko på en nymålad grind* (уставиться как корова на

свежевыкрашенные ворота), *flockas som flugor kring en sockerbit* (виться как мухи около куска сахара) и др.

3. В отдельную классификацию по происхождению выделяются:

— УС, восходящие к историческим периодам жизни народа-носителя языка.

В русском языке примером может служить единица *как партизан на допросе*. Эталон-фрейм этого сравнения раскрывается благодаря основаниям сравнения и контекстуальному окружению: *смотреть надменно свысока, молчать* (самое частотное), *не назвать ни одного имени, держаться* (в том числе терпеть боль), *не выдать*.

В шведском языке характерным примером такого УС может служить *se ut som om man hade ätit upp nådåret för räven* (выглядеть как будто съел год милости у лисы). В основе эталона данного УС лежал обычай предоставлять жене и детям умершего пастора так называемый «льготный год» — период, когда им выделялось содержание, и они не облагались налогами. Экспрессию данной единицы усиливает также народное представление о лисе как о бедном животном, терпящем нужду. Другим примером может служить УС *må som en prins i en bagarbod* (чувствовать себя как принц в лавке булочника), которое является отсылкой ко временам, когда свежая ароматная выпечка была для многих недоступным счастьем, и только принц, имевший достаточно средств, чтобы ее купить, мог быть по-настоящему счастлив в лавке булочника.

— УС, эталоны которых восходят к фольклорным источникам, мифологии, религиозным верованиям, суевериям.

В русском языке: *вертеться как бес (черт) перед заутреней; бегать от кого, чего как черт от ладана; что-либо как рукой сняло; встать перед кем как лист перед травой, словно бабушка ворожит кому, как будто тихий*

ангел пролетел, словно черная кошка дорогу перебежала, как у тещи на блинах и др.

Народные фольклорные, мифологические и религиозные представления, идущие из глубины веков, также лежат в основе и многих шведских УС с эталонами-ситуациями. Так, УС *går upp som en sol och ned som en pannkaka* (кто-л. восходит как солнце и заходит как блин), обозначающее человека, удачно начавшего и неудачно закончившего какое-либо дело, имеет истоки в представлении о блинах как отображениях солнца, однако при этом глубоко обыденных и приземленных. Блин только по форме и цвету отдаленно напоминает великое мировое светило, и противопоставление солнца и блина при характеристике грандиозно начатого и скромно или неудачно законченного представляется очень ярким и образным. Кроме того, слово *pannkaka* (блин) используется в шведском языке в выражении *det blev pannkaka*, что означает «ничего не получилось», где блин является символом неудачи. Древние языческие верования оставили след в УС *sväva lätt som en älva i dansen* (парить как эльва в танце). Считалось, что в вечерних туманах появляются существа женского пола — эльвы, которые водят хороводы в лесах и полях и заманивают к себе путников.

Таким образом, УС с эталоном-фреймом вызывают в языковом сознании представителя конкретной лингвокультуры не мыслительную картинку, а стереотипную ситуацию, чаще связанную с обиходными представлениями или фольклорными источниками. Кроме того, отличие данной группы эталонов заключается в том, что они, как правило, обозначают не постоянный признак субъекта (ср., например, *красивый как Аполлон, умный как черт*), а временно проявляющийся, «здесь и сейчас». При лексикографическом представлении данной группы УС необходимо, на наш взгляд, приводить историко-этимологический и культурологический комментарий, а в

словарях, предназначенных для иностранного адресата, раскрывать национальные слова-реалии типа *береста*, *банный лист* и подобные в русском языке и *nådåret*, *älva*, *rannkaka* в шведском.

Литература

Русова Н.Ю. *От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению*. М., 2004.

Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа. Языки русской культуры, 1996.

ПРАГМАТИКА СОВРЕМЕННОГО СТИХОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СВЕТЕ ДИСКУРС-АНАЛИЗА ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Е.Н. Антонова (Сычёва)

Брянский профессионально-педагогический колледж
(Россия, Брянск)
stchl@yandex.ru

Динамика языкового процесса обуславливает не только разносторонние исследования касательно лингвокультурологических деформаций, но и дискурсивные формы аналитической работы в структурированном языковом пространстве. Дискурс-анализ, или герменевтическая методология, *филологической поэзии* позволяет как осветить идиостиль языковой личности, так и дополнить знания о семиотической прагматике *филологического универсума* (см. об этих понятиях [Сычёва 2016]). Стихотворный жанр по своей природе подразумевает семантико-стилистическую лаконичность, поэтому современный языковой процесс направлен на непрерывный поиск новых форм, неординарных лингвистических средств выражения мыслей. Помимо того что, по выражению

О.В. Ломакиной, «язык стал рассматриваться не только как средство коммуникации, но и как средство познания мира» [Ломакина 2015: 18], он в общем обладает широким функциональным спектром: эстетическое назначение, научная сфера, ситуативно-поведенческий инструмент и т.п. Особенно интересно проявляется контаминация творчества и филологии в художественных текстах ученых, что влечет за собой необходимость исследований в области лексикона, тезауруса и особенно прагматикона языковых личностей (ЯЛ) филологов (по классификации Ю.Н. Караулова [Караулов 2004: 48–55]).

Посредством дискурс-анализа некоторых поэтических опытов доктора филологических наук, профессора В.М. Мокиенко (сб. «Ростки безвременья» [Мокиенко 1997]) попытаемся проследить закономерности вербальных операций в прагматике современной филологической поэзии. Название сборника метафорично, отражает программную установку книги не только в диалектическом аспекте, но и политико-социальном. Лексема *росток* в третьем (переносном) значении — это ‘признак начинающегося развития чего-н. (книжн.)’ [Словопедия]. Полисемант *безвременье* означает: ‘1. тяжёлое время, пора невзгод; 2. период общественного и культурного застоя; 3. период смены времен года’ [Викисловарь]. Стоит отметить, что филологический взгляд на мир в целом и стихотворческий процесс в частности позволяет поэту-ученому включить в когнитивно-креативный диалог автора и читателя все приведенные дефиниции. Таким образом, семантическая сумма компонентов названия книги выдвигает своеобразную гипотезу поэтического исследования, подвергающуюся доказательству уже в оглавлении.

Предварительные замечания касательно прагматики стихотворческого дискурса поэта-филолога В.М. Мокиенко возможно сделать при анализе структуры сборника «Ростки безвременья»: одноименная рубрика «Ростки безвременья»,

«Перестройки», «Маски», «Времена», «Вёсны», «Ландшафты», «Прощания», «Возвращения», «Боли», «Игрушки», «Цветы», «Мифы», «Крылья слов», «Моления». Читательская аналитичность активизируется под воздействием текстовой интерпретативности, о которой говорит О.Р. Валульская. Исследователь трактует данное понятие как «потенциальное свойство текста» с “общетекстовым характером” и подчеркивает, что следует разграничивать «понимание и интерпретацию», так как последняя имеет «вербализованный вариант репрезентации» [Валульская 2012].

Как показывает рубрикатор, в сборнике выводятся дескрипторы поэтического дискурса В.М. Мокиенко, демонстрирующие семантическую бинарность: с одной стороны, пейзажные и общечеловеческие зарисовки, с другой — творческая интерпретация действующего социально-политического уклада. Подвергнем дискурс-анализу ряд стихотворений в первую очередь на уровне деятельно-коммуникативных потребностей ЯЛ, не оставляя, однако, в стороне вербально-семантический и лингво-когнитивный уровни [Караулов 2004: 48–55].

Такие поэтические интенции В.М. Мокиенко, как *дети мы периода застоя, пили мы до умопомраченья, жили мы в крошечной темноте, Перестройка выросла из нас* (ст. «Ростки безвременья», с. 5), выстраивают систему ментальных схем, вербализующих онтологические предпосылки общенационального упадка. В качестве интертекстуальных параллелей художником филологического слова употребляются аллюзии. К примеру, это отражено в эпиграфе текста (из творчества В. Высоцкого), особенно в его последней строке — *Безвременье вливало водку в нас*. ЯЛ филолога проявляется в данном случае посредством неологизмов (*словолиянье*), лингвистических рассуждений (*смешенье фраз*), указания на

видных литературных представителей XX в. (*Высоцкий, Окуджава, Шукшин*).

Многолетняя работа с вербальным материалом позволяет ученому искать новые формы реализации таких художественных приемов, как каламбур, ирония, параллелизм, перифраз, звукопись, а также графически обыгрывать дескрипторы поэтического дискурса путем умышленных исправлений, то есть создания имплицитного каламбура («Перестройки»): *В тлене — Ленин, Сталин — обесстален / И Дзержинский, как железо, ржав; веры ищут изуверы; пионеры — как пенсионеры; и порядок — лишь возвращенье грядок* (ст. «В тлене — Ленин...», с. 6). Нелишним будет отметить здесь проявление бихевиористского эмпиризма в раскрытии прагматических образов.

Приведенные примеры иллюстрируют политический ракурс в семантической бинарности стихотворного дискурса В.М. Мокиенко на микроуровне поэтического сборника «Ростки безвременья». Однако большую часть поэтических текстов в представленной книге составляют авторские рифмованные рассуждения на темы родины, любви, природы, морали и проч. Будучи в первую очередь фразеологом, поэт уделяет внимание и своему профессиональному призванию — стихотворения под рубрикой «Крылья слов», вероятно, по аналогии с устойчивым сочетанием «крылатые слова». Да и в текстах нередко встречаются фразеологизмы и поговорки (в широком понимании) в подчеркнуто филологическом положении относительно прочих языковых средств. Приведем примеры. Открывается раздел стихотворением «Ваньке Жукову» (с. 182), и читатель уже в заглавии видит реминисцентное обращение к чеховскому герою (рассказ «Ванька»), а в первой строке — узуальный фразеологизм *грызли граниты науки*. В четверостишии «Диалог» (с. 185) обыгрывается данный первой строкой известный афоризм А.С. Пушкина (из ст. «Пора, мой друг, пора!») *На свете счастья нет, но*

есть покой и воля с небольшим искажением (у В.М. Мокиенко употреблен союз «а» вместо «но»). Две другие строки — рассуждения на заданную тему, последняя фраза текста — полное приятие выдвинутого вначале афористического постулата с употреблением ономастической единицы *Александр Сергеевич* в форме обращения.

В качестве заголовка одного из своих поэтико-филологических текстов проф. В.М. Мокиенко приводит китайскую пословицу с указанием паремиологического статуса — «Бойся того, чего нет» (с. 186). Примечательно, что в стихотворении из шести строк нашлось место паре несколько трансформированных узуальных фразеологизмов — *сердце бередит и змеей, за пазухой согретой*. Случаи вынесения в заглавие поэтического текста общеизвестных крылатых фраз у В.М. Мокиенко не единичны (см. также «*Vedere Napoli e morire*» (с итал. «Увидеть Неаполь и умереть»), с. 187 и др.).

В творчестве филолога заслуживают внимания и его переводы (см. текст «Переводчикам», с. 221). Обычно часть формально-содержательной прагматики переведенных стихов утрачивается, но филологический опыт позволяет сохранить их общее семантико-стилистическое звучание, адаптировать под существующие ментальные схемы «языка-реципиента» (см. «Лодка» (Да Кса, перевод с китайского), с. 193; «Из Ярослава Мазача. Арктический день», с. 194; «Из Незвала», с. 197; «Из Превра», с. 199 и проч.).

И стихотворчество, и филология — это служение *слову*. Как истинный ученый и поэт, В.М. Мокиенко в стихотворении «Слова» (с. 213) прописывает свое жизненное кредо: *Мы на пули готовы идти за слова, / А когда не хватает нам слов, / Мы способны сердца, как словарь, разорвать, / Чтоб сочлились слова для стихов*.

Развитие эпистемологии в культурно-филологическом направлении позволяет сформулировать прагматические

положения филологической поэзии как семиотического поля. В то время как дискурс-анализ данного языкового материала дает возможность охарактеризовать одну из сторон современного стихотворческого процесса с точки зрения одновременной концентрации лингвокультурологии и словотворчества в едином тексте.

Литература

Валуйская О.Р. Интерпретативность как потенциальное свойство текста // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2012. № 2 (16). С. 210–215.

Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/безвременье> (дата обращения 20.10.2017).

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Ломакина О.В. *Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: Дис. ... докт. филол. наук*. СПб, 2015.

Мокиенко В.М. *Ростки безвременья: Стихи*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997.

Словopedia. URL: <http://www.slovopedia.com/3/208/832919.html> (дата обращения 20.10.2017).

Сычёва Е.Н. *О филологической поэзии* // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия — Запад — Восток. М.; Ярославль: Ремдер, 2016. С. 423–427.

КУЛЬТУРНО-ЗНАЧИМЫЕ ЛЕКСЕМЫ *GENTLEMAN/LADY*, *БАРИН/БАРЫНЯ* В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX ВЕКА

Г.Т. Безкоровайная

Высшая школа печати и медиаиндустрии
Московского Политехнического Университета
(Россия, Москва)
Begati1@yandex.ru

В значениях слов любого языка отражены представления народа об окружающей действительности. Изучение слов в тексте позволяет выявить их роль в репрезентации определенных исторических событий и культуры народа. Художественный текст в свою очередь представляет собой явление культуры, которая может рассматриваться как текст, «поскольку само слово «текст» включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию «текст» его исходное значение» [Лотман, 1994: 72].

Анализ лексем, номинирующих представителей благородного сословия в английском и русском художественных текстах, хронологически идентичных, позволяет обнаружить разницу в представлении понятия *благородный человек* в двух лингвокультурах. Материалом для изучения служат примеры с лексемами *gentleman/lady*, отобранные в тексте романа Чарльза Диккенса «Большие ожидания» (1860–1861), и *барин/барыня* — из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1860–1861 гг.). Оба произведения написаны в одно время, а их персонажами являются представители высших слоев общества того времени. Вместе с тем, джентльменство в Англии и дворянство в России имеют различия культурологического и социального характера [см. Безкоровайная, 2016].

Для понимания значений рассматриваемых лексем рассмотрим их словарные толкования в авторитетных

аутентичных словарях. В The Oxford English Dictionary (OED) зафиксировано главное из связанных с понятием благородство словарных значений следующее : «человек знатного рождения или у которого есть тот же геральдический статус, что у рожденных знатными; часто тот, кто имеет право носить оружие, хотя и не состоит в ранге среди знати (см. цитату 1882), но применимо к человеку, который выделяется (отличается от других) [OED1933: 133]. Лексема *lady* в значении *a woman of superior position in society*...в этом словаре представлена лишь в четвертом значении, тогда как первое ее значение — *as a designation for a woman* [OED 1933: 1].

В романе «Great expectations» лексема *gentleman* функционирует не только в качестве маркера социального статуса персонажа, но и дает его характеристику, поскольку в ней имманентно представлен набор морально-этических качеств, присущих тому, кто принадлежит к джентльменству.

“Yet a **gentleman** may not keep a public-house; may he?” said I.

“Not on any account,” returned Herbert; “but a public-house may keep a **gentleman**. Well! Mr. Havisham was very rich and very proud. So was his daughter.” [Dickens, *Great Expectations*].

В отличие от имманентного значения лексемы *gentleman* как некоей характеристики персонажей, лексема *lady* не раскрывает внутренние качества героинь, а лишь акцентирует внимание на социальной принадлежности в том случае, часто если употреблена с именем собственным, либо используется для обозначения любой особы женского пола:

*I had heard of Miss Havisham up town,—everybody for miles round had heard of Miss Havisham up town,—as an immensely rich and grim **lady** who lived in a large and dismal house barricaded against robbers, and who led a life of seclusion.* [Dickens, *Great Expectations*]

*“I say. Look here, you sir. The **lady** won't ride to-day; the weather won't do.” “Very good, sir.” “And I don't dine, because I'm going to dine at the **lady's**” [Dickens, *Great Expectations*]*

В отличие от концепта *gentleman*, столь важного и специфичного для языковой картины мира англичан, лексема *lady* используется в более широком значении, но в текстах XIX века ее семантическая принадлежность к маркированию статуса весьма важна.

В авторитетном толковом словаре В.И. Даля (ТСД) дается следующее толкование лексем *барин* и *барыня*: БАРИН *м. бары, баре мн. барыня ж. боярин, господин, человек высшего сословия; дворянин; иногда всякий, на кого другой служит, в противополож. слуге, служителю.* [ТСД:11].

В тексте романа «Отцы и дети» лексема *барин* скорее акцентирует человека, обладающего материальными благами и ведущего соответствующий образ жизни, а не моральные качества представителя знатного сословия России того времени. Лексема же *барыня* встречается в тексте лишь 4 раза и относится к героине — Анне Сергеевне Одинцовой. В устах нигилиста Базарова лексема звучит как выражение его презрительного отношения к избалованной женщине:

— *Нет, зачем говорить о любви, — промолвил Базаров, — а вот вы упомянули об Одинцовой... Так, кажется, вы ее назвали? Кто эта **барыня**? [Тургенев, *Отцы и дети*]*

— *Как Сперанский, — прибавил Базаров после небольшого молчания и скривив губы. — А все-таки избаловала она себя; ох, как избаловала себя эта **барыня**! Уж не фрак ли нам надеть? [Тургенев, *Отцы и дети*]*

Рассмотренные лексемы, номинирующие знатных особ, в английском и русском романах XIX века, наглядно показывают, что концепты *gentleman/lady* и *барин/барыня* представляют собой национально-специфические единицы языка. Обозначая статус персонажей, лексемы включают в себя различные представления о том или ином наборе признаков и характеристик, присущих представителям знати.

Для англичан в концепте *gentleman* реализованы не только имущественные, но, главным образом, некие морально-этические характеристики, тогда как в русском *барин* акцентируется его богатство и праздность. Лексема *lady* служит для обозначения как гендерного, так и социального статуса, а лексема *барыня* также означает богатую и не обремененную работой женщину, часто жену барина. Все это подтверждает мысль о том, что рассмотрение концептов должно опираться не только на словарные определения, но и подтверждаться примерами из художественных текстов той или иной эпохи.

Литература

Безкорвайная Г.Т. Английская лексема *gentleman* и русская лексема дворянин (барин) в художественном тексте XIX // *Язык и литература в научном диалоге. Специальный выпуск: Интегративные процессы в филологии сборник научных статей*. Ижевск: Издательский центр «Удмурдский университет», 2016. С. 6–12.

Диккенс Ч. *Большие ожидания*. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DICKENS/d23.txt> (дата обращения: 01.11.2017).

Лотман Ю.М. *Язык. Семиотика. Культура*. М.: Гнозис, 1994. 560 с.

Тургенев И.С. *Отцы и дети*. URL: http://loveread.ws/view_global.php?id=12021 (дата обращения: 01.11.2017).

The Oxford English Dictionary. Vol. IV. Oxford: The Clarendon Press, 1933.

Толковый словарь Живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=923> (дата обращения: 01.11.2017).

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

И.Г. Белякова

РАНХиГС
(Россия, Москва)
ig.belyakova@migsu.ru

Современная жизнь в условиях глобализации информационного общества диктует новые вызовы для всей системы высшего образования в России. Значительная роль в гуманизации высшего образования, формировании специалиста во всех сферах деятельности принадлежит иноязычному образованию. Ведущие специалисты в области межкультурной коммуникации рассматривают языковое образование как основу социально -экономических преобразований в стране; залог нормальной жизнедеятельности человека в поликультурном и мультилингвальном сообществе людей; фактор социо — культурного развития и воспитания личности, обладающей глобальным мышлением; отмечают необходимость эффективной языковой политики в новых политических реалиях, необходимость разработки новых образовательных алгоритмов [Пассов 2003: 7–9; Тер-Минасова 2000: 5–6; Цатурова 2003: 26].

Язык является наиболее ярким выражением культуры народа. Его можно рассматривать как особый, уникальный признак одного народа, являющийся одновременно признаком объединения различных народов. «Язык оказывается и инструментом самосохранения этноса и обособления «своих» от «чужих» [Антипов 1989: 5]. Он является основой формирования человеческих групп, поэтому изучение многоязычия и мультикультурализма непосредственно связано с исследованиями проблем, наций,

национальной идентичности и национальных государств. Нация определялась как общая территория с определенным населением и системой власти. Именно нации создали языки, которые появились в Европе только с 18 века с появлением централизации в различных сферах жизни. Это явление, названное М. Фуко «дисциплинарным обществом» [Биллинг 2005: 15], возникло из-за потребности осуществлять законодательство, управление, налогообложение, социокультурные мероприятия, используя единую грамматическую систему.

В нынешних условиях информационное общество с абсолютно новыми и обширными международными и межкультурными политическими, экономическими, научными и культурными контактами как никогда ранее испытывает потребность в новом доступном, современном и цивилизованном средстве общения — глобальном языке. Темп жизни, возросшая мобильность населения как физическая, так и виртуальная посредством интернета продиктовали требование времени в едином глобальном языке, которым и стал английский язык.

Глобальная культура как феномен современной действительности актуализируется в языке международного общения, а именно в английском, который в силу ряда причин — историко-географических, социокультурных, экономико-политических приобрёл статус глобального. По мнению некоторых исследователей, английский язык «оказался в нужном месте в нужное время» [Джозеф 2005: 10]. В XVII и XVIII веках английский язык был официальным языком крупнейшей колониальной державы — Великобритании, в конце XIX и начале XX века США стали ведущей мировой державой, доминирующей во всех областях экономики, политики, образования и науки. Равным образом, английский язык как проводник культуры носителей языка занял доминирующее положение, обозначая новые понятия, предметы и явления во всех сферах жизни —

науке, прессе, рекламе, теле и радиовещании, кинематографе, транспорте, книгопечатании, средствах связи, службе безопасности на море и в воздухе, в финансах и банковском деле [Джозеф 2005: 12].

Таким образом, английский язык стал языком межкультурного общения в результате ряда причин, имеющих в основе социальные изменения в жизни человека. Экономическая, политическая и военная мощь стран-носителей английского языка, обеспечившая ему эту роль, оказала влияние и на социокультурную составляющую жизни общества. Благодаря своему глобальному статусу, английский язык стал важнейшим проводником прогресса в условиях информационного общества, выработав новые модели межкультурного общения между индивидами, социальными группами и государствами, дав доступ к информационным ресурсам и современным достижениям человеческого разума. Сплачивающая роль английского языка проявилась в том, что моделирование межкультурного общения при этом проходило исключительно на этом языке, преодолевая языковые и культурные барьеры.

Доктрина европейской интеграции предполагает изучение иностранных языков согласно единой европейской шкале. Многие ученые, профессор Майкл Байрам, например, [Вуган 2005: 20] подчеркивает, что изучение европейских языков должно приводить от решения таких задач коммуникации, как умение объясниться на бытовом уровне к принятию культурных традиций и осознанию менталитетов других народов. Эта востребованность, рост статуса иностранного языка, в большей степени английского, влекущие за собой повышение мотивации к его изучению, наложили свой отпечаток на всю систему языкового образования в целом и в высшей школе в особенности. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования подразумевает учет профессиональной специфики при обучении иностранному

языку с ориентацией на осуществление целей будущей профессиональной деятельности выпускников. Однако можно констатировать, что обучение профессиональному иностранному языку нельзя считать удовлетворительным, и уровень профессиональной межкультурной и иноязычной компетентности выпускников не является достаточным. Легко представить, что это не отвечает современным вызовам в условиях глобального общества и требованиям российского общества и нашего рынка труда. Результаты исследований состояния преподавания иностранного языка в неязыковых вузах, дефицит специалистов, владеющих навыками межкультурного общения, необходимых для профессионального общения свидетельствуют об этом [Арефьев 2004: 147].

Современный специалист должен владеть иностранными языками на уровне, позволяющем ему активно и свободно использовать его в сфере профессиональной деятельности. Изучение и преподавание языков для специальных целей является одним из основных направлений в отечественной и зарубежной лингвистике и методике преподавания иностранных языков в течение длительного времени.

В стенах нашей академии мы, опираясь на лучший зарубежный и отечественный опыт, разрабатываем новые приемы в рамках уже существующих методик обучения профессиональному иностранному языку, иностранному языку для специальных целей. Основная цель — достижение необходимых умений и навыков для формирования предусмотренных компетенций и согласно рабочих программ дисциплин, подготовленных нашими преподавателями. В нашей работе мы используем такие формы как проекты, презентации, деловые игры и кейсы.

В заключение, мы считаем, что совершенствование обучения профессиональному иностранному языку заключается в его оптимизации на основе принципов

компетентностного, деятельностного и коммуникативного подходов в образовании на основе релевантных способов контроля и оценки результатов обучения. Необходимо комплексное решение всех обозначенных проблем, чтобы разработать эффективную технологию обучения профессиональному иностранному языку, отвечающему высокими требованиями к профессиональной иноязычной компетентности специалиста любого уровня и сферы, предъявляемые жизнью и работой в глобальном мире информационного общества.

Литература

Антипов Г.А., Донская О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. *Текст как явление культуры*. Новосибирск, 1989. С. 75.

Арефьев А. Зарубежные стажировки: социологический анализ // *Высшее образование в России*. 2004. № 2. С. 144–158.

Биллиг М. *Нации и языки* / М. Биллиг // *Логос*. 2005. №4 (49). С. 53.

Джозеф Д. Язык и национальная идентичность / Д. Джозеф. // *Логос*. 2005. №4 (49). С. 77.

Пассов Е.И. *Коммуникативное иноязычное образование: готовимся к диалогу культур*. Минск: Лексис, 2003. 184 с.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

Цатурова И.А. Многоуровневая личностно ориентированная система языкового образования в высшей технической школе // *Образование и общество*. 2003. № 5. С. 26–32.

Вурам М. Instrumental and educational dimensions of intercultural communication // *Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина*. Москва, 2005.

ТЕКСТОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ²

Л.И. Богданова

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
libogdanova1@mail.ru

В последнее время часто говорится о том, что образование должно «вырастать» из культуры. Ценность образования заключается в том, что оно является одним из надёжных способов передать будущим поколениям идею человечности, составляющей глубинное ядро культуры, транслировать понимание смысла человеческой жизни. Важную роль в этом процессе, несомненно, играет текстовая деятельность.

Глобализация современного культурного пространства, сопровождающаяся угасанием национально-специфичной самобытности, утратой этнокультурного разнообразия, делает проблему формирования и сохранения культурной идентичности на основе текстовой деятельности особенно острой.

Известно, что при утрате идентичности, человек ощущает свою абсолютную чуждость другим людям, всему окружающему миру, и это может привести к маргинализации, асоциальному поведению. В связи с быстрыми изменениями социокультурной среды кризис идентичности нередко принимает массовый характер, рождая «потерянные поколения».

Понятие «идентичность» разработано и введено в научный оборот американским психологом Эриком Эриксоном. Согласно его учению, идентичность выступает

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-04-00053.

не только фундаментом любой личности, но и является показателем ее психосоциального благополучия и жизненной успешности [Эриксон 2006]. На современном этапе проблемы идентичности активно разрабатываются в разных аспектах [Леонтович 2017; Zappettini 2017 и др.].

Сущность культурной идентичности заключается как в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, принятых в данном обществе, так и ценностных ориентаций, данных ему через родной язык. Культурная идентичность формирует ценностное отношение человека к другим людям, к самому себе, к миру в целом.

Деформация той духовной среды, в которой молодой человек социализируется, влечёт за собой появление общества манкуртов. Утрата идентичности ведёт к моральной деградации этноса. Альберт Швейцер писал: «...если человечество теряет этнические идеалы и ценности, возникает угроза для современного человека стать негуманным <...>, а негуманное общество не предсказуемо и не жизнеспособно» [Швейцер 1973: 15].

Идею ценностного подхода к обучению на данном этапе связывают с гуманистической парадигмой образования, для которой характерны принципы равенства, партнёрства, диалогизма в духе идей М.М. Бахтина, свободы, соразвития, единства. Именно ценность служит основой и фундаментом единой культуры. Согласно Ю.М. Лотману, культура — это своего рода информационный резервуар человечества, который хранит социально значимый опыт в форме различных семиотических систем, среди которых язык, представляя собой созидательную силу, порождающую всё новые и новые тексты, является не только важнейшим носителем информации, но и транслятором ценностей.

По М.М. Бахтину событие жизни текста всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов. Суть гуманитарного мышления реализуется в диалоге особого вида, представляющем собой сложное взаимоотношение

текста как предмета изучения и обдумывания, с одной стороны, и создаваемого обрамляющего контекста, вопрошающего, возражающего и соглашающегося, с другой стороны [Бахтин 1986]. В этом взаимодействии реализуется познающая и оценивающая мысль читателя. Это встреча двух текстов — готового и создаваемого реагирующего текста, встреча двух субъектов. Текст не предмет, не вещь: второе сознание, сознание читателя, воспринимающего и осмысляющего текст, никак нельзя устранить или нейтрализовать.

Именно поэтому считаем, что текст как историко-культурный универсум, включающий в себя различные смысловые системы и культурные коды, может служить связующим звеном в отношениях «ученик — учитель». Ученик нередко задаётся вопросами, как устроен тот или иной текст, каким образом культура «входит» в текст, как данный текст соотносится с другими текстами, что помогает, а что мешает понять текст, как научиться создавать тексты и т.п.

Текстовая деятельность, т.е. чтение и порождение текстов, являются важнейшим фактором становления российской идентичности, развития человеческого капитала, устойчивой практики сохранения и развития культуры. Как отмечалось в проекте резолюции пленарного заседания секции «Литература и чтение» V Санкт-Петербургского международного культурного форума (1-3 декабря 2016 года), в контексте современных вызовов, обусловленных как падением интереса к чтению у взрослого населения, так и развитием интернет-культуры, формированием новых требований к грамотности, изменением базовых подходов к организации образовательного процесса, роль осознанного, глубокого чтения постепенно повышается. В этой связи считаем необходимым включение в университетские учебные программы предметов, способных обучать текстовой деятельности, а на её основе формировать

национальную идентичность учащихся. «Подход, связанный с изучением процессов понимания и порождения текстов разных типов и жанров, имеет непосредственный выход в практику преподавания языков» [Богданова 2016: 9].

При обучении текстовой деятельности в выбранном нами аспекте сложнейшей задачей является отбор текстов, необходимых для совместного изучения. Как показали исследования философов и психологов, чувство общности рождается именно при циркуляции общего смысла. Одной из важных форм циркуляции смысла является разговор людей друг с другом, благодаря речи создаются и сохраняются общество, социальная и культурная жизнь.

Формирование текстовой компетенции, связанной с пониманием и порождением текстов, предполагает несколько этапов. На начальном этапе необходимо осознать текстовые функции лексики, получить знания о том, каким образом слово способно обогащать текст всеми своими потенциальными смыслами. Для достижения этой цели важно понять, как национально-культурные ассоциации и внутренняя форма, отражающая способ национального мировидения, «вплетаются» в ткань текста, обогащая его дополнительными смыслами. При обучении текстовой деятельности в выбранном нами аспекте важно понять текстовые возможности лексических категорий: с одной стороны, метафоры и метонимии, осложняющих процесс понимания текста, с другой стороны, синонимии, антонимии и конверсии, непосредственно связанных с порождением текста. Важным при этом является формирование умений отличать субъективную информацию от объективной. На последующих этапах необходимым является анализ структуры текста, внутритекстовых связей, типологии текстов. Особую значимость приобретает изучение вопросов, связанных с триадой «автор — текст — читатель», проблемы понимания и интерпретации высказываний и текстовых фрагментов, диалогичность текста. Всё это выводит

учащихся на осознание правил построения текста и его интерпретации.

Построение текста в соответствии с замыслом говорящего — сложная и неоднозначная задача. Чтобы построить полноценный текст, необходимо тонкое знание языка, лингвокультурных опор, составляющих его когнитивную базу, прецедентных текстов, а также необходимо умение правильно кодировать и декодировать эмотивный дискурс. Трудность состоит в том, что проблема текстовой компетенции в лингвометодическом аспекте разработана недостаточно. Это связано с отсутствием единой непротиворечивой теории текстообразования. Но выявление основ продуктивной грамматики текста возможно и необходимо.

Культурная идентичность не формируется стихийно, общий смысл не воспроизводится и не циркулирует сам по себе. Именно поэтому процесс трансляции ценностей требует к себе особого внимания.

Литература

Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. 445с.

Богданова Л.И. Текст и дискурс: в поисках выхода из лабиринта // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2016. Т. 20. №3. С. 7–30.

Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. №2. С. 247–259.

Швейцер А. *Культура и этика*. М.: Прогресс, 1973. 343 с.

Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Флинта, 2006. 342 с.

Zappetini F. Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. №2. С. 260–281.

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АНТРОПОНИМА КАК ЗНАКА КУЛЬТУРЫ
В БИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ И ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ
СТАТЬЕ**

С.Ю. Богданова^{*}, Е.П. Игнатьева^{}**

^{*} Иркутский государственный университет
(Россия, Иркутск)
rusjar@mail.ru

^{**} Иркутский национальный исследовательский
технический университет
(Россия, Иркутск)
ele20334045@yandex.ru

Согласно теории Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, процесс бытования онимов в культурной среде ведет к образованию национально-культурного компонента значения у имен собственных, что обусловлено кумулятивной (культуроносной, накопительной) функцией языка [Верещагин, Костомаров 1980; 1990]. Особенностью этой функции является то, что язык «не просто передает некоторое сообщение, но и обладает способностью отражать, фиксировать и сохранять информацию о постигнутой человеком действительности» [Верещагин, Костомаров 1990: 10].

Следствием оценки имени как ценностного знака культуры является фиксация имени в письменном тексте, который надежно хранит информацию о нем. Таким текстом, прежде всего, является статья в энциклопедии, которая целиком и полностью принадлежит Миру Ценностей. С момента попадания имени собственного в информационный источник оно начинает осуществлять преемственную связь поколений, позволяющую узнать деяния наших предков и современников.

Энциклопедический антропоним — это называющее человека имя собственное, обладающее денотатом и

сигнификатом текстового характера, представляющее ценность и подлежащее хранению и воспроизведению в семиотическом пространстве. Его восприятие тесно связано с понятием культурной грамотности, которую Е. Хирш понимал как знания, позволяющие формировать единое коммуникативное пространство культуры [Hirsch 1988]. Как знак семиосферы энциклопедический антропоним обладает ценностными характеристиками — положительными или отрицательными эмоционально-экспрессивными свойствами.

Антропонимы функционируют в текстах разных типов, включая биографические описания и энциклопедические статьи. На наш взгляд, как антропонимы, зафиксированные в энциклопедиях, так и антропонимы, содержащиеся в биографических текстах, представляют собой общий фонд культурного наследия.

Д.Я. Калугин отмечает, что биографический текст — это повествование, «когда внимание биографа переносится со служебных функций жизнеописаний на собственно эстетические» [Калугин 2008: 85], и рассматривает его как способ производства знания об обществе, вовлеченного в процесс самопознания и становления, процесс, который характеризует эпоху современности [Калугин 2014]. Биографический текст (представленное в нем описание) должен был стать примером для подражания и источником для «поведенческой стратегии». В современном биографическом тексте оправдывается позиция, что чья-то «жизнь заслуживает упоминания и обладает значимостью» [Калугин, 2008]. Высокий спрос на публичные истории объясняет появление биографических описаний в журналах.

Если сравнить отрывки текстов, содержащих антропоним *Модильяни*, из (1) Большой Российской Энциклопедии (БРЭ) и (2) журнала «ГАЛА Биография» (2009, № 5 (53)) можно заметить существенные отличия.

1. *Модильяни (Modigliani) Amadeo (12.7.1884, Ливорно — 24. 1. 1920, Париж), франц. живописец, график,*

скульптор. Родился в семье итал. коммерсанта. Учился в худож. школе Ливорно у Г. Микелли (1898-1901), затем в АХ во Флоренции (1902) и Венеции (1903). В нач. 1906 прибыл в Париж и обосновался на Монмартре. В портретах 1907-09 проявилось увлечение живописью П. Сезанна, А. де Тулуз-Лотрека... [Большая российская энциклопедия 2012: 589].

2. Автор: Елена Алексеева

Выдающийся художник XX века Амадео Модильяни и его невенчанная жена Жанна Эбютерн. Все романисты и кинематографисты, когда-либо пытавшиеся в меру отпущенных Богом талантов воссоздать историю любви, грешили против правды. Да и не могли не грешить. Слишком уж неправдоподобна их история... [Алексеева 2009: 36].

В предложенных отрывках видна разница в оформлении начала статьи. Что касается отрывка из энциклопедии, то он по своей структуре представляет классический пример энциклопедической статьи, носящей стандартизованный (инвариантный) характер. В отличие от биографического описания в периодическом издании, отрывок из БРЭ содержит даты и информацию географического характера. Статья из периодического издания представляет биографическое описание, в котором автор с самого начала делает акцент на уникальности выбранной им персоналии. В данном отрывке преобладает эстетическая информация и художественный стиль. Биографическое описание содержит большое количество личной информации о выбранной персоналии, что не характерно для энциклопедических текстов. По объему статьи о Модильяни также различаются: если текст из периодического издания занимает 10 страниц, то энциклопедическая статья занимает 1,5 страницы в два столбца.

Необходимо уточнить, что, если сравнивать биографические описания в биографических словарях, а не в периодических изданиях, можно отметить, что эти описания

не имеют больших отличий от текста энциклопедической статьи, заголовком которой является антропоним. Биографический словарь может быть как универсальным, так и отраслевым, поэтому к составлению текстов в биографических словарях могут привлекаться специалисты из разных отраслей знаний.

Проведенный анализ функционирования антропонимов в биографических текстах в периодических изданиях и в энциклопедических статьях позволил сделать некоторые выводы. Во-первых, энциклопедический текст не претендует на эстетическое жизнеописание или источник для воспроизведения поведенческих моделей, в отличие от биографических текстов, написанных конкретным автором. Во-вторых, чтобы попасть в энциклопедию, антропонимы проходят весьма долгий этап трансформации из простого антропонима в энциклопедический антропоним и нуждаются в обязательной экспертной оценке. Право на выбор антропонимов, фигурирующих в биографических текстах в периодических изданиях, имеет автор, составляющий биографию, и только потом сообщество дает оценку, заслуживает ли этот человек биографического описания. В-третьих, биографический текст, содержащий антропоним с присущими ему ценностными характеристиками, не переписывается, потому что он написан автором, тогда как ценностные характеристики энциклопедического антропонима не есть застывшая форма и могут быть пересмотрены дискурсивным сообществом. Вследствие этого сам антропоним может получить новое описание в энциклопедической статье, написанной в другую историческую эпоху, не обязательно значительно удаленную во времени.

Антропонимы во всех проанализированных типах текстов (энциклопедии, биографические словари, тексты биографического характера в периодических изданиях) являются культурными знаками, вошедшими в совокупность

текстов семиотического пространства. Идентифицирующим знаком и одновременно объединяющим фактором энциклопедий и биографических словарей, содержащих имя собственное, является заголовок. Это значит, что называющее человека имя собственное может в зависимости от типа текста трансформироваться в «энциклопедический антропоним», «хрестоматийный антропоним», «прецедентный антропоним», и «биографический антропоним», а также «реминисцентный антропоним».

Антропоним обладает денотатом, который известен в языковом сообществе, и сигнификатом, за период своего существования накопившим содержательную информацию. Эта информация приобрела ценность в определенной культуре, что позволило антропониму войти в энциклопедические и/или биографические тексты, которые представлены в энциклопедических или биографических словарях, а также в периодических изданиях.

Литература

Алексеева Е. Амадео Модильяни и Жанна Эбютерн // *ГАЛА Биография*. 2009. № 5 (53). С. 36–46.

Большая российская энциклопедия. М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 2012. Т. 20.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Лингвострановедческая теория слова*. М.: Русский язык, 1980.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: Методическое руководство*. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Русский язык, 1990.

Калугин Д. Искусство биографии: изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 91. С. 84–113.

Калугин Д. *Русские биографические нарративы XIX века: От биографии частного лица к истории общества*. (2014). URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9E/obatnin-gennadij-vladimirovich/istoriya-i-pestvovanie/9> (дата обращения 15 сентября 2017 г.).

Hirsch E.D. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. N.Y.: Vintage Paperback, 1988.

White H. *The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1987.

РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

Л.А. Борzych

РУДН

(Россия, Москва)

alodin52@mail.ru

В процессе языкового общения часто повторяющимися компонентами являются как отдельные слова, так и целые словосочетания и даже отдельные предложения.

Регулярно воспроизводятся как готовое целое различные типы словосочетаний: устойчивые и свободные.

К свободным словосочетаниям относятся традиционные словосочетания типа *plenty of work to do, many things to do, a lot to be done* (много дел, много работы), *to take an examination* (сдавать экзамен), *to take a difficult examination* (сдавать трудный экзамен) и т.д. Эти словосочетания так же, как и устойчивые, являются привычными, регулярно воспроизводимыми. Однако, как отмечает А.И. Смирницкий, в зарубежной лингвистической литературе такого рода образования обычно включаются в число идиоматических выражений. Он пишет, что традиционные словосочетания никакой идиоматичностью не обладают: их общее значение совершенно понятно из сочетаний значений составляющих компонентов [Смирницкий 2007:67].

Кроме того, фразеологические единицы, как известно, не допускают перегруппировки компонентов или их разрыва

при введении новых компонентов. Традиционные же словосочетания характеризуются относительно свободной связью компонентов.

Задачей данной статьи является выявление отличительных особенностей традиционных словосочетаний и определение основных принципов их отбора.

Как известно, в каждом языке существуют допустимые и недопустимые дистрибуции слов в словосочетаниях и предложениях. И если рассматривать допустимые и недопустимые дистрибуции слов в словосочетаниях, то таких словосочетаний с определенной традиционно сложившейся дистрибуцией языковых знаков насчитывается очень большое количество.

Традиционные словосочетания — это исторически сложившиеся свободные сочетания, традиционно признаваемые правильными, характерные для данного языка, обладающие особыми, присущими только им свойствами. Конечно, когда-то имелась причина для возникновения этой традиции, но на сегодня она забыта и широкому кругу неизвестна. Английские традиционные словосочетания, как правило, не совпадают в структурном отношении с их русскими эквивалентами. Например, англичане употребляют *to sit in the tree* (сидеть на дереве); *to write in ink* (писать чернилами); *it's nice of you* (мило с вашей стороны) и т.д.

Естественно, традиционная сочетаемость в разных языках различна в результате расхождения норм сочетаемости.

Основываясь на критерии расхождения норм сочетаемости слов в разных языках, мы проводили билингвистический анализ, т.е. постоянное сопоставление английского и русского языков.

В результате билингвистического и частотного анализа нами сделана попытка вычленить традиционные словосочетания, отметить наиболее продуктивные из них и наметить основные принципы их отбора.

Если воспользоваться принятой символикой для обозначения отдельных компонентов словосочетаний, то можно отметить следующие характерные типы словосочетаний.

Преп. + N (адвербиальные сочетания с определенными предлогами): *in the morning* — утром, *in the daytime* — днем, *at night* — ночью, *at midnight* — в полночь

Но если существительное имеет при себе определение, то такого рода словосочетания могут употребляться с другим предлогом: *on a cold morning* — в холодное утро, *on a hot summer day* — жарким летним днем, *on the morning of July 4, 2017* — утром 4-го июля 2017 года и т.д.

V+N+Prep+N (сочетание: глагол + существительное + атрибутивные сочетания существительного с определенным предлогом): *to do exercises in Grammar* — делать упражнения по грамматике, *to write (do) exercises in Grammar* — писать упражнения по грамматике. Но: *to give lectures on Grammar* — читать лекции по грамматике, *to take books on English history* — брать книги по истории Англии.

Как видно из примеров, определенная сочетаемость зависит и от семантики сочетающихся компонентов.

V+Prep+N (Obj) (сочетание: глагол + предлог + существительное в роли дополнения): *to work at Physics (English)* — работать над физикой (английским и т.д.), *to come on business* — приехать по делу, *to come on a visit* — навестить, гостить и т.д.

V+Prep+N (сочетание: глагол + адвербиальное сочетание существительного с предлогом): *to lie in the sun* — лежать на солнце, *to walk in the street* — гулять по улице

II. Pr+Adv (сочетания существительных с наречиями): *all day long* — весь день, *all the year round* — круглый год, *the whole night through* — всю ночь.

Билингвистический анализ показывает, что английским глагольно-адъективным сочетаниям соответствуют русские глагольно-наречные сочетания. Таким образом, нормы

сочетаемости в разных языках могут значительно расходиться.

Приведенные образцы отбора традиционных сочетаний имеют здесь, главным образом, иллюстративный характер и, разумеется, не исчерпывают всех возможностей классификации. Однако они могут быть положены в основу принципов отбора традиционных словосочетаний.

В отличие от фразеологизмов, традиционным сочетаниям характерна взаимозаменяемость компонентов в пределах данного или близкого к нему значения: *to make a great impression, to produce a great impression* — производить впечатление, *to turn on the light, to switch on the light* — включить свет.

Взаимозаменяемой является первая часть словосочетаний, выраженная глаголами *to make* и *to produce, to turn* и *to switch*.

В результате взаимозаменяемости компонентов традиционные словосочетания могут иметь множество синонимичных рядов: *to engage a room beforehand, to engage a room before time, to engage a room in advance* — заказать комнату заранее.

Причем заменяемым из такого рода синонимов может быть 1-ый, 2-ой или 3-ий компонент: *to arrive at a conclusion, to come to a conclusion, to arrive at a decision* — прийти к выводу и т.д.

Таким образом, подобная взаимозаменяемость компонентов дает возможность построения моделей и позволяет разграничить традиционные словосочетания от фразеологических единиц.

В повседневном устном общении, как и в различных жанрах языка — языке науки и техники, языке официальных сообщений, юридических документов и т.д., широко употребляются традиционные словосочетания, именуемые «штампами» или «шаблонами». Если рассматривать языковые формы как логические функции мыслительных

процессов и представлений, встречающиеся в научно-технической литературе традиционные словосочетания — штампы можно разделить на:

1) обороты, выражающие уверенность: *to say the truth, to tell the truth* — по правде говоря;

2) обороты, выражающие ссылку на общепризнанность известность мысли или действия: *it's known* — известно, *it's assumed* — принято, *it's generally acknowledged* — общепризнано, *as used* — как принято, *as known* — как известно и т.д.

Проблема традиционных словосочетаний представляет огромный интерес и для методики преподавания иностранных языков. Эта способность разговорных формул и традиционных словосочетаний к широкой заменяемости компонентов и наличие синонимов создает возможность их употребления в подстановочных упражнениях, занимающих центральное место в устной тренировочной работе.

Таким образом, при отборе лексических единиц следует обращать особое внимание на определенную сочетаемость традиционных словосочетаний, отличную от норм русского языка и представляющую некоторые трудности для их усвоения, а также при формировании навыка рекомендуется вводить структурно-семантические модели словосочетаний как лексические единицы языка.

Литература

Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. *Лексикология английского языка*. М., 2000.

Аракин В.Д. *Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие*. 2-е изд. М.: Просвещение, 1989. 117 с.

Арбекова Т.И. *Лексикология англ. яз. (практический курс): Учеб. пособие для 2-3 курсов ин-ов и фак. иностр. яз.* М.: Высшая школа, 1977. 53 с.

Смирницкий А.И. *Синтаксис английского языка*. Изд.2. М.: УРСС. 2007. 67 с

Ханаху Д.Р. *Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ): дис. канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 Майкоп, 2007. 166 с.*

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ В НИГЕРИЙСКОМ РОМАНЕ

А.А. Борисова*, Н.Ю. Ильина**

РУДН

(Россия, Москва)

* *anna.alex.borisova@gmail.com*

** *ilinadezhda@yandex.ru*

В ранних произведениях нигерийских авторов, созданных на английском языке, отражены быт, традиции, мировосприятие многочисленных народов, населяющих эту страну.

У африканцев и европейцев представления о времени не совпадают; многие африканские народы воспринимают время циклично. У каждого народа существует веками выработанный годичный праздничный цикл (праздники начала земледельческих работ, урожая, поклонения тем или иным божествам). Количество и последовательность их в значительной мере подчинялись сельскохозяйственному циклу и были закреплены традицией, а также даты их проведения определялись (и определяются поныне) по лунному календарю. [Кочакова, 2008:72].

Характерная для традиционных народов Нигерии вера в нерасторжимую связь между миром живых и миром мертвых, способность умерших оказывать влияние на жизнь живых отразилась на восприятии африканцами времени, на идее единого потока жизни, объединявшего живых и мертвых. Чем старше человек становился, тем ближе он подходил к миру предков.

В представлении африканцев человек не умирает с наступлением физической смерти. В своем существовании индивид проходит множество естественных и сверхъестественных стадий. От рождения до физической смерти человек живет в реальном мире, после смерти — в мифическом мире: переходит в «деревню предков», в царство духов, и дальше — в очередной инкарнации — он снова начинает существовать в реальном мире, затем перевоплощаясь в своих потомках [Шингаров, 2016:10].

Большинство народов Тропической Африки верят в Высшее Существо, создателя всех вещей. Вера в Высшее Существо — это полностью африканская концепция, которая появилась задолго до прихода христианских и мусульманских миссий вот внутренние области Тропической Африки [Цит. по: Татаровская, 2016: 69].

Одно из самых важных деяний Бога — творение. Космогонические мифы народов Тропической Африки описывают постепенное творение мира, последовательность сотворения Богом вещей. Первое его творение — это светила (солнце, луна, звезды), затем Он создает небо и Землю.

Имен Высшего Существа в Африке много, это связано с разнообразием африканских этносов, каждый из которых использует имя своего Бога [Татаровская, 2016: 71].

Нигерийцы, как и другие народы Тропической Африки преклоняются перед солнцем, от него зависят их судьбы и их ритм существования. Солнце в африканской мифологии считалось символом огня и смерти. Оно олицетворяло смерть, т.к. завершение жизни сходно с закатом солнца.

“That bird sings when the sun is down, in actual fact — when people are eating their evening meals” [Nwapa, 1966: 200]. В данном примере лексема sun употреблена как обозначение единицы измерения времени.

“My children, come again on Eke day when the sun is here”, and he indicated the place he meant. Efuru and Adizua understood the time he meant [Nwapa, 1966: 35]. В данном

фрагменте лексема *sun* употреблена в схожем значении с дополнительным пояснением на указание положения солнца, для обозначения времени встречи.

Некоторые небесные светила в африканской мифологии имели свой животный символ. В африканских мифах обнаруживается скрытая связь между леопардом и луной, выражающаяся в темных пятнах на желтом цвете. Луна связана с водой, плодородием и здоровьем. [Татаровская, 2016: 129–130].

“What a bright moon”, Efulu remarked.

“Yes, how bright it is. The wonderful work of nature. A piece of yam that is sufficient for all the world.” [Nwapa, 1966: 113]. Сочетание лексемы *moon*, являющейся важной составляющей темпоральной лексики, с определением *bright* указывает на такое явление, как лунные ночи, когда африканцы, проживающие в деревнях, после трудового дня, совместно проводят досуг. В данном примере также наблюдается образное сравнение луны с ямсом, который является традиционным древнейшим культурным растением тропиков, служащей основой разнообразных блюд в Нигерии.

Лексема *moon* употребляется в произведениях нигерийских авторов в значении «месяц» (традиционная мера времени): He was very good on his flute, and his happiest moments were the two or three moons after the harvest when the village musicians brought down their instruments, hung above the fireplace [Achebe, 1958: 18].

Некоторые атмосферные явления в африканской мифологии также имеют животные образы. Так, петух ассоциируется с зарей. Своим кукареканьем он возвещает о наступлении каждого нового дня. Лексема *cock-crow* употребляется для обозначения раннего утра: Yam, the king of crops, was a very exacting king. For three or four moons it demanded hard work and constant attention from cock-crow till the chickens went back to roost [Achebe, 1958: 39]. В

Тропической Африке существуют два времени года: сезон дождей и сухой сезон. *The rainy season was approaching when they would go away until the dry season returned [Achebe, 1958: 38]. Like all good farmers, Okonkwo had begun to sow with the first rains [Achebe, 1958: 32]. But the drought continued for eight market weeks and the yams were killed [Achebe, 1958: 32].*

В произведениях нигерийских авторов находим примеры, где отсутствуют традиционные для английского языка единицы измерения времени. Главные события в жизни африканцев соотносятся с периодами проведения сельскохозяйственных работ: *Ikemefuna came to Umuofia at the end of the carefree season between harvest and planting [Achebe, 1958: 36]. It was a brief resting period between the exacting and arduous planting season and the equally exacting but light-hearted month of harvests [Achebe, 1958: 40]. She came to live with us just after the planting season; this is another planting season, since then we have never seen okasi leaves on her teeth. [Nwapa, 1966: 23]. Three harvests after, my husband came home without any warning [Nwapa, 1966: 60].*

В качестве традиционной единицы измерения времени встречается использование нигерийскими писателями лексемы «харматтан»: ... *he loved this season of the year, when the rains had stopped and the sun rose every morning with dazzling beauty. And it was not too hot either, because the cold and dry harmattan wind was blowing down from the north. Some years the harmattan was very severe and a dense haze hung on the atmosphere. Old men and children would then sit round log fires, warming their bodies [Achebe, 1958: 18].*

В романе Ф. Нвапы «Эфуру» встречаем следующий сравнительный оборот: *It seemed as if cold water was poured on Nkoyeni` body during the harmattan.*

Отдельно следует остановиться на календаре народности игбо — традиционной системе исчисления времени, которая состоит из 13 месяцев в году, 7 недель в

месяце, 28 дней в месяце и четырех дней рынка (ofor, nkwo, eke, orie) в неделе, а в последний месяц года появляется один дополнительный день. He was ill for three market weeks [Achebe, 1958: 35].

Многие названия этого календаря происходят от имен духов и божеств в мифологии игбо, которые давали игбо знания о времени. Дни недели получили свое название от имен духов и соответствовали четырем сторонам света: ofor — север, nkwo — юг, eke — восток, orie — запад. Сегодня этот календарь используется для обозначения рыночных дней внутри одного поселения. Многочисленные примеры употребления этих единиц измерения времени можно встретить в романе Ф. Нвапы «Эфуру»: What day can we fix it? — Let's have it on Eke day. Today is Eke, in four days we shall go [Nwapa, 1966:21]. I have come to ask you to marry me... Think of it seriously and give me your answer on Eke day [Nwapa, 1966: 117].

В нигерийском традиционном обществе действия и поступки людей строго регламентированы устоявшейся системой обычаев. Это распространяется и на дни недели. Nwashike, this is what your daughter will do every Afo day. She is to sacrifice to the ancestors [Nwapa, 1966: 25].

Традиционно день Нкво считался у игбо деловым днем: You talk as if you are a stranger in our town. How can a woman visit anybody on Nkwo day? ... No woman in our town has time for any other thing except to buy and sell on Nkwo day. After the market, she goes to collect her debts. Nkwo is not a day to make social calls, it is a day of business [Nwapa, 1966: 116]. They went home and for the first time since that fateful Nkwo day the two felt really married [Nwapa, 1966: 24]. She begged me and told me to come after four Nkwos [Nwapa, 1966: 121].

Are you going to fish today? — No today is Orie. — It is true. I talk as if I am a stranger. I forget that today is Orie day and that all worshippers of the woman of the lake go on special diet

and eat plantain which is the favourite of the woman of the lake [Nwapa, 1966: 120]

Таким образом, нигерийские авторы создают самобытные фактографические произведения, отражающие традиционную культуру и национальную картину мира.

Литература

Кочагова Н. *Традиционные культуры народов Нигерии*. М., ИАФРРАН, 2008.

Татаровская И. *Мифы народов Тропической и Южной Африки: основы духовной и социальной жизни африканского общества*. М.: ИАФРРАН, 2016.

Шингаров Г. *Мифы народов Тропической и Южной Африки*. М.: ИАФРРАН, 2016. Предисловие. с.4–11.

Achebe Ch. *Things Fall Apart*. W. Heinemann, London, 1958.

Nwapa F. *Efuru*. Heinemann, Oxford, 1966.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л.М. Босова

МГИМО МИД России
(Россия, Москва)
bosovalm@yandex.ru

Межкультурная коммуникация представляет собой процесс общения (вербального и невербального) между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков. Важнейшим средством межкультурного общения является язык, который также выступает как орудие познания и инструмент мышления и обеспечивает взаимопонимание и взаимную информацию членов этноса, что и способствует эффективной совместной деятельности.

Необходимой предпосылкой речевого общения можно считать общность языковых сознаний, различия же между

ними лежат в основе коммуникативных конфликтов, конфликтов непонимания партнерами друг друга, своего рода «когнитивным диссонансом», который возникает в следствие различий «в концептуализации и категоризации действительности через призму языков и культур. Гармонизация противоречащих друг другу установок и выход из состояния когнитивного диссонанса базируется на механизмах понимания и взаимодействии с носителями лингвокультуры для преодоления коммуникативных сбоев» [Leontovich 2015: 56].

Таким образом, межкультурная коммуникация предполагает общение носителей разных культур (и обычно разных языков), когда отсутствует оптимальная общность сознания коммуникантов, и процесс взаимодействия культур осуществляется в рамках несовпадающих (в большей или меньшей степени) стереотипов мышления и поведения, что и влияет на взаимопонимание сторон в общении [Larina 2015: 10]. Отсюда, межкультурное общение — это взаимодействие носителей не только разных культур и языков, но и разных национальных сознаний. Для исследования процессов межкультурной коммуникации важно понять, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного порядка формируют и развивают концептуальную систему (КС) этноса [Beebe 2015: 21].

Особенности деятельности, специфика знаний, характерные для определенного этноса, находят свое отражение в языке, формируя языковую картину мира (ЯКМ), которая дополняет объективные знания о реальности. Существенной характеристикой ЯКМ считаются не только стереотипные способы языковой репрезентации мышления, но и принципиальная возможность вербализации любого содержания мышления [Пищальникова 2017: 115]. Она включает уникальный общественно-исторический опыт

определенной национальной общности людей, создает специфическую «окраску» реального мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа. ЯКМ возникает наряду с логической КМ в процессе освоения индивидом действительности.

Считается, что логическая КМ не отличается у носителей разных языков, поскольку способы образования понятий и формы хранения знаний одинаковы. ЯКМ формируется на основе различного языкового материала. При этом замечено, что ядро различных ЯКМ в большей степени совпадает, что объясняется универсальностью характера мышления и механизмов познания, национальная же специфика проявляется на периферийных участках ЯКМ.

Естественно, что ведущую роль в формировании (КС) играет язык. Символически фиксируя концепты вербальными символами, язык дает возможность манипулировать концептами КС, т.е. позволяет на основе принципов интерпретации строить новые концептуальные структуры, отражающие актуальный познавательный опыт индивида. Усвоение вербальной символики является необходимым условием для коммуникации между носителями КС. Таким образом, язык объективирует содержание КС и служит средством конвенциональной ориентации индивида.

Интерпретация КС с позиций деятельностного подхода позволяет представить концепт (смысл) как ее компонент, репрезентирующий национальную специфику этой КС. В концепте зафиксировано разного рода содержание о реалиях действительности: понятийное, вербальное, ассоциативное, культурологическое, эмоциональное и т.д. [Босова 2010: 9]. Поэтому межязыковое сопоставление концептов способствует выявлению национального и

интернационального компонентов в содержании КС носителей различных языков. Ментальное различие определяется наличием специфических национальных концептов, входящих в культуру.

Установлено и экспериментально доказано что характер интерпретации концептов (смыслов) соотносится с понятием психической апперцепции, которое предполагает в процессе восприятия опору индивида на прошлый личностный опыт. Это положение является особенно актуальным в связи с проблемой понимания в процессе коммуникации, поскольку этот процесс осуществляется на базе КС. При этом об успешности коммуникации можно говорить лишь тогда, когда коммуниканты работают на основе сходных образов. Их сходство основывается на общности знаний, предваряющих и определяющих восприятие.

Понимание представляет собой уникальную характеристику деятельности человека на любом уровне познания и общения. Возможность понимания и, в конечном счете, возможность присвоения знания определяется психологическими факторами и прежде всего ассоциативно-апперцепционным характером мышления. Присвоение нового знания происходит на базе чувственно-логического содержания концептуальной системы, путем установления новых ассоциативных связей между концептами.

Понимание связано со сложными формами организации смысла, который раскрывается через знак-символ. В этом аспекте обнажается огромная моделирующая сила слова и стоящей за ним языковой культуры. Слово вместе со своей концептуально-логической структурой способно не только выразить практически возникающую ситуацию, но также моделировать огромное число совершенно новых ситуаций, возможных или невозможных в действительности. «Схваченные» словом предметные или мысленные ситуации получают свое символическое и

культурное бытие, становятся фактом культурно-организованного сознания [Богданова 2015: 47].

Многочисленные исследования проблемы взаимоотношения языка, культуры, сознания и процесса межкультурного общения убедительно показывают, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его деятельностном отношении к действительности, а деятельностный процесс с необходимостью включает исследование языка как знаковой системы, поскольку опосредуется знаками. Это неизбежно указывает на психолингвистическую природу коммуникации, которая, несомненно, способствует разработке коммуникативных стратегий и их внедрению в процессы общения не только внутри одной языковой общности, но и между представителями разных социумов. Следовательно, проблемы межкультурной коммуникации, как и речевого общения в целом, должны рассматриваться в тесной связи со знанием, мышлением и практической деятельностью человека

Сказанное позволяет утверждать, что межкультурная коммуникация реализуется между представителями разных культур на основе общности их как языкового, так и когнитивного сознания. Следовательно, коммуникация, в том числе и межкультурная, неразрывно связана с явлениями, имеющими психолингвистическую природу, более того, именно психолингвистические параметры лежат в основе коммуникативных процессов, и их дальнейшие экспериментальные исследования должны учитываться при разработке и внедрении коммуникативных стратегий.

Литература

Богданова Л.И. Новые слова в аспекте языков и культур // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 41–50.

Босова Л.М. Межкультурная коммуникация как особый тип общения. // *Методология современного языкознания*. Москва: АСОУ, 2010. С. 6–11.

Пищальникова В.А., Сонин А.Г. *Общее языкознание: Учебник для студентов высших учебных заведений*. М.: Р. Валент, 2017.

Beebe Steven A. Structure-interaction theory: conceptual, contextual and strategic influences on human communication // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 19. № 4. С 17–32.

Larina T., Leontovich O. Too many walls and not enough bridges: the importance of intercultural communication studies // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 19. № 4. С 9–16.

Leontovich O. Cognitive dissonance from an intercultural communication perspective // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 19. № 4. С. 49–56.

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. Величко

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
all_velichko@mail.ru

Понятие дискурса и дискурсивного анализа как отличительная черта лингвистики ХІ века непосредственно обусловлено направленностью изучения языка как средства общения и признанием антропоцентризма языка как главенствующей идеи современной научной парадигмы лингвистики. Дискурс понимается как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [Арутюнова 2000: 137–138].

Использование этого принципа позволяет глубже исследовать использование языковых единиц в речи, в коммуникации, в том числе и в межкультурной коммуникации. При этом принципы дискурсивного анализа объясняют и причины самого наличия, существования тех или иных языковых единиц и явлений в системе языка.

С этой точки зрения чрезвычайно интересны предложения фразеологизированной структуры (ФС), такие как *Вот это мастер; Ай да помощник; Хоть уходи с работы; Нет бы мне заранее позвонить ей; Что ни день, то новые впечатления; Какие там книги; Работа есть работа; Ах он обманщик* и т.п. [Величко 2016].

Наличие таких предложений объясняется свойством языка, его предназначенностью для обеспечения коммуникативного процесса, ФС используются именно для отражения свойств человеческой личности, как говорящей личности. При этом ФС относятся к кодифицированному литературному языку, и этим объясняется их активное функционирование в трех разных коммуникативных сферах: 1. в устной непринужденной речи, в обыденном общении, 2. в публицистике, 3. в художественной литературе. Эти три коммуникативные сферы очень разнятся, и именно дискурсивный анализ позволяет определить их специфическую роль, их целесообразность и необходимость использования в таких разных коммуникативных условиях.

Обыденное общение, является основной сферой функционирования ФС. Это полноценная коммуникативная ситуация, и в ней они в полной мере раскрывают свои коммуникативные возможности.

ФС относятся к эгоцентрическим языковым единицам, т.е. к таким, семантика которых в принципе связана с коммуникацией, содержит отсылку к говорящему [Падучева 1996], и, следовательно, они ориентированы на реализацию интересов говорящего и адресата. Класс ФС включает большое количество единиц, что позволяет говорящему

выразить множество субъективно-модальных значений, их оттенков, нюансов и связанные с ними интенции.

Поскольку говорящий направляет содержание ФС своему собеседнику, он тем самым побуждает его реагировать, включает адресат в активное общение; при диалогическом общении адресат перенимает инициативу общения, становится говорящим. Контакт, речевое взаимодействие адресанта с адресатом — важнейшая особенность коммуникативного процесса, и ФС благодаря своей экспрессивности, особенностям построения обеспечивают адресанту эту возможность. В то же время субъективность значения ФС, субъективность выражаемого говорящим отношения к ситуации побуждают адресат активно относиться к позиции говорящего.

Высокий коммуникативный потенциал ФС обусловлен также тем, что они представляют языковое выражение тех мыслительных фрагментов (сложных мыслительных форм, «шаблонов» мысли), которые наиболее типичны для коммуникации людей и наиболее часто востребованы в процессе речевого общения, а лексическая свобода переменного компонента ФС создает содержательное разнообразие реализующих их высказываний, обеспечивающее возможность их использования в общении на самые разные темы. Эти черты ФС делают общение интеллектуально и содержательно более интересным.

Важная особенность ФС в том, что они употребляются в собственно содержательной (а не вводной) части общения, поэтому их роль проявляется в том, что они дополняют, продвигают общение, придают ему динамизм и энергичность, делают его более продуктивным, результативным.

Для устной разговорной речи характерно стремление к краткости, к экономии языковых средств, и ФС с их внешней краткостью формы при семантической емкости полностью соответствуют этому требованию.

Рассмотрение ФС в социокультурном аспекте показывает, что они отражают некоторые особенности русского менталитета, закрепили некоторые характерные черты русских как коммуникантов, некоторые традиции русского общения. Отнесенность ФС к литературному разговорному языку позволяет говорящему выражать с их помощью свои намерения, не нарушая правил речевого поведения, сохраняя согласованность общения.

Ограничения, касающиеся употребления ФС, обусловлены, в первую очередь, действием прагматических факторов, характеризующих процесс коммуникации — характером отношений между коммуникантами, ролью вектора «я — ты», «я — вы», «я — ты — он».

Две другие коммуникативные системы, в которых активно используются ФС — публицистика и художественная литература — в отличие от сферы быденного общения, квалифицируются как неполноценные коммуникативные ситуации (Е.В. Падучева), поэтому в них семантика ФС получает другую интерпретацию, и ее следует рассматривать как производную от ее проявления в классической ситуации общения. Кроме того, в этих новых коммуникативных условиях ФС раскрывают и новые свои коммуникативные свойства, коммуникативные возможности, которые способствуют реализации целей и задач, характерных для названных коммуникативных сфер.

На основании этого можно характеризовать ФС как гибкие, динамичные коммуникативные единицы, которые могут приспособить свои основные сущностные признаки к разным коммуникативным ситуациям, коммуникативным целям.

В публицистике ФС используются в первую очередь в так называемом «фамильярном» подстиле, т.е. в материалах неполитического, неофициального содержания, которые отличаются активностью разговорных элементов, сочетают в себе разговорную непринужденность и умеренную

книжность. ФС органичны в таких жанрах, как очерк, репортаж, интервью.

Публицистика выполняет разные функции. Наряду с информативной для нее характерна аналитическая, воздействующая, просветительская и др., и ФС создают автору (он квалифицируется как заместитель, аналог говорящего реального общения) большие возможности для реализации этих задач.

ФС способствуют созданию личностно-эмоционального характера изложения, что позволяет автору-адресанту привлечь внимание потенциального читателя (который воспринимается как аналог адресата, т.е. потенциальный обобщенный адресат), вызвать его активное отношение к восприятию информации.

Важнейшая особенность публицистического текста — связь автора с потенциальным читателем. Связь ФС с устной непринужденной речью, сама синтаксическая форма многих из них в сочетании с экспрессивностью создают автору возможность опосредованного обращения к читателю, и это активизирует восприятие адресатом полученной информации.

Субъективность значений ФС и их выразительность хорошо сочетаются с аналитической направленностью публицистических материалов.

Важная роль ФС в публицистике — их функционирование в качестве заголовков. Семантическая завершенность, емкость, выразительность в сочетании с краткостью способствуют реализации основных задач заголовка — кратко, в нестандартной форме указать на содержание предлагаемого материала, привлечь внимание читателя, при необходимости показать свое отношение к сообщаемому.

Особенности функционирования ФС в структуре художественного текста определяются основной отличительной чертой этой коммуникативной системы, а

именно эстетической функцией художественной литературы, которая реализуется через образность. ФС включаются в арсенал образно-выразительных средств художественной литературы, отдавая в распоряжение автора свои специфические возможности.

Использование ФС в художественной литературе связано с ее жанровыми особенностями. Они активны в драматических произведениях. Пьесы строятся на диалогах, основная стилистическая нагрузка переносится на речь персонажей с ее характерными языковыми особенностями, и включение ФС как органичного коммуникативного средства помогает писателю воссоздать естественные ситуации общения, типичные для реальной жизни.

Использование ФС в прозаическом произведении находится в прямой зависимости от функционально-смысловых типов речи — описания, повествования, рассуждения. Повествование — наиболее динамичный, подвижный тип речи. Использование ФС в повествовательных жанрах (рассказ, повесть, роман) наиболее естественно. ФС как яркое средство устной разговорной речи наиболее широко представлены в речи литературных персонажей, в диалогах. Здесь ФС проявляют свои образно-выразительные свойства: акцентируют нужную черту персонажа, передают его эмоциональное состояние, позволяют более ярко передать отношение персонажа к происходящему и т.д.

Характерны ФС и для внутренней монологической речи персонажа. («монолог наедине», «разговор с самим собой».)

Внутренняя речь персонажа нередко оформляется как несобственно-прямая речь, где ФС, наряду с другими языковыми средствами естественной устной речи, выделяют внутреннюю речь персонажа на фоне авторской речи и играют образно-изобразительную и характеризующую роль.

Кроме того, через речь персонажа автор может раскрыть и свое отношение к тому или иному персонажу.

ФС довольно часто встречаются в поэтической речи, что объясняется их образностью, выразительностью, возможностью передать с их помощью эмоциональное состояние лирического героя.

Таким образом, исследование функционирования ФС в коммуникативном процессе с позиций дискурсивного анализа раскрывает новые стороны данных языковых единиц, которые остаются нераскрытыми или не полностью раскрытыми при структурно-семантическом описании. Исследование ФС в этом аспекте показывает их широкий коммуникативный потенциал, их важную роль в обеспечении полноценной коммуникации.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс / *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 137–138.

Величко А.В. *Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование*. М.: МАКС Пресс, 2016.

Падучева Е.В. *Семантические исследования. Часть II. Семантика нарратива*. М., 1996. С 193–418.

ТИПЫ АРХИТЕКТУРНЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Вепренцева

ИППК РУДН
(Россия, Москва)
maryveprentseva@mail.ru

Достаточно значительную долю архитектурных терминов составляют термины-словосочетания. Приведём межъязыковые соответствия терминов — словосочетаний: *бочарный свод* — *bóveda cilíndrica*, *bóveda esquifalda*; *парадная лестница* — *escalera principal*; *стрельчатая арка* — *arco ojival*.

Стержневым компонентом словосочетания является его главенствующее слово. Зависимый компонент формируется за счёт подчинённого слова. По стержневому компоненту словосочетания подразделяют на субстантивные, адъективные, глагольные и наречные.

В испанской архитектурной терминологии в этом смысле наблюдаются две закономерности. Во-первых, глагольных и наречных словосочетаний очень мало, а во-вторых, очень сложно выделить главный и подчинённый компонент, так как оба слова несут одинаковую смысловую нагрузку. Здесь уместно привести высказывание Н.Н. Прокоповича: «Представляя собой такие грамматические единства, которые состоят минимально из двух полнозначных слов, связанных между собой по законам или правилам данного языка, они обычно выражают в составе предложения единые, хотя и расчленённые значения, и занимают своеобразное положение по отношению к таким языковым единицам, как слово и предложение» [Прокопович 1966: 51]. В данном случае более четким является испанский язык. В нём смысловые и семантические связи видны по наличию двух признаков: частица «de» и то, что

прилагательное, не несущее главную смысловую нагрузку, ставится после существительного. Именно по этим признакам мы можем выделить субстантивные словосочетания, которые и образуют фундамент архитектурной терминологии испанского языка: *венок капелл* — *corona de capillas*; *парусный свод* — *bóveda en trompa*; *подковообразная арка* — *arco de herradura*.

Ниже приведём примеры русских архитектурных терминов — адъективных словосочетаний, которые в испанском языке передаются одним словом: *блок каменной кладки* — *bloque (m)*; *кафедральный собор* — *catedral (f)*; *оконная рама* — *marco (m)*.

Гораздо более частотно в количественном отношении обратное явление. Примеры: *каланча* — *torre del bombero*; *пояс* — *moldura convexa*; *стеночпись* — *pintura mural*.

Словосочетания бывают свободные и несвободные. В свободном словосочетании сохраняются самостоятельные лексические значения всех входящих в него знаменательных слов; синтаксическая связь его элементов является живой и продуктивной, как, например, в следующих примерах: *винтовая лестница* — *escalera de caracol (de husillo)*; *звёздчатый свод* — *boveda estrellada*; *крестовый свод* — *bóveda de crucería, bóveda de aristones*.

В несвободном словосочетании лексическая самостоятельность одного или обоих его компонентов ослаблена или утрачена, и оно все целиком по характеру значения приближается к отдельному слову. Но количество таких словосочетаний в архитектурной терминологии очень мало.

В собранном материале не было обнаружено примеров трехчленных или четырехчленных словосочетаний-терминов. По классификации, данной в лингвистическом энциклопедическом словаре, в основном это двухчленные словосочетания на основе одиночной связи: *главный вход* —

entrada principal; зеркальный свод — *bóveda plana de claustro*;
охрана памятников — *protección de monumentos*.

Словосочетание тесно связано с предложением, поскольку функционирует оно в составе предложения, обнаруживая здесь разные возможности и разные правила своего употребления [Даниленко, Скворцов 1983: 92]. В предложении словосочетание может изменяться как лексически, так и формально.

Вышеприведённые примеры показывают, что часто архитектурным терминам-словосочетаниям в русском языке соответствуют сложные слова в испанском.

Самым тесным образом к терминам-словосочетаниям примыкают описательные выражения. К ним можно отнести следующие архитектурные термины: *квадр* — *saliente de piedra en una pared*; *лопатка* — *saliente plana y vertical sobre un muro*; *солея* — *escalinata al pie del iconostasio*.

Наряду с этим многие лингвисты отмечают, что границу между описательными выражениями и терминами-словосочетаниями иногда провести очень трудно. В.М. Лейчик вводит понятие двух-трёхсловных образований «номинативного характера, обозначающими как правило простые, производные или сложные понятия определённой области знаний или деятельности» [Лейчик 2002: 250]. Такие словосочетания состоят из наименования объекта и его отличительного признака. Мы уже приводили примеры таких архитектурных терминов, являющихся оптимальным языковым средством для наименования новых реалий: *горельеф* — *alto relieve*; *прикладное искусство* — *artes aplicadas*; *скульптурный элемент* — *elemento estatuario*.

Но в архитектурной терминологии мы достаточно часто встречаемся с многословными образованиями, отнесение которых к разряду словосочетаний связано с рядом трудностей. В.М. Лейчик предлагает в данном случае понятие предтермина, то есть единицы «периода первоначального образования специального понятия»

[Лейчик 2002: 253]. Мы согласны и с другим его высказыванием, что «Сочетания терминов настолько тесно связаны друг с другом, что они выражаются словосочетаниями номинативного типа, где вокруг главного термина, представленного, большей частью, существительным, группируются термины, как правило, называющие признаки, понятия или операции, совершаемые с объектом обозначения» [Лейчик 2002: 254]. Здесь можно привести следующие примеры: паперть — *porche de la iglesia*; фартук — *tablazón de una peana exterior*; царские врата — *puerta mayor del iconostasio*.

Остаётся лишь добавить, что в несколькословных терминах ключевое слово — как правило, термин, без использования которых невозможно построить всю терминосистему данной области, в нашем случае, это архитектура. Но в рассматриваемой нами сфере большой вес составляют и те термины, составные части которых или термины полностью не являются элементами только этой системы. Здесь речь идёт о труднообъяснимых явлениях — метафоре и метонимии, что требует отдельного исследования.

Литература

Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Терминологическая норма (к проблеме типологии терминов. // *Проблемы разработки и упорядочения терминологии в Академиях Наук Союзных республик*. М.: Наука, 1983. С. 90–96.

Лейчик В.М. Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера // *Слово. Фраза. Текст*. М.: Азбуковник, 2002. С. 250–261.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Прокопович Н.Н. *Словосочетание в современном русском литературном языке*. М.: Изд-во «Просвещение», 1966. 125 с.

ИНОЯЗЫЧНЫЙ АКЦЕНТ В СИТУАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Г.М. Вишневская

ИвГУ

(Россия, Иваново)

galamail2002@mail.ru

Известно, что межкультурная коммуникация представляет собой общение людей, языковых личностей, принадлежащих к различным лингвокультурам. Адекватная коммуникация в рамках того или иного лингвокультурного сообщества возможна только при владении как языковыми, так и неязыковыми семиотическими системами этого сообщества. Современная глобализация оказалась главнейшим стимулирующим фактором интенсивного смешения национальностей, культур и языков, расширения масштабов языковой глобализации с повышением роли английского языка как “lingua franca” в межкультурном общении.

При контакте английского языка, языка глобализации, практически со всеми современными языками в речи билингва, как известно, возникают многочисленные явления интерференции. Понятие интерференции — центральное в теории языковых контактов и в теории билингвизма [Baetens-Beardsmore 1982]. В свое время У. Вайнрайх писал следующее: «С лингвистической точки зрения проблема двуязычия заключается в том, чтобы описать те несколько языковых систем, которые оказываются в контакте друг с другом, выявить те различия между этими системами, которые затрудняют одновременное владение, и предсказать таким образом наиболее вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков, и, наконец, указать в поведении двуязычных носителей те отклонения от норм каждого из языков,

которые связаны с их двуязычием» [Вайнрайх 1979: 12]. Условием возникновения интерференции является ситуация билингвизма, а речь билингва — местом ее формирования. В современной лингвистике существует несколько концепций интерференции [Вишневская 1990]. Чаще всего интерференция понимается как процесс и результат взаимодействия языковых систем в речи билингва, из которых одна система является доминирующей, порождающей эффект воздействия во вторичной, приобретенной языковой системе. Результат взаимодействия контактирующих языков может быть как отрицательным, так и положительным. В большинстве случаев интерференцию связывают с отрицательным результатом — с отклонениями, нарушениями в речи билингва. Большинство работ ученых посвящено именно отрицательному аспекту интерференции. Положительная интерференция, именуемая положительным переносом, или транспозицией, отражает взаимодействие контактирующих языковых систем, при котором начинают функционировать универсальные и общетипологические свойства языков, не оказывающие отрицательного влияния на неродную речь билингва. В зависимости от того языкового уровня, на котором интерференция проявляется или исследуется, лингвисты определяют ее как лексическую, грамматическую или фонетическую. При изучении проявлений интерференции учитывается характер ее протекания (процесс интерференции), анализируются ее признаки и определяется коммуникативный эффект интерференции.

Наибольший интерес у ученых вызывает фонетический аспект звучащей речи, более всего подверженный воздействию интерференции в процессе языкового контакта. Изучение фонетической интерференции особенно важно с точки зрения ее коммуникативного эффекта. Произносительная сторона речевой коммуникации выполняет важную роль в формировании суждения о

личности собеседника. Носитель языка опознает принадлежность билингва к другой языковой общности, прежде всего, по характеру его произношения, то есть особой фонетической окрашенности речи, вызванной интерферирующим влиянием фонетики родного языка говорящего. Комбинация фонетических характеристик речи, отражающая языковую, территориальную либо социальную принадлежность говорящего, создает произносительную картину речи, именуемую «акцентом». Иноязычный акцент в речи билингва, являясь следствием интерференции, ярко маркирует его речевое поведение. Акцент как речевая характеристика говорящего на чужом языке является важнейшим показателем идентификации ненативности личности коммуниканта, участвующего в речевом общении с носителем языка [Вишневская 2012]. Каждый носитель языка обладает уникальным речевым слухом, воспитанным в речевой культуре его родного/нативного языка, и потому моментально опознает «чужое качество» речи говорящего. В этом проявляются уникальные свойства речевого слуха человека, воспитанного на слуховом опыте родного языка.

Произносительный акцент является сложным речевым феноменом. Специфика отклонений от произносительной нормы в неродной речи говорящего, окрашенной акцентом, вызвана, прежде всего, влиянием фонетики родного языка. Но акцентная речь одновременно маркирована и некоторыми общими признаками, характерными для любого человека, говорящего на неродном языке и не владеющего им в совершенстве. Как общие, так и специфические признаки нарушения произносительной нормы в речи билингва на приобретенном языке составляют в восприятии и языковом сознании носителя языка общую картину акцентной речи. Эти наблюдения получены на материале богатого опыта преподавания иностранного языка в разноязычных аудиториях. Акцент — категория динамическая. Речь билингва в ситуациях естественного и искусственного

билингвизма проходит несколько стадий развития в процессе усвоения им неродного языка по шкале — от сильного акцента до едва заметного. Ситуация двуязычия характеризуется различной «степенью свободы» говорящего в использовании неродного языка как средства межкультурного общения. В задачи лингвистического описания иноязычного акцента входит установление и описание комплекса признаков, составляющих специфику звучания конкретного типа акцента, а также степени проявления акцента, то есть его места на шкале акцентной речи.

Речевая коммуникация — двусторонний процесс, предполагающий не только говорение, но и слушание. Развитие общения между коммуникантами зависит от степени взаимопонимания между ними, от их способности адекватно воспринимать и продуцировать сообщения. В условиях интерференции речевая активность билингва обычно значительно снижена по сравнению с естественными условиями общения на родном языке и характеризуется замедленностью действия механизмов восприятия и порождения речи. Внимание билингва в процессе речевого общения с носителем языка больше направлено на языковую форму речи собеседника, на поиск прямого смысла высказывания, нежели на его скрытый смысл, зависящий от ситуации общения, отношения собеседника к партнеру по коммуникации и других экстралингвистических факторов. Адекватная реакция билингва на речь носителя языка, равно как и позитивное восприятие последним звучащей ненативной речи, является необходимым условием активного двустороннего контакта в процессе общения. Прогнозирование как механизм речевого действия недостаточно сформировано у билингва, оно функционирует замедленно и не дает того преимущества, которое обеспечивает прогнозирование в норме: точности и быстроты совершаемого действия. Вместе с тем,

неспособность адекватно оценить лингвистическую ситуацию приводит к снижению возможности воспринять индивидуальное своеобразие речи, оценить ее выразительность и воздейственность.

Вопросы повышения культуры языка коммуникации в многонациональных государствах и обществах неслучайно вызывают интерес как отечественных, так и зарубежных ученых к феномену акцентной речи, к проблеме нативности и ненативности звучащей речи в межкультурном взаимодействии [Михалева 2007; Казакова 2017; Adar 1994; Aydemir 2013; Dehgani 2015]. Изучение воздействия «чужого качества» речи на партнера по общению является одной из важнейших проблем межкультурной коммуникации.

Литература

Вайнрайх У. *Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования* / Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев: Вища школа, 1979.

Вишневская Г. *Билингвизм и его аспекты*. Иваново: ИвГУ, 1997.

Вишневская Г. Иноязычный акцент как маркер «чужого» в речевом общении // *Международный журнал экспериментального образования*. 2012. № 6. С. 121–123.

Казакова О. *Просодия вариантов английского языка в Индии и Гонконге как средство выражения национальной идентичности (экспериментально-фонетическое исследование)*: дис. ...канд. филол. наук. Специальность 10.02.04 — Германские языки. М., 2017.

Михалева Е. *Фонетические особенности диалектно-окрашенной речи в аспекте ее восприятия: перцептивно-фонетическое исследование на материале северных акцентов Англии*: дис...канд. филол. наук. Специальность 10.02.04 — германские языки. М., 2007.

Adar M. *Language Shock: Understanding the culture of conversation*. William Merroy and company, Inc., New York: William Merroy and company, Inc., 1994.

Aydemir A. *The Relationship Between Cultural Identity and Accent*. Ankara, 2013.

Baetens-Beardsmore H. *Bilingualism: basic principles*. Clevedon: Tieto, 1982.

Dehghani M. et al. The Subtlety of Sound Accent as a Marker for Culture // *Journal of Language and Social Psychology*. 2015. Vol. 34 (3). P. 231–250.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т.Е. Владимирова

МГУ им. М.В. Ломоносова; РУДН
(Россия, Москва)
yusvlad@rambler.ru

Широкое распространение во второй половине прошлого века понятия «дискурс» и исследовательский интерес к «выразительному и говорящему бытию» (М.М. Бахтин) предопределили их межпредметное изучение, восстановив на новом уровне развития гуманитарного знания единство филологии, психологии и философии. Отныне язык, речь и дискурс анализировались через призму человека, его сознания и бытия.

В центре внимания настоящей статьи межличностный дискурс, который рассматривается с позиции лингвистики, психологии и философской онтологии как учения о бытии и его сущностных основах, а также синергетики, исследующей особенности его развития. При этом мы будем исходить из понимания «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили), формирующегося на фундаменте когнитивно-коммуникативного и экзистенциального опыта, а также под воздействием культурно обусловленных смысложизненных представлений и ценностей.

Чтобы раскрыть сущностные особенности дискурса через призму «онтологической реальности» (Г.П. Щедровицкий), обратимся к процессуальной триаде Аристотеля <dynamis–energeia–entelecheia>: бытие / речевое взаимодействие в их потенции (dynamis) и сама жизнедеятельность, включая деятельность речевую (energeia), соотносятся с представлением о совершенном жизненном пути/искомом речевом совершенстве (entelecheia) [Аристотель 2008: 232–233]. Поэтому прообраз будущего (энтелехия) воздействует на бытие / речевой замысел, но человек опирается также на собственный опыт.

В результате языковая личность испытывает на себе воздействие двух аттракторов, создающих экзистенциальную напряженность ее существования. Это, во-первых, опыт, знания, ценности и переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности, а во-вторых, — представления о совершенстве, принадлежащие не только рефлексии, но в значительной степени интуиции и неявному знанию.

Если же оценка самого себя и собственного бытия не совпадает с культурно обусловленными (энтелехийными) представлениями о совершенстве, то возникающее «познавательно-этическое напряжение жизни изнутри ее самое» (М.М. Бахтин) вызывает экзистенциальные переживания. В итоге стремление к полноте собственного существования и поиск смысла жизни получают выражение в речи и становятся частью бытия языковой личности, в котором «не-разделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности» [Бахтин 1986: 106].

Анализируя «учение об энтелехии как о последней цели и в то же время первой причине развития», М.М. Бахтин писал: «Это аристотелевское отождествление цели с началом не могло не оказать существенного влияния на особенности биографического времени». Так, в «борьбе склонностей и аффектов и упражнении в добродетели, чтобы

придать ей постоянство», закреплялась «устойчивая сущность завершенного человека». Поэтому «полное бытие и сущность человека есть не состояние, а действие, деятельная сила (“энергия”»)» [Там же: 176–177].

Следовательно, смысложизненные цели являются не только мощным аттрактором, но и важным системообразующим фактором, воздействующим на развитие межличностного дискурса. В этом контексте примечательно важное уточнение психолога и физиолога П.К. Анохина, который называл системой «только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимосодействия компонентов», направленных на достижение ожидаемого результата [Анохин 1975: 35].

Если картина мира, предложенная классической наукой, рассматривала любой эволюционный процесс как полностью предсказуемый, то с позиций синергетики, человек, как и любой живой организм — это нелинейная, то есть непостоянная и неустойчивая система, направленная на самосохранение и стабилизацию внутренних параметров жизнедеятельности посредством избегания любых форм ее рассогласования. По отношению к подобным системам «устойчивость и простота будут скорее исключением, чем правилом» [Пригожин 1989: 11].

Межличностный дискурс также представляет собой открытую самоорганизующуюся коммуникативную систему, поскольку в нем могут возникать так называемые критические точки (конфликтная ситуация, спор, ссора). Так, например, в межкультурной коммуникации возможны двойственные ситуации (бифуркационные состояния в системе) при взаимном непонимании друг друга или столкновении мнений, что делает непредсказуемым дальнейшее развитие взаимоотношений. Состояние неравновесности, проявляющееся при потенциальной угрозе распада, исследователи характеризуют как бимодальное и

стремящееся быть кратковременным. Кроме того, в динамично развивающихся, открытых системах и, в частности, в межличностном дискурсе всегда существует зависимость настоящего и будущего от прошлого.

Что же касается смысложизненных (энтелехийных) представлений и усвоенных культурных сценариев поведения, то они в процессе его самоорганизации выступают в качестве источника порядка. Такова «наследственность системы» (Г.Н. Дульнев), тесно связанная с памятью.

Таким образом, дискурс как процесс представляет собой развивающееся взаимодействие интенционального (*dynamis*), собственно когнитивно-коммуникативного (*energeia*) и онтологического (*entelecheia*) планов. А дискурс как результат — продукт целостного единства бытийной, рефлексивной и духовной сторон сознания. При этом в дискурсе проявляется синергетический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве.

В результате хранящиеся в сознании ассоциации, реминисценции, высказывания и мини-рассказы мгновенно возбуждают картину прошлого-настоящего-будущего. Более того, эмоционально, интеллектуально и духовно общий мир коммуникантов остается на «ленте жизни» даже тогда, когда непосредственный контакт с адресатом невозможен. Это выражается в том, что сказанное «там и тогда» продолжает преобразовываться, переходя из одного актуализированного, промежуточного варианта в другой («бытие в возможности» — Аристотель).

Виртуальные диалогические отношения («ненамеренная диалогичность» — М.М. Бахтин) являются основанием для рассмотрения межличностного дискурса как синергетической, саморазвивающейся и смыслогенерирующей системы. Поэтому, анализируя дискурс как целостный прагмалингвистический феномен,

исследователь получает возможность выйти за пределы некой совокупности застывших высказываний и раскрыть их динамически развивающуюся сущность. Ведь дискурс не идеальная, безвременная форма, а фрагмент бытия, подверженный постоянному переосмыслению.

В поисках наиболее общих закономерностей самоорганизации межличностного дискурса, ориентированного на «достижение согласия» (А.А. Леонтьев), обратимся к гармонии как одному из фундаментальных начал человеческого бытия. Рассмотрение смены речевого субъекта в драматургических текстах под углом зрения количественного соотношения сказанного каждым из коммуникантов (в рамках одного коммуникативного события) позволяет говорить о следующей тенденции: возникающая в общении интуиция сбалансированности диалогических отношений осознается как искомая, когда это соотношение приближается к «золотой пропорции» (62 %: 38 %). [Владиминова 2010: 265–270]. Примечательно, что М. М. Бахтин, который ввел в научный обиход понятие «смена речевого субъекта», также выделял в «напряженном взаимодействии “я” и “другого”» достижение ими «гармонии (как идеала)» [Бахтин 1979: 353].

«Живое вообще трудно поддается концептуализации» [Зинченко 1995: 15]. Поэтому полипарадигмальный анализ межличностного дискурса через призму различных областей гуманитарного знания и, прежде всего, лингвистики, психологии, философии и смежных с ними наук предполагает его изучение с позиций синергетики как междисциплинарного метода научного познания сложных систем.

Литература

Анохин П.К. *Очерки по физиологии функциональных систем*. М.: Медицина, 1975.

- Аристотель. *Метафизика*. М.: Эксмо, 2008.
- Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979.
- Бахтин М.М. *Литературно-критические статьи*. М.: Художественная литература, 1986.
- Владимирова Т.Е. *Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- Зинченко В.П. *Аффект и интеллект в образовании*. М.: Тривола, 1995.
- Князева Е.Н. Холизм синергетики и недUALность восточного мышления // *Противоречие и дискурс*. М.: ИФРАН, 2005. С. 45–62.
- Пригожин И. Переоткрытие времени // *Вопросы философии*. 1989. № 8. С. 3–19.

СЕЛЬСКАЯ ЯПОНСКАЯ СЕМЬЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К.С. Воркина*, Д.А. Лаптырева**

РУДН

(Россия, Москва)

* ksenya_japan@mail.ru

** lapyrevadaria@mail.ru

В современном мире, похоже, не осталось такой сферы жизнедеятельности, которую бы не затронул процесс глобализации. Япония — не исключение. Однако, несмотря на многочисленные заимствования с Запада, внедрение современных технологий, — всё это не смогло разрушить устойчивое сознание японцев, для которых важны традиции, высокая сознательность и дисциплина, трудолюбие и бережливость. В том, что Япония смогла сохранить свою самобытность большую роль играет деревня, откуда и произрастают истоки большинства традиций.

В прошлом деревня представляла собой унитарную организацию, имевшую четко определенную территорию со своим храмом и своим местным божественным покровителем. Люди жили здесь большими семьями, в которых строго соблюдались иерархические нормы поведения, все члены семьи подчинялись главе, который в свою очередь нёс ответственность за каждого из них. В сельское сообщество входили не только те, кто занимался земледелием, но и учителя, врачи, торговцы, ремесленники. Но несмотря на такую неоднородность общества, в частности и имущественную, люди держались все вместе, межличностные отношения имели общинный характер. Во многом это было обусловлено экономической целесообразностью — прежде всего, спецификой возделывания риса. Помимо этого, нужно было заниматься обустройством поселка, строительством и многим другим, что могло быть достигнуто только при наличии совместных усилий, духа коллективизма и высокого самосознания [Маркарьян С.Б. 2004: 264–265].

Иерархические отношения и система семейного патернализма в сельском обществе мало изменилась с XIX века вплоть до Второй мировой войны, несмотря на модернизацию. Деревня сохраняла атмосферу гармонии, солидарности, дисциплинированности, что способствовало укреплению отношений между жителями. Подобных принципов придерживались и заново создаваемые различные организации — кооперативы, женские союзы, молодежные объединения, в них существовали, например, правила автоматического членства всех проживающих в данной местности или принцип принятия решений путем единогласного одобрения.

Но после проведения земельной реформы в конце 40-х годов прошлого века произошли кардинальные изменения. Важную роль в размывании прежних социальных связей сыграли быстрые темпы экономического роста и связанные с

ним процессы урбанизации и индустриализации, размещение промышленных предприятий в поселках. Всего за несколько десятилетий сельское хозяйство страны превратилось из отсталой области экономики, основанной на ручном труде, во вполне современную отрасль народного хозяйства.

Техника прочно вошла в повседневный быт крестьянских семей, существенно изменив её образ жизни. По сравнению с городской семьёй, здесь больше семей имеют легковые автомобили. Калорийность питания в крестьянских семьях даже немного выше, чем в городских, хотя по структуре отличается наличием большего количества зерновых [Маркарьян С.Б. 2004: 265]. В деревнях всё ещё существуют проблемы с водопроводом, канализацией, местами дороги оставляют желать лучшего. При этом ситуация стремительно меняется, жить в деревне становится значительно комфортнее.

Но нужно отметить, что с каждым годом сокращается число крестьянских дворов, всё больше молодых людей уезжает в город на совсем или временно на заработки. Число коммерческих домашних хозяйств за 10 лет сократилось на 32% (с 1,96 млн. до 1,33 млн) [Summary of the annual report on food, agriculture and rural areas in Japan].

Но существует и обратная тенденция, когда горожане бросают работу и привычное занятие, продают свой дом и переезжают жить в деревню. И речь идёт не только о пенсионерах, а также о молодом поколении. Во многом такому интересу способствует правительство Японии, которое всячески способствует возвращению молодежи в деревню. Правительственные гранты поддерживают будущих специалистов в области агрокультуры в период их обучения, а также молодых фермеров в то сложное время, когда они только начали осваивать свое хозяйство [Summary of the annual report on food, agriculture and rural areas in Japan].

Другой способ развития своего семейного сельского хозяйства, который все более активно применяется в

современной Японии — агротуризм. Этот путь выбирают как семьи более старшего поколения, так и молодые пары, решившие уехать из города в деревню. Желание единства с природой как один из компонентов японского национального характера в век индустриализации мотивирует все большее количество людей к агротуризму, что, в свою очередь, позволяет маленьким семейным сельским хозяйствам оставаться на плаву.

Немалую роль в продвижении агротуризма играет Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии. При его поддержке осуществляют работу онлайн-проекты *Autentic Visit Japan*, *Discover Countryside Treasures in Japan*, *Savor Japan* и *Recreation Forests*. Правительство содействует развитию регионов, которые начинают заниматься сельским туризмом (к 2020 году планируется охватить 500 районов) [Summary of the annual report on food, agriculture and rural areas in Japan].

Для привлечения посетителей и покупателей сельскохозяйственной продукции современные крестьяне активно используют технологии онлайн-продвижения. Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла Японии отмечает, что объем электронных транзакций в сфере торговли продуктами питания и напитками увеличился на 10,5 % с 2014 по 2015 год и прогнозирует его дальнейший рост.

Еще один аспект, требующий освещения при описании современной японской сельской семьи, — изменения в восприятии роли женщины. Хотя традиционно число женщин, занятых в сельском хозяйстве, превышало число мужчин (на 2014 год число женщин-фермеров составляло 1,14 миллиона человек, а мужчин — 1,12 миллиона человек [Midori Ijima 2015], все основные позиции занимали мужчины, в то время как женщина воспринималась лишь как жена мужчины-фермера и хранительница дома. Однако в настоящее время Министерство сельского хозяйства, лесных

угодий и рыбного промысла предпринимает ряд мер по привлечению женщин в сельское хозяйство. Согласно проведенным исследованиям, эффективность сельских хозяйств, в которых задействованы женщины, выше тех, где задействованы только мужчины [Summary of the annual report on food, agriculture and rural areas in Japan].

Существует мнение, что женщины намного активнее мужчин используют инновационные технологии в производстве и продвижении продукции в сфере агрокультуры [Suvendrini Kakuchi 2017].

Подводя итоги, можно сказать, что традиционная сельская семья под влиянием быстро развивающегося мира претерпевает заметные изменения. В век технологий и индустриализации традиции, оплотом которых и является деревенская семья, постепенно сходят на нет. Чтобы окончательно не исчезнуть с лица земли, крестьянские хозяйства вынуждены приспосабливаться к современным условиям, внедряя новые технологии и изыскивая другие пути развития. Большую поддержку в этом им оказывает Правительство Японии, которое применяет различные меры для популяризации сельского образа мысли в среде молодежи. Опыт Японии по сохранению деревни и традиционной сельской семьи в частности может стать полезным подспорьем для стран, переживающих те же проблемы, в том числе и для России.

Литература

Маркарьян С.Б. Россия и Япония: диалог культур и народов/Маркарьян // *Материалы международного симпозиума (Москва, 10–11 сентября 2003 года)*. М.: Наталис, 2004. С. 352.

Midori Ijima. *Global Agricultural Information Network // Japanese Women in Agriculture. Overview*. Feb. 26, 2015. URL: https://gain.fas.usda.gov/Recent%20GAIN%20Publications/Japanese%20Women%20in%20Agriculture%20-%20Overview_Tokyo_Japan_2-26-2015.pdf (дата обращения 01.11.2017).

Summary of the annual report on food, agriculture and rural areas in Japan. Ministry of agriculture, forestry and fisheries. May, 2017. —URL: <http://www.maff.go.jp/e/data/publish/attach/pdf/index-58.pdf> (дата обращения 01.11.2017).

Suvendrini Kakuchi. *Agricultural Leans on Japanese Women*. October 11, 2017. URL: <http://www.ipsnews.net/2013/06/agriculture-leans-on-japanese-women/> (дата обращения 01.11.2017).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В.В. Воробьев^{*}, Ф.Г. Фаткуллина^{}, Р.Х. Хайруллина^{***}**

^{*} РУДН
(Россия, Москва)
ryss_yur_rudn@mail.ru

^{**} БашГУ
(Россия, Уфа)
fluzarus@rambler.ru

^{***} БГПУ им. М. Акмуллы
(Россия, Уфа)
rajhan@mail.ru

Современная эпоха знаменуется активным межъязыковым взаимодействием в силу межкультурной коммуникации в различных сферах жизни общества.

Изучение языка человека как универсального феномена и национальных языков как систем национального языкового миропонимания, би- и полилингвальной языковой личности сегодня тесно связано с формированием у носителей разных языков толерантности, с пониманием равноценности родного и «чужих» языков в жизни мирового социума. Национальное мировидение находит выражение «прежде всего в специфике языкового (вербального) членения и выражения окружающей действительности» [Хайруллина 2012], что

никак не умаляет культурной ценности отдельно взятого языка.

В российском языкознании изучение проблемы билингвальной языковой личности тесно связано с прикладными целями — они рассматриваются в «рамках методики преподавания русского языка как средства межнационального общения, русского языка как иностранного» [Фаткуллина 2011: 704]. Выявление лингвокогнитивного механизма межъязыкового взаимодействия способствует разработке инновационных технологий обучения языкам, созданию компьютерных программ для самостоятельного усвоения изучаемых языков, а также для предотвращения интерферентных ошибок в процессе общения.

Как известно, одной из существенных форм взаимодействия языка и культуры в обществе является личность (языковая личность), выступающая как фокус порождения, восприятия и оценки культурных ценностей, выражаемых в языке. Личность как социально-этическая категория, выражающая духовность, представляет собой обобщение характерных черт индивидуумов определенного национального социума. Национальная языковая личность — это не только определенный культурно-психологический, социальный и языковой феномен, но и весь его материально-культурный «контекст» в его лингвокультурологическом понимании. «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные», — писал русский философ Н.А. Бердяев [Бердяев 1990: 96], отмечая характерные особенности национальной личности. Понять национальную личность, дать ей теоретически развернутое определение в ее единстве, необходимости и противоречивости — это значит выразить сущность, закономерность этого феномена в логически стройной системе понятий языка и культуры. Достичь этой цели

возможно лишь в том случае, если найдена сама основа предмета познания, развертывание которой и есть не что иное, как сама национальная личность. Такой основой, обуславливающей существование личности в ее национальной определенности, являются общество и народ.

В свете культурологического подхода можно утверждать, что личность — это не только внешний признак общества, но и внутренне присущий ему необходимый атрибут, благодаря которому человеческое общество обретает принципиально новую, качественно высшую форму своего существования и специфики. «Национальная принадлежность — это реальная, структурно богатая и сложная связь личности с обществом, включающая в себя социально-экономический, территориально-бытовой, общественно-политический, языковой, духовный и социально-психологический аспекты» [Воробьев 2014: 10].

Национальное своеобразие личности состоит, прежде всего, в неповторимом сочетании общих для всех наций и народов элементов, в комбинации системы отношений и ценностей. Национальное в личности индивидуально и уникально, но именно в своей конкретности оно необходимо содержит в себе и выражает в той или иной форме интернациональное, общечеловеческое. Другими словами, культура — национальная и общечеловеческая, мировая — обязательный контекст коммуникативных процессов в поликультурном обществе. Поэтому при исследовании национальной индивидуальности недопустимы как недооценка, так и особенно переоценка специфических, только ей присущих особенностей, как, впрочем, и общих, универсальных ее признаков. Самобытность национальной личности состоит и в ее самовыражении в национальной языковой картине мира [Фаткуллина 1999]. В многонациональной среде человек целенаправленно или спонтанно приобщается к чужим языкам и культурам, испытывает влияние «чужой» системы миропонимания.

Вследствие этого «в течение многих веков картины мира разных народов и эпох накладывались друг на друга, ассимилировались, окрашивались этнокультурным миропониманием», что не могло не сказаться как на структуре, так и содержании целостной языковой картины мира билингва [Хайруллина 2012: 56]. У каждого представителя этноса в языковом сознании формируются свои образы мира, которые обусловлены материальным окружением народа, его менталитетом и психологией. Г.Д. Гачев в своих работах о национальных образах мира пишет, что «в стыке языков выражается наиболее остро столкновение образов жизни и материальных и духовных культур — но столкновение, происходящее не просто в жизни, но на уровне сознания, осмысления жизни» [Гачев 1988: 36]. Осмысление реалий мира в контексте собственного бытия, образа жизни сопровождается и «переживанием» (по Ю.С. Степанову) определенных понятий, которые становятся в картине мира народа ключевыми. Универсальные образы мира находят отражение во всех национальных языковых картинах мира, а национально специфические образы, обусловленные культурно-историческим развитием народа, не всегда понятны представителям других культур. В этом случае происходит либо неверная интерпретация этих образов в рамках родной картины мира, либо подмена их образами мира своего народа. Картина мира как совокупность объектов действительности, из которых можно извлечь информацию о реалиях мира, является базовым понятием как философии, так и частных наук, включая языкознание. Однако в языковой картине мира закреплены знания человека о мире, полученные им в течение всего развития человечества [Fatkulina et al. 2015]. Это и наивные (ненаучные), и научно-популярные знания, и даже результат человеческого воображения, фантазий, переживаний и оценки. Философская (методологическая) картина мира

базируется на концептуальной картине мира, которая представляет собой совокупность жизненно важных для человека концептов. Содержание этих концептов в большей части свободно от человеческих переживаний. В этом и заключается методологический характер исследований универсального и национального в языках.

Наблюдая за процессами этноязыкового развития в мире, исследователи отмечают активную тенденцию формирования билингвальной языковой личности и нового типа языковой личности — полилингвальной личности, что отражает особенности межъязыковых контактов в силу разных социокультурных, политических и экономических факторов. Явление массового дву- и многоязычия стали нормой коммуникативного пространства в современном обществе. Владея родным языком и опираясь на данные своей языковой картины мира, индивид на начальном этапе в процессе усвоения другого (чужого для него) языка автоматически использует свою систему миропонимания. А позже в случае свободного овладения языком начинает воспринимать чужой язык не только как средство общения, но и систему мировидения и хранилища культуры народа.

Ориентация национальных государств на равноценное функционирование русского, родного и иностранного, родного и иностранных языков определяет формирование полилингвальной языковой личности, которая владеет разными языками на разном уровне — от элементарного до свободного владения ими. На современном этапе изучения би- и полилингвизма в науке большой интерес вызывает исследование особенностей взаимодействия языков как коммуникативных систем билингва в контексте разных национальных языковых картин мира. Современное языкознание ориентируется на человека как *homo loquens* и *homo lingualis*, что способствует активизированию исследований человеческого фактора в языке и языковой картине мира в целом. Описание тела и души человека, его

мыслей и эмоций, вкуса и предпочтений и многого другого в области жизнедеятельности, процесса познания мира и его осмысления народом посредством языка позволяет выявить не только образ человека глазами его носителей, но и особенности их мировосприятия. А это носит явный отпечаток идиоэтнического понимания бытия и самого человека.

Сегодня «человек говорящий» характеризуется речевыми особенностями, характерными, с одной стороны, для мирового многонационального сообщества, с другой стороны, для конкретного государства. По мнению ученых, происходит наложение языковых картин мира родного и русского языков, что вызывает определенные процессы в языковом сознании билингвов. «Поиск новых путей исследования, — пишет Н.В. Уфимцева, — привел к формированию представлений о межкультурной онтологии анализа этнических сознаний, когда образы сознания одной этнической культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой культуры» [Уфимцева 2003]. Национальное языковое сознание — это социально значимые и ментально структурированные результаты восприятия, осмысления и оценки бытия материи (включая самого человека), полученные в ходе культурно-исторического развития народа и выраженные в виде графической или вокативно-акустической системы информативных знаков. Начиная с закрепления опыта познания в значении (семантике) отдельного слова и заканчивая сложными формами символизации концептов в лексике, афористике, художественной литературе и духовной культуре в целом, в языке (языковой картине мира) кодируется преобразованная человеческим сознанием информация о мире и самом человеке.

В исследовании механизма «пересечения» лингвоментального пространства билингва, представленного

совокупностью двух или более систем миропонимания, на первый план уже выходят не проблемы выявления интерференции или транспозиции, интеркаляции и межъязыковых заимствований, а проблемы наложения разных национальных языковых картин мира в процессе речемыслительной деятельности би- или полилингвальной языковой личности. Как показывает исследование дискурса таких языковых личностей, в процессе наложения национальных картин мира происходит переход с одного языкового (и соответственно культурного) кода на другой, с одной семиотической системы на другую [Фаткуллина 1999]. В случае свободного владения языками коммуникант не испытывает трудностей в таком переходе, поскольку его речемыслительная деятельность характеризуется автоматизмом. Формируется так называемый естественный билингвизм, который наблюдается в среде межъязыковых контактов в поликультурной среде (например, русско-национальное двуязычие в России). При изучении чужого (иностранного) языка автоматизм воспроизведения отсутствует и может наблюдаться влияние родного языка в форме калькирования моделей высказывания. Носитель русского языка, недостаточно владеющий иностранным, например, английским языком, переводит фразу *придать новый смысл чему-либо* на английский язык дословно: *To give a new sense to something*, тогда как по-английски она звучит — *To read a new meaning into something*.

Наряду с естественным билингвизмом и специальным изучением иностранных языков как языков межкультурной коммуникации, существует еще один интересный феномен взаимодействия языков и наложения национальных языковых картин мира в результате ассимиляции языковой личности с той или иной лингвокультурной средой. Это часто приводит к потере собственной идентичности с родной культурой и обществом. В результате смешения языковых систем и культурных кодов в коммуникации у такой

языковой личности появляется неуверенность в построении высказываний, выборе правильных грамматических форм, подборе уместных для данных речевых ситуаций слов на исконно родном языке («Как это будет по-русски?»). Возникает интеркаляция или невольная автоматическая замена русского слова английским.

Например: *Я нашла себе румейтку* (англ. *roommate* — соседка для совместного проживания в съемной комнате). *Пришлось расплатиться кэшем* (*cash* — наличные деньги). *Придется взять брейк* (*break* — перерыв в обучении). Причем, грамматическое оформление английских слов в речи происходит по нормам русского языка. Таким образом, у билингва происходит имплицитное или эксплицитное совмещение элементов языковых систем и культурных кодов.

Однако данное явление может выступать не только результатом смешения языков ввиду автоматического перехода на другой языковой код при активной коммуникации на иностранном языке, но и способом самовыражения билингвальной языковой личности, одинаково свободно владеющей разными языками. Особенно часто это наблюдается в непринужденной разговорной речи на русском языке представителей национальной культуры, например, башкирской. В социальных сетях наблюдается нарочитое вкрапление слов родного языка в русский контекст для придания ему этнической выразительности и выражения этнической принадлежности говорящего. Например: *Напиши об этом пьесу! Самый шулай будет!* (*шулай* — башк. так, то самое; равноценно: самое то будет!). *Башлык сам посетил это мероприятие (башлык — башк. глава). А сегодня ведь праздник единения! Берите своих друзей и айда инде единяться!* (*инде* — башк. частица уже).

Изучение дискурса билингвов представляет не только научный интерес, но и имеет важное значение для исследования этнокультурных процессов в обществе в

целом, так как «несомненно, дает возможность выявить ценностно-смысловое пространство языка, особенности речевого поведения человека, а также менталитет не только отдельной социальной группы носителей языка, но и народа в целом», [Хайруллина 2012: 115].

Еще один важный аспект изучения наложения разных языковых картин мира — это исследование художественного билингвизма. Создание художественного текста билингвом на другом, нежели родной, языке характеризуется сохранением национальной системы художественных образов, форм языковой выразительности [Зекох 2010]. О художественном билингвизме можно говорить, изучая творчество В. Набокова (произведения на английском языке), С. Моэма, О. Уайльда (произведения на французском языке), творчество национальных писателей России, пишущих произведения на русском языке.

Таким образом, можно утверждать, что формирование билингвальной и полилингвальной языковой личности отражает современные процессы развития языков. Факторы, влияющие на изменения содержания и структуры языкового сознания, носят, прежде всего, объективный характер: если образ мысли народа тесно связан с его образом жизни, то однозначно можно сказать, что научно-технический прогресс, развитие миграционных процессов, культурное взаимодействие народов в разных областях, формирование глобального информационного пространства и т.д., с одной стороны, унифицирует образ жизни народов и соответственно языковые картины мира, а с другой, способствует усвоению языкового мировидения других народов в процессе межкультурной коммуникации.

Но контролируемость или автоматизм речевых процессов обуславливаются не только знанием языка и его осознанным употреблением субъектом, но и разными социокультурными процессами в обществе, личностными приоритетами языковой личности, самим

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫМ МЕХАНИЗМОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР.

Литература

Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990.

Воробьев В.В. Сопоставительные и прикладные аспекты лингвокультурологии // Воробьев В.В., Саяхова Л.Г., Хайруллина Р.Х. *Сопоставительная лингвокультурология: теория и принципы анализа языковых единиц*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014.

Воробьев В.В., Сулейманова А.К., Фаткуллина Ф.Г., Хайруллина Р.Х. *Отражение национальной языковой картины мира в реалиях Башкортостана*. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014, 208 с.

Гачев Г.Д. (1988) *Национальные образы мира. Общие вопросы*. М.: Советский писатель, 1988.

Зекох З.З. Проблема билингвальной основы художественного текста // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология, искусствоведение*. 2010. № 4.

Уфимцева Н.В. Предисловие // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2003. Изд. 2-е. 256 с.

Фаткуллина Ф.Г. Отражение этнического характера и культуры в концептосфере разноструктурных языков // *Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе*. М.: Высшая школа перевода, 2011.

Фаткуллина Ф.Г. *Деструктивная лексика в современном русском языке: монография*. Уфа: ИПК при Администрации Президента Республики Башкортостан, 1999.

Хайруллина Р.Х. *Лингвофилософия: особенности национального языкового сознания*. Уфа: изд. БГПУ. 2012.

Fatkullina F., Morozkina E., Suleimanova A. Modern higher education: problems and perspectives // *Procedia — Social and Behavioral Sciences* 2015, pp. 571–577.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИИ

С.Д. Галиуллина

УГНТУ

(Россия, Уфа)

galiullina.s@ugues.ru

Для русской национальной картины мира сострадание, попечение, помощь, поддержка являются одними из характерных черт русского характера. В связи с этим организация попечительства и различных форм медико-социальной помощи лицам, имеющим те или иные ограничения, основывается на национальной специфике жизни русской общности [Карабулатова и др. 2015]. Некоторые авторы прямо указывают, что использование элементов социального взаимодействия в русской общине для медико-социальной реабилитации различных категорий лиц успешно влияет на качество жизни опекаемых, позволяя им активно участвовать в общественной жизни, чувствуя себя необходимыми членами общества [Ким и др. 2015]. Организация такого попечительства обеспечивает сохранность коммуникативных способностей и профилактирует социальные девиации, в том числе и языковые [Ларина 2009; Письменная и др. 2015]. Кроме того, сам феномен попечительства способствует передаче социального поведения как в русской, так и в иностранных лингвокультурных традициях [Ларина 2009].

В эпоху петровских реформ, наряду с безвозмездной благотворительной деятельностью, возникшей на Руси с принятием христианства и существовавшей вначале в форме милостыни, появляется форма попечительства в виде церковно-монастырской поддержки и приходской системы защиты нуждающихся. На духовенство было возложено попечение и надзор над общественным призреванием (Указ

7 ноября 1775 года), который разрешался только Высочайшей властью. Так начинает оформляться государственная организационная форма попечительства и частной благотворительности. На рубеже XVII–XVIII вв. были заложены основы государственного и общественного призрения.

Этимологический анализ слов «попечительство», «попечение», «попечитель» указывает на тот факт, что они имеют один и тот же старославянский корень *-пек-* / *-печ(а)-* (в общеславянском языке означал «забота») и восходят к заимствованному из польского языка в XVI в. «опека», которое буквально означало «управление» и являлось словообразовательной калькой латинского слова *procuratio* «опека, управление». В древнерусском языке было много заимствований с корнем «печа», «печаль» в следующих значениях: 1) забота «печальми житиискими» (Остромирово евангелие); 2) грусть, скорбь [Фасмер Т. III, 1987: 254]; «печальник» — попечитель, заступник, покровитель (о земле великой печальник) [Срезневский Т. II, 1902: 1190]. Отметим, что эти слова были многозначными, например, прилагательные «опечаленный» и «печальный» означали тревожный, беспокойный, заботливый (ср.: «О том царю за весь мир печися» слово «печися» имеет значение «заботиться», «радети», «беречи», «делать с сердцем»). В последующем слово «печися» трансформируется в новую форму «печься» и расширяет своё толкование. Теперь оно означает хлопоты и участие, беспокойное попечение, радушное беспокойство о ком или о чём-либо. Именно от слова «печися» образуется «попечение» [Дьяченко 1993: 456], имеющее в современном русском языке синонимы — забота, курация, опека, покровительство, попечительство; призор, призрение, присмотр, радение, рачение (архаизмы).

В дореволюционной научно-справочной литературе понятия «опека» и «попечительство» рассматриваются как тождественные. Это выборная должность, так как

попечители назначались и обязательно утверждались властями.

В последующем понятие «попечительство» расширило своё лексическое значение. От заботы о судьбе конкретного лица к попечению о целых отраслях жизни общества. В «Словаре церковнославянского и русского языка» впервые даётся определение понятия в сфере образования. Оно рассматривается как государственная функция в отношении образовательной сферы («попечение правительства о народном образовании») и трактуется как забота о ком или о чём-либо [СЦРЯ Т.3, 1847: 382, 383]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксировано понятие «государственное попечительство», которое трактуется как «место, должность, званье, округ попечителя, весь состав этого управленья» [ТСД Т.3, 1882: 307].

Очевидно, что до 1917 года «попечительство» означало государственную службу и подразумевало правовую защиту опекаемых, а «попечитель» — назначаемое на эту службу лицо.

В современном обществе «попечительство» трактуется с разных научных точек зрения: в юриспруденции это одна из правовых форм защиты личных и имущественных прав и интересов граждан (slovar.cc/pravo; дата обращения 10.10.2017); в экономике — одна из правовых форм защиты личных и имущественных прав и интересов граждан; в педагогике — форма защиты прав, интересов, содержания, воспитания и образования несовершеннолетних (slovar.cc/enc/ped; дата обращения 10.10.2017); в социологии — работа, связанная с поддержкой людей, которые из-за физической немощи, хронической болезни или других форм неспособности не могут вести самостоятельный образ жизни (diclist.ru/slovar/sociologicheskiy; дата обращения 10.10.2017).

Наше исследование было бы неполным без современных словарных толкований слова-концепта «попечительство» и однокоренных ему лексем «попечитель»,

«попечение», так как именно словарные дефиниции в совокупности с историографическим описанием составляют ядро данного социокультурного феномена. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «попечительство» — это либо форма защиты личных и имущественных прав и интересов несовершеннолетних и некоторых других категорий граждан, либо в царской России учреждение для попечения о ком / или чём-нибудь. «Попечение» — покровительство (т.е. защита, заступничество, оказываемое кому-нибудь), забота. А слово «попечитель» имеет два значения: 1) официально назначаемое лицо для попечения о ком-либо; 2) звание руководителя некоторых учреждений, а также лицо, имеющее это звание для попечения — попечитель учебного округа (устар.) [СОШ Т.4, 1992: 627]. В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова «попечительство» трактуется как: 1) система мероприятий для содействия несовершеннолетним и физически беспомощным взрослым в защите их законных прав и интересов; 2) в России до 1917 года: благотворительное учреждение для оказания помощи кому-нибудь; 3) должность попечителя. «Попечение» — это забота, оказание помощи, связанной с ответственностью за кого / что-либо [БТСРЯ 2000: 921].

Выделим семы, составляющие лингвокультурологическое ядро слова-концепта «попечительство»: 1) забота (помощь); 2) защита; 3) закон; 4) государственная деятельность; 5) право; 6) деятельность; 7) государственная служба (должность); 8) социальный институт; 9) система; 10) повинность; 11) благотворительное учреждение.

Отсюда попечительство как социальный институт представляет собой систему (форму) организации общественной или государственной деятельности, регламентируемую законодательными актами и

направленную на осуществление правовой защиты малоимущих слоёв населения.

Россия часто подвергалась социальным трансформациям. И сегодня общество испытывает серьёзные кризисные изменения, что приводит к нарушению привычного жизненного уклада людей, усиливает их личную неустроенность. В условиях трансформационных процессов благотворительность и попечительство сглаживают социальные противоречия, способствуют повышению устойчивости социального порядка.

Литература

БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Дьяченко Г. *Полный церковнославянский словарь*. М.: Изд. отдел моск. патр., 1993.

Карабулатова И.С., Ким Л.И., Галиуллина С.Д., Азнабаева Г.Х., Ираева Н.Г., Коннова О.А. Особенности интеграционных инклюзий в социально-психолого-медицинской реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья в контексте работы обществ национальной культуры // *Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки*. Москва: Уфа: Ростов-на-Дону, 2015. Т.3 С. 158–162.

Карабулатова И. С., Камал Набилъ Ибрагим, Ал-Саати Ахмед Абдулрахман, Ахметова Б.З., Ал-Мулла Махмуд Ахмед, Карабулатова А.С., Галиуллина С.Д., Эбзеева Ю. Н., Дубинина Н.В., Ким Л.И., Ракишева Г.М., Сейдина М.З., Котик К.Н., Коберси Искандар Сулейман. *Современная транскультура в эпоху глобализации: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия*. М.: Манама: Уфа: Кокшетау: Ростов-на-Дону: Бейрут: Изд-во УГНТУ, 2017. 256 с.

Ким Л.И., Карабулатова И.С. Интеграционные инклюзии социально-медико-психологической реабилитации лиц с ограниченными возможностями через общества национальной культуры // *Миграционные мосты в Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции «Роль*

трудо­вой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва — Ставрополь, 13-18 октября 2015 года) / Под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. М.: изд-во «Экон-Информ», 2015. С.213–220.

Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений*. В 5 т. Т.4. М.: Азъ, 1992. 928 с.

Срезневский И.И. *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т.II СПб.: Тип-я имп. акад. наук. 1902.

СЦРЯ — *Словарь церковнославянского и русского языка*. СПб.: Тип-я. имп. акад. наук, Т.III, 1847.

ТСД — Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Т. 3. СПб.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Т.3 (Муза-Сят) Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1987.

МОДЕЛЬ РАБОТЫ С ОРИГИНАЛЬНЫМ ТЕКСТОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Л.Н. Гишкаева^{*}, И.Ю. Капичникова^{}**

^{*} РУДН
(Россия, Москва)
adv88-02@mail.ru

^{**} ИГУ
(Россия, Иркутск)
innakar@yandex.ru

Для того чтобы добиться высокой эффективности работы с оригинальным текстом, являющимся краеугольным

камнем в процессе обучения речевой деятельности студентов, изучающих иностранный язык, необходимо организовать эффективную систему работы с текстом и его составными частями (предложение, сверхфразовое единство, субтекст).

В центре предлагаемой нами модели работы с текстом находится письменный текст оригинала, вокруг которого выстраивается процесс обучения устному иноязычному общению.

В отношении формы предлагаемая модель представляет собой систему упражнений и аутентичных заданий, направленную на то, чтобы студент смог построить устное высказывание по проблеме, выражаемой в форме беседы, круглого стола, дискуссии, дебатов, презентации, проекта.

Под оригинальными (аутентичными) мы понимаем задания, «соответствующие реальным коммуникативным задачам, которые могут встречаться в жизни носителей языка, <...> придающие более мотивированный, естественный характер работе с текстом» [Азимов, Щукин 2009:25].

Таким образом, работа над текстом строится по традиционному принципу через прочтение текста и выполнение к нему заданий на всех этапах работы, но в процесс обучения привносится новое психологическое содержание, и, соответственно, процесс обучения общению становится более комфортным для студента.

Итак, рассмотрим этапы работы с текстом. Отбор материала был сделан на основе нескольких критериев. Во-первых, мы ориентировались на актуальность для данного возраста проблемы, поднятой в тексте, так как отправной точкой в процессе обучения является проблема, вынесенная на обсуждение “*Euthanasia*”. Проблема эвтаназии, поднятая в предлагаемом нами тексте, носит социальный и морально-этический характер, а также характеризуется

диалогичностью своей природы, способностью побудить студентов высказать свою позицию, что обернется в конечном итоге вовлеченностью всех студентов в дискуссию. По мнению психологов и социологов, у молодых людей в возрасте 18-20 лет активно развиваются нравственные и эстетические чувства. Кроме того, текст представляет интерес с точки зрения своей оригинальности, актуальности и новизны информации.

I. Предтекстовый этап

Работу над текстом можно начать с предъявления названия текста и предложить задания, нацеленные на прогнозирование его содержания и проблематики:

1. Задания на предъявление текста:

2. Задания, нацеленные на прогнозирование содержания и проблематики текста:

На данном этапе развивается и совершенствуется умение студентов активизировать фоновые знания по данной проблеме, выражать свое мнение, предугадать тему и содержание текста, опираясь на заголовок текста, рисунки, выделенные слова. Так как мы имеем дело с оригинальным материалом, содержащим новые лексические единицы, а также единицы, представляющих сложности с произношением, для того, чтобы снять языковые трудности, целесообразно включить в модель работы над текстом упражнения на тренировку фонетики ряда слов, а также проработать незнакомые слова:

3. Задания, направленные на тренировку фонетического звучания лексических единиц.

На предтекстовом этапе в целях предварительной отработки новой лексики оправдывает себя использование приема заполнения пропусков. Основой приема является методика дополнения или восстановления недостающих языковых элементов:

4. Задания, направленные на предварительное прорабатывание новой лексики.

Использование на предтекстовом этапе приема заполнения пропусков развивает умение дифференцировать и узнавать в тексте языковые единицы по семантическому признаку, их запоминанию и применению в новых коммуникативных условиях.

II. Текстовый этап

Текстовый этап представляет из себя чтение текста, после которого студентам предлагается выполнить ряд заданий и упражнений, направленных на то, чтобы проработать новые лексические единицы, расширить словарный запас, расширить лексико-грамматические знания. Этот этап включает в себя смысловое чтение, а также упражнения, направленные на извлечение основной и второстепенной информации из текста посредством нахождения информации, отражающей смысл текста, лексико-тематическую основу объединения смысловых отрезков в единое целое.

После прочтения текста студентам можно предложить задания, которые развивают догадку и прогнозирование, тренируют интуитивное понимание незнакомой лексики. Такие задания способствуют тому, что новые конструкции запоминаются непроизвольно:

1. Упражнения на развитие механизма прогнозирования, подстановку, перефразирование.

Для дальнейшей проработки лексики целесообразно предложить задание на перевод предложений с английского на русский язык. Предложения выбираются, исходя из принципа наличия в них лексических структур, при переводе которых задействуются умственные усилия и творческий подход.

Целесообразность данного упражнения в том, что оно еще раз возвращает обучаемого к новой лексике и помогает закрепить её. Кроме того, в процессе работы над данным упражнением студент старается подобрать наиболее

адекватный эквивалент перевода предложенной фразы, то есть тренирует приемы техники перевода:

2. Упражнения, направленные на выделение смысловых опор в тексте.

3. Упражнения на общее восприятие текста.

4. Упражнения на объединение отдельных фактов текста в смысловое целое.

5. Упражнения на выявление авторского отношения и оценки проблемы.

III. Послетекстовой этап

Переходя к послетекстовому этапу работы над текстом, необходимо иметь в виду тот факт, что для эффективного процесса работы над текстом и новыми лексическими единицами необходимо, чтобы студенты понимали фактическое содержание предлагаемого текста. Поэтому принципиально важным в этом аспекте является отход от заданий и вопросов, предполагающих в качестве ответов простое воспроизведение контекста.

Задаваемые на послетекстовом этапе вопросы должны напрямую затрагивать проблемную ситуацию, представленную в тексте. Вопрос должен быть сформулирован таким образом, чтобы вызвать обсуждение с опорой на текст, то есть первоисточник. Ответ будет не простой трансляцией фактов прочитанного текста, а уже самостоятельным рассуждением с опорой на факты текста. Кроме того, вопросы послетекстового этапа должны спровоцировать студента вторично прочитать текст в поисках нужных языковых средств. Таким образом, при ответе на поставленные вопросы студент будет прибегать к употреблению аутентичного вокабуляра.

С нашей точки зрения видятся целесообразными следующие задания, направленные на контроль понимания материала:

1. Задания, направленные на контроль прочитанного материала:

2. Упражнения, направленные на умение развивать монолог.

В процессе обучения студентов строить монологические высказывания важно научить студента умению выразить свое мнение и дать оценочное суждение. Для тренировки такого умения можно предложить следующие задания:

3. Упражнения на умение интерпретации текста.

Этап послетекстовой работы непосредственно подготавливает обучаемых к общению в виде дискуссии, в которой предложенный текст является основой дискуссии и источником проблемы, выдвинутой на обсуждение. Дискуссия как форма обучения находит одобрение у многих методистов (Е.И. Пассов, Е.Н. Соловова, И.А. Цатурова и др.).

В процессе работы на послетекстовом этапе студенты учатся обсуждать проблемные, вызывающие споры ситуации. Коммуникативные задачи способствуют обмену мнениями, которые могут быть диаметрально противоположны друг другу, поскольку проблемную ситуацию каждый из обучаемых видит по-разному и пропускает через свой субъектный опыт и систему ценностей. Проблемная ситуация также способствует тому, что студенты находятся на эмоциональном подъеме, а это является безусловным стимулом к творческой работе с материалом. А вкуче с тем фактом, что работа проводится в условиях межличностного взаимодействия, максимально активизируются психологические резервы личности, а значит, активизируется речевое поведение обучаемых.

Таким образом, письменный оригинальный текст представляется важнейшим источником информации о естественной языковой среде, а при правильно организованной системе работы — базой для обучения студентов всем видам речевой деятельности.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Новый словарь методических терминов и понятий*. М.: Икар, 2009. 448 с.

Носонович Е. В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам // *ИЯШ*. 2000. № 1. С.11–16.

Пассов Е.И. *Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению*. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

Соловова Е.Н. Подготовка учителя иностранного языка с учетом современных тенденций обновления содержания образования. // *ИЯШ*. 2001. №4. С. 8–11.

Цатурова, И.А., Балуйн С. Р. *Тестирование устной коммуникации: учебно-методическое пос.* М.: Высш. шк., 2004. 127 с.

Gishkaeva L., Mitrofanova I. Authentic Materials in the Process of Teaching Spoken Communication in Foreign Language to Students of Universities of Foreign Languages. // *Language, Individual & Society Journal of International Scientific Publications*. 2014. Volume 8. URL: <https://www.scientific-publications.net/en/article/1000351/> (дата обращения: 01.11.2017).

Mitrofanova I., Gishkaeva L. Individual and Communication // *Language, Individual & Society Journal of International Scientific Publications, Language, Individual & Society*. 2015. Volume 9. URL: <https://www.scientific-publications.net/en/article/1000841/> (дата обращения: 01.11.2017).

ИРОНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

А.А. Горностаева

МГЛУ

(Россия, Москва)

anngormostaeva@yandex.ru

Использование иронии в политическом дискурсе — давняя традиция, берущая начало еще в древности. Ораторы со времен Цицерона умели манипулировать общественным

мнением, используя иронию в своей риторике. С течением времени политические дебаты видоизменились, а традиция иронизировать окрепла и развилась.

Следует отметить, что речевые портреты современных политиков формировались под влиянием культурно-исторической обстановки и требований, предъявляемых аудиторией. Они в корне отличаются от манеры политического дискурса прошлого века. Отмечается, что переворот в стиле общения политика с аудиторией совершили американские президенты Джон Ф. Кеннеди, Рональд Рейган, Билл Клинтон. Их манера политического выступления отличалась непринужденностью, позицией равенства с аудиторией, а лексико-прагматические характеристики их выступлений максимально приблизились к разговорной общепотребительной речи, утратив стилевую принадлежность политического выступления к профессиональному сленгу [Young 2007]. В настоящее время эта тенденция развивается, можно наблюдать ее новые проявления.

Речевые стили политиков индивидуальны, и каждый из них обладает определенными особенностями. Тем не менее необходимо отметить, что русский, английский и американский политический дискурсы отличаются определенными характеристиками, свойственными той или иной лингвокультуре. Это объясняется уникальным, присущим каждой культуре стилем коммуникации, который исследователи называют коммуникативным этностилем [Larina 2015].

Умелый оратор искусно вплетает иронию в официальную речь. В политическом дискурсе, где так много абстрактных «слов-амеб» [Кара-Мурза 2012], рассеивающих внимание аудитории, сложно долгое время удерживать интерес публики. При помощи иронии можно переключить внимание адресата, акцентировать определенные моменты своего выступления, разрядить напряженную обстановку или

наоборот создать напряженность. В диалоге с оппонентами ирония может являться вежливым способом сказать грубость и реализуется за счет подразумеваемого противоречия: «irony is triggered by inferred contradiction» [Alba-Juez 2014: 145].

В политическом дискурсе ирония соседствует со смежными явлениями — юмором, шуткой, сарказмом. Американские исследователи отмечают возрастание роли черного юмора в период нестабильности в обществе, роста тревожности и нервозности [Blank 2013]. Современное общество переживает как раз такой период: мы можем наблюдать, как трагические события провоцируют нервный смех и мрачный юмор. Распространению этого «фольклора» способствует Интернет, публикующий шутки на все темы: дозволенные и недозволенные, иногда выходящие за рамки пристойности и корректности.

Иронический эффект часто реализуется за счет использования лексики сниженного регистра, проникающей во многие области жизни и речевые жанры. Обсценная лексика часто занимает значимое место в речевых портретах современных политиков, причем в российских СМИ наблюдается та же тенденция к использованию пейоративной лексики, что и в англо-американских программах. В течение последних десятилетий отмечается широкое употребление единиц общеупотребительной, просторечной и жаргонной лексики, а также инвективов. Тем не менее необходимо отметить культурно вариативную уместность сквернословия, поскольку «сфера употребления ненормативной лексики, где она воспринимается как допустимая, в английской коммуникации шире, чем в русской» [Ларина 2013: 326-327].

В качестве одного из эффективных средств воздействия на адресата говорящий может использовать маску, то есть играть определенную роль. Использование иронических масок может весьма положительно отразиться на образе

политика и его успехе как оратора. Наиболее часто используемые ораторами маски грубияна, хвастуна, простака, жадного человека.

Задача данной работы — определение места иронии в речевых портретах конкретных политиков.

Для того чтобы оценить место иронии в речевом портрете того или иного политика, необходимо ответить на несколько вопросов. Является ли употребляемая ирония экспромтом или подготовлена заранее? Сознательно ли говорящий прибегает к иронии или это ненамеренная ирония? Какую функцию выполняет ирония? Какими механизмами и языковыми средствами пользуется говорящий для выражения иронии? Каков эффект иронического высказывания?

Для анализа были выбраны широко известные ораторы современности — представители российской, американской и британской политики В.В. Путин, А.А. Навальный, Д. Кэмерон, Т. Мей, Б. Обама, Д. Трамп и др. Выводы, сделанные в результате проведенного анализа, касаются функций иронии в политическом дискурсе, а также установления взаимосвязи между ироничностью как характерной особенностью дискурса политика и его успешностью.

Литература

Кара-Мурза С.Г. *Велик русский язык, а отступить некуда*. URL: <http://magnum-dag.ucoz.ru/publ/5-1-0-29> (дата обращения 01.11.2017).

Ларина Т.В. *Англичане и русские: язык, культура, коммуникация*. М.: Языки славянских культур. 2013. 360 с.

Alba-Juez L. Irony as inferred contradiction // *Вестник РУДН. Серия «Лингвистика»*. 2014. № 4. С. 139–152.

Blank T.J. *The Last Laugh*. Eurospan, 2013. 176 p.

Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // *International Review of Pragmatics*. 2015. №7. P. 195–215.

Young S. *Political and Parliamentary Speech in Australia. Parliamentary Affairs*. 2007. Vol. 60. №2. P. 234–252.

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВИДЕОБЛОГЕРОВ ВО ФРАНЦИИ, КАНАДЕ, МАГРИБЕ

О.И. Дагбаева, Н.Ю. Нелюбова

РУДН
(Россия, Москва)
oxa@inbox.ru

Видеоблоги представляют собой записанные перед камерой монологи. Они относятся к асинхронному типу общения и подразумевают возможность публикации откликов зрительской аудитории в секции для комментариев.

Для данного исследования были отобраны видеоблоги на платформе *YouTube* представителей трех разных регионов, которые должны отвечать следующим критериям: возраст 18–25 лет, мужской пол, французский язык. Мы выбрали данные критерии, исходя из того факта, что среди видеоблогеров преобладают именно мужчины и молодежь.

В видеоблогах сочетаются два элемента: спонтанность и подготовка сценария, что создает интересный жанр, сочетающий черты телевизионной речи и естественной разговорной спонтанной речи. Таким образом, данный жанр тяготеет к разговорной и неформальной манере общения.

В Интернете наблюдаются новые способы коммуникации, создания информации, стереотипы речевого поведения, новые формы существования языка.

«Национальное коммуникативное поведение — совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности» [Стернин 2000: 4]. Информационно-коммуникативное поведение представляет собой систему действий, направленных на удовлетворение

потребностей коммуникантов и достижение определённых целей.

В видеоблогосфере создаётся сообщество, которое имеет свои правила, стандарты поведения. Успешные приемы, темы одних блогеров адаптируются другими блогерами, тем самым развивая данное коммуникационное пространство и определяя нормы поведения. Происходит процесс социализации, люди образуют группы по интересам.

Видеоблогеры, которые ведут блоги по одной теме и пользуются популярностью, часто могут быть знакомы заочно онлайн или встретиться в реальной жизни. Они сотрудничают и делают совместные выпуски.

Видеоблогеры образуют франкоязычную видеоблогосферу. Следует отметить, что французы, по сравнению с другими нациями, предпочитают живое общение виртуальному. Однако они признаны наиболее активными блогерами в Европе.

Видеоблогеры из Франции производят больше всего контента, их видеоблоги отличаются разнообразием тематики, возрастов и социальных статусов. Блогеры из Канады и стран Магриба ориентируются на блогеров из Франции, представители всех регионов опираются на англоязычный контент как самый распространённый и богатый содержанием. Поэтому во всех франкоязычных видеоблогах прослеживается влияние английского языка и англо-саксонской культуры. Наличие большого количества англицизмов также свидетельствует об этом, видеоблогеры нередко публикуют видеозаписи под названием на английском языке.

Гендерные стереотипы касаются ролей, навязываемых обществом, в различных сферах жизнедеятельности: мужчины ассоциируются с активной общественной жизнью, профессиональной успешностью и материальным благосостоянием, тогда как женщинам отводится частная сфера и роль матери и домохозяйки [Букина 2013: 62]. В

целом, такое распределение ролей скорее характерно для Магриба, в меньшей степени — для Франции и Канады.

Общение в видеоблогосфере изучаемых стран характеризуется определенными нормами. Автор видеоблога приветствует своих читателей или зрителей, выражает свою радость встречи с ними и интересуется, как у них дела. В конце автор прощается и посылает добрые пожелания своей аудитории. Для реализации данных целей существуют определенные этикетные формулы, которые имеют незначительные отличия.

Как правило, в начале видеозаписи блогер приветствует своих зрителей в неформальном стиле: *Hey, tout le monde, j'espère que vous allez bien* (Франция). *Salut, c'est PL Coutier* (Канада). Арабские видеоблоги часто начинаются с приветствия на арабском языке. В конце видеозаписи автор использует стереотипные формулы прощания: *On se retrouve dans la prochaine vidéo. À très bientôt, bye! Donc voilà c'est tout pour cette vidéo, j'espère qu'elle vous aura plu.* Он призывает своих зрителей подписаться на канал, а также стать подписчиком в других социальных сетях: *Vous pouvez me rejoindre sur les réseaux sociaux tous dans la barre d'info.*

С точки зрения вариативности любые отличия носят прагматический характер. Текст служит связующим звеном между автором и адресатом, поэтому необходимо учитывать фактор производства и восприятия текста. «Блог содержит в своей прагматике характеристики устного диалога и содержит коммуникативные фрагменты двух типов — зачинающие и мотивирующие реакцию и продолжающие, реагирующие на посыл — которые имеют свои регулярные структурные единицы» [Гермашева 2011: 150].

Неадекватное восприятие контента создает непонимание между носителями французского языка, относящимися к разным культурам. Проблемы могут вызывать, в частности, регионализмы, реалии и культурные особенности.

Коммуникативная цель видеоблогера заключается в том, чтобы успешно взаимодействовать со своей аудиторией. Использование таких речевых приемов, как прямая адресованность (*Chers gens, Voici la bande-annonce du court-métrage*) и косвенная адресованность (*Les gens peuvent savoir*), помогает созданию диалогичности речи, установлению контакта. Тем же целям служит использование повелительного наклонения: *Abandonnons quelques heures seulement notre peau de triste majorité*. Автор ожидает комментарии от своей аудитории и отвечает на них. Случаи, когда автор не проявляет никакой реакции, единичны. Таким образом, существуют, явные и косвенные признаки, указывающие на желание видеоблогеров вызвать отклик.

Регулятивный эффект видеоблогов проявляется в том, что пользователи разделяют отношение автора к тому или иному вопросу. Авторы стараются повлиять на массовое сознание. Следует отметить, что важным фактором воздействия является личность автора. В частности, мужчины-videоблогеры во всех трех регионах отличаются агрессивным чувством юмора, а количество видеоблогеров мужского пола в категории «юмор» явно преобладает.

Видеоблогеры образуют тематические сообщества и объединяются с помощью блогроллов (список читаемых блогов). Успешные темы развиваются в других видеоблогах. Данный факт характерен для всех изучаемых стран. Например, в названиях закрепляются определенные словосочетания: *10 choses à faire, réaction, astuces, attentes vs la réalité*.

Видеоблоги, посвященные книгам, также имеют общие тематические единицы, которые входят также в заголовки: *tags, points lecture, book haul, challenges*. Среди подростков распространены следующие темы: *les choses qui m'énervent, la scolarité*.

Видеоблоги обладают рядом преимуществ по сравнению с обычными блогами: с помощью тембра голоса,

акцентирования части высказывания, жестов, мимики облегчается процесс коммуникации. Интернет-среда предоставляет возможность монтажа, многие накладывают специальные эффекты на голос, вставляют текст и картинки поверх основного изображения.

Целью видеоблогера является привлечение и развлечение читателей. Важными чертами общения являются гипертекстуальность и интерактивность. Под видео автор, как правило, даёт краткую аннотацию, в которой могут быть приведены ссылки на использованные материалы. Пользователи ценят аргументированность, красочность используемых языковых средств, в то время как проявление нетерпимости осуждается (авторов таких комментариев немедленно призывают к порядку).

В целом, коммуникативное поведение видеоблогеров имеет определенный общий шаблон, заданный структурой видеоблога. Однако прослеживаются культурные особенности, связанные с гендерным и возрастным факторами, влиянием английского и арабского языков.

Литература

Букина Е.И. *Гендерные стереотипы в языке и дискурсе // Учёные записки ЗабГГПУ*. 2013. № 2 (49). С. 61–65.

Гермашева Т.М. *Языковая личность субъекта блог-дискурса: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19* Ростов-на-Дону, 2011. 176 с.

Стернин И.А. *Модели описания коммуникативного поведения*. Воронеж: «Гарант», 2000. 27 с.

ЭСТИМАЦИОННО-АССОЦИАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТНОНИМА «АРАБ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ³

Н.В. Дубинина, И.С. Карабулатова

РУДН
(Россия, Москва)
nvDubinina@mail.ru

Этническая история арабо-мусульманского Востока весьма сложна и в ряде аспектов остается недостаточно изученной. Развитие торгово-экономических, культурных, научных и туристических связей ставит перед академическим дискурсом арабистики новую задачу — овладеть всеми аспектами языка, чтобы использовать его в различных сферах деятельности человека. Сегодня возникла потребность в живом общении с представителями арабоязычных стран, а сам арабский язык перестал восприниматься в мире как мертвый язык, используемый лишь для отправления религиозного культа.

Нет сомнений, что языковая ситуация — это мегаконцептуальное образование, акцентуация которого зависит от выбранного аспекта и/или признака. В зависимости от того, какие именно параметры языка оказываются существенными для определения занимаемого им места в общей ситуации, можно выделить объективные и субъективные параметры определения языковой ситуации.

Понятие эстимации, этностереотипа перекликается с понятием коннотации, которая может быть охарактеризована

³ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00607 «Этнолингвокультурологический скрининг технологий ИГИЛ при работе с протестным поведением российской молодежи», инициативной научно-исследовательской работы кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН «Полилингвокультурная языковая личность в условиях глобализации».

как «стандартная устойчивая ассоциативная связь, которую вызывает в языковом сознании носителей языка употребление того или иного слова в данном значении» [Крысин 2002: 171]. Иными словами, «эстимация — это оценка, это те артикулированные оценки, которые при восприятии того или иного этнонима в языковом сознании», актуализируя тот или иной стереотип [Койше, Карабулатова 2013: 152].

Не умаляя возможности других методик, перспективных в исследовании языкового сознания, мы, в подтверждение точки зрения ряда исследователей, считаем, что материалы ассоциативных экспериментов позволяют получить достаточно надежные выводы о функционировании языкового сознания.

Проблема этнической эстимации этнонима до сих пор остается актуальной и сложной для многих наук. При рассмотрении её с психолингвистических позиций возникают еще большие трудности, поскольку необходимо иначе взглянуть на ставшую привычной и традиционной логику-рационалистическую трактовку значения слова.

Так, пионерскими в свое время были исследования ассоциативных полей имен собственных, проведенные И.С. Карабулатовой, которые впоследствии вошли в «Словарь топонимов и топонимических ассоциаций» [Карабулатова 2002], что вызывало разделение ономастов на противников исследований в таком ключе и на его сторонников. Однако после ее исследований, открывших новые направления для ономастики, появились многочисленные работы по отдельным классам онимов как русского, так и других языков. Например, Л.Ф. Осипова исследовала фоносемантические особенности личных имен в татарском языке на основе различных психолингвистических экспериментов, она приходит к выводу, что современные татарские писатели широко и активно используют

ассоциативное значение татарского имени в своих произведениях [Осипова 2008].

Интенсивные миграционные процессы из стран арабского Востока, противостояние ИГИЛ⁴ с европейской цивилизацией, «Арабская весна» и другие события в арабском мире вызвали новую волну интереса к арабской лингвоментальной культуре. К большому сожалению, негативное отношение к представителям мусульманской культуры вообще и арабо-мусульманской культуры в частности распространилось в последние годы во всем мире: России, Америке, Евросоюзе. Политика «мультикультурализма» с треском провалилась во Франции и некоторых других странах Европы. Безусловно, вызвано это не в последнюю очередь и поведением представителей арабо-мусульманской культуры.

В настоящем исследовании мы применяем лингвокультурный подход, вслед за В.И. Карасиком, в концепте выделяются три стороны: понятие, образ и ценность [Карасик 2004]. Так, по результатам наших исследований был проведен анализ коннотаций этнонима **араб/арабка**, выявленных в языковом сознании студентов, носителей русского языка, обучающихся в вузах Москвы и Московского региона (мужчин и женщин: 150 человек, от 19 до 25 лет).

Ассоциативное пространство концепта «**араб**»:

Имя народа (этноним) (211/ 191), исламист (210/ 211), радикализм (210/200), нефть (210/ 221), народ (210/225), Коран (200/200), мусульманин (200/198), ислам (200/ 157), Аравия (177/ 170), алавиты (179/166), бедуин (176/ 166), аравиец (175/122), Сицилия (159/118), еврей (148/122), копт (148/ 120), террорист (148/ 119), мигрант (147/115), жадность (146/ 115), расчетливость (145/ 114), Дубай (144/ 113), гостеприимство (142/ 112), скакун (139/ 118), банкир

⁴ Данная организация запрещена в России как террористическая.

(138/122), Египет (130/121), Ближний Восток (130/119), племя (128/118), Мекка (128/115), деньги (128/113), Карфаген (120/114), Испания (119/111), Барселона (119/111), цветок (118/ 111), духовность (116/ 110), Лондон (115/110), взрыв (115/110), бомба (114/110), тайна (111/100), Израиль (110/98), конфликт (109/115), конец (96/100), происхождение (95/ 95), драгоценность (93/ 81), вода (92/ 110), красавец (91/115), красота (90/ 113), пустыня (90/111), верблюд (90/ 90), платок (88/101), голова (80/90), крик (80/88), музыка (80/ 79), танцы (79/ 78), рождение (79/ 69), миграция (79/60), любовь (77/ 60), нелегалы (70/50), восток (66/58), хиджаб (62/ 61), рука (54/ 50), берег (49/ 38), Палестина (48/31), территория (33/28), нефть (33/27), борьба (29/27), золото (28/ 28), богатство (28/ 28), калькан (28/ 27), качество (27/ 25), турки (23/ 19), труд (21/ 19), арба (21/19), многоженство (21/18), гарем (19/15), война (18/18), халифат (18/ 14), замуж (17/ 14), чеченец (16/ 14), течение (16/ 16), помощь (15/ 11), отношение (14/ 13), страна (12/10), гурия (12/11), командование (12/ 9), войска (11/ 10), этикет (10/ 10), Каир (10/ 9), Сирия (10/9), Катар (9/9), сказка (9/7), автомат (9/8), тема (8/8), костюм (8/4), обезглавливание (6/5), Ливан (6/4), ресторан (3/1), Европа (3/3), европейцы (3/2), арабист (2/2), каллиграфия (2/2), Германия (2/2), вербовщик (2/2), ИГИЛ (2/2), Ирак (2/2), вход (2/2), золото (2/2), белиданс (2/1), женщина (1/1), иранец (1/1), суша (1/1), залив (1/1), волна (1/1), стена (1/1), плечо (1/1), плащ (1/1), сокол (1/1), охота (1/1), нега (1/1), разврат (1/1), тамплиеры (1/1), Священная война (1/1), Арарат (1/0), рахат-лукум (1/0), туфли (1/0), абырвал (1/0), абракадабра (1/0), отказ от ответов (33/12).

Мы должны признать, что ассоциаты отражают процесс формирования ментального лексикона личности современного студента [Свистунова 2008], что помогает нам сформировать педагогические стратегии и тактики при

погружении в академический дискурс арабистики, поскольку отражают языковое сознание студента.

Итак, ассоциации звука и предмета соответствуют друг другу у разных индивидов благодаря соотнесенности с одним и тем же явлением, а не из-за полного совпадения ассоциаций с этим звуком у каждого носителя языка. Отсюда такие реакции, как **Аравия (177/ 170)**, **алавиты (179/166)**, **бедуин (176/ 166)**, **аравиец (175/122)**, **пустыня (90/111)**, **верблюд (90/ 90)** и др. Понимание — это не просто отображение действительности. Оно неразрывно связано с его конкретно-историческим фоном, общественной практикой, интересами участников коммуникации. Современные политические события, связанные с арабскими мигрантами в Евросоюзе, война в Сирии, обусловили появление таких реакций, как **Испания (119/111)**, **Барселона (119/111)**, **Европа (3/3)**, **европейцы (3/2)**, **исламист (210/ 200)**, **радикализм (210/200)**, **нелегалы (70/50)**, **война (18/18)**, **халифат (18/ 14)**, **миграция (79/60)**, **вербовщик (2/2)**, **ИГИЛ (2/2)**, **Ирак (2/2)**, **террорист (148/ 119)**, **мигрант (147/115)**, **Лондон (115/110)**, **взрыв (115/110)**, **бомба (114/110)**, **тайна (111/100)**, **Израиль (110/98)**, **конфликт (109/115)**, **конец (96/100)**, **Сирия (10/9)**, **Катар (9/9)**, **автомат (9/8)** и т.д.

Основания для возникновения ассоциаций со звуком объективны, поскольку относятся к миру объектов, а вот сами ассоциации индивидуальны, поскольку относятся к миру психического. Итак, в ассоциациях объективны стратегии установления связи между стимулом и реакцией. Следует отметить, что ассоциаций по созвучию нами отмечены мало, это прежде всего: **арба (21/19)**, **Аравия (177/ 170)**, **Арабат (1/0)**, **алавиты (179/166)**.

Как мы видим из словарной статьи, ассоциативные цепочки, сами ассоциации отражают процессы интерференции народов, длительное время контактировавших и контактирующих на территории

полиэтнического государства/региона, не только на языковом уровне, но и на психологическом, кроме того, здесь широко представлены стереотипные знания о народе: **Коран (200/200)**, мусульманин (200/198), ислам (200/ 157), Аравия (177/ 170), алавиты (179/166), бедуин (176/ 166), аравиец (175/122), рахат-лукум (1/0), Коран (200/200), мусульманин (200/198), ислам (200/ 157), Аравия (177/ 170), алавиты (179/166), бедуин (176/ 166), аравиец (175/122), Каир (10/ 9), Сирия (10/9), Катар (9/9), сказка (9/7), обезглавливание (6/5), Ливан (6/4), ресторан (3/1), Европа (3/3), европейцы (3/2), арабист (2/2), каллиграфия (2/2), нефть (210/ 221) и т.д.

В результате оним выступает как некий «свернутый текст», который может иметь поливекторный характер развертывания в зависимости от целеполагания создателя текста [Карабулатова 2010: 51]. В гетеростереотипе этнонима **араб** в языковом сознании студенческой молодежи присутствует двойственная оценка, позволяющая выделить положительный экстраобраз в целом (**арабская любовь, арабская нежность, арабская страсть, арабская красота**). Этот позитивный экстраобраз вытесняет привычный образ врага, актуализирующийся под интенсивным прессингом современных СМИ: **бедный как бедуин; голодный как араб; жадный как араб; жестокий как араб; арабская жестокость; арабская магия; арабская тарабарщина, абракадабра** и т.д.

По результатам эксперимента в языковом сознании носителей русского языка выявлены следующие коннотации в анализируемом этнониме: **хозяйственность (25%), воспитанность (13%), вежливость (8%), доброта (6%), хитрость (5%), ум (5%), сметливость (5%), закрытость (5%), радушие (4%), почитание традиций (4%), религиозность (4%), благоразумие (3%), расчетливость (3%), верность (3%), строгость (2%), благочестивость (2%), скромность (1%), карьеризм (1%), знание языка**

(1%), семейственность (0,5%), расчетливость (0,5%), двуличие (0,5%), интернационализм (0,5%), национализм (0,5%), жестокость (0,5%) и др.

Вместе с тем выявлены и некоторые гендерные различия, позволяющие судить о более критичном восприятии этнонима **араб** в стереотипном представлении респондентов группы русских девушек/ женщин. В отличие от стереотипного сознания респондентов группы русских мужчин, русские женщины воспринимают мужчину **араба** двойственно: 1) как **семьянина (45%), хорошего хозяина (18%), прекрасного отца (15%), защитника (12%), кормильца (5%), доброго (2%), справедливого (0,5%), денежного (0,5%), богатого (0,5%), предприимчивого (0,5%), красивого (0,5%), надежного (0,5%)**; а также и в негативном ключе: 2) **террориста (23%), наглого (11%), прижимистого (0,5%), хитрого (0,5%), алчного (0,5%), кровожадного (0,5%)**.

В то же время в русском маскулинном языковом сознании **арабка** воспринимается как **восточная красавица (37%), скромная (22%), тихая (11%), хозяйственная (10%), практичная (5%), крикливая (4%), лживая (4%), опасная (3%), красивая (3%), скрытная (3%), колдунья «ведьма» (1%), толстая (0,5%), изящная (0,5%)**.

Следует отметить, что положительные коннотации преобладают. Однако процент негативных коннотаций связан с закрытостью арабской феминности для русского маскулинного языкового сознания, что вызывает мифологизацию арабской женщины в русском языковом сознании в целом. Достаточно вспомнить «Сказку о золотом петушке» А.С. Пушкина.

В коннотативном поле реакций на этноним **араб / арабка** большое внимание уделено не знанию родного языка и культуры, а общечеловеческим ценностям (отношение к родителям, детям и к семье). Среди высокочастотных и малочастотных лексем наличие отрицательных оценок

говорит о дуальном восприятии этнонима **араб/арабка** носителями русского языка, что позволяет говорить о наличии культурной дистанции, несмотря на длительные этнокультурные связи, обусловленные исламом. Следовательно, мы вырабатываем определенные речевые маркеры этнических и институциональных портретов и автопортретов народов-соседей.

Имя, будучи «хранителем культурной и исторической информации, участвует в создании национальных стереотипов, в появлении ассоциаций, нередко становится прецедентным» [Ломакина 2010: 217]. Оно дается образу сознания (напомним, одна из функций культуры как раз и состоит в наименовании всех предметов и явлений «культурного космоса», по В.В. Красных, есть живое имя, ибо оно вырастает из действия и несет в себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия, или меональную сущность, по А.Ф. Лосеву). Именно так этнос адаптируется к реальному миру, как бы задается та система координат, в которой будет действовать в мире представлений данной этнической культуры, формироваться образ мира, который является «основополагающей компонентой культуры этноса» (С.В. Лурье). Однако в светлое поле сознания каждого носителя культуры попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира, осознаются скорее её наличие и целостность.

В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного — этнические константы или их системы, являющиеся той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир. Таким образом, семантическая аура этнонима **араб / арабка** в русском языковом сознании поддерживает мифолингвистическую интерпретацию этнонима араб в разветвленной мегаконцептуальной сети ассоциаций.

Анализ психолингвистических экспериментов среди студентов показывает обусловленность реакций экстралингвистическими факторами, собственным жизненным опытом, погруженностью в академический дискурс арабистики, обнаруживая два диаметрально противоположных направления: 1) с повышенной героизацией и позитивной мифологизацией арабов и арабской культуры и 2) с усилением демонизации образа арабов и арабской культуры.

Литература

Карабулатова И.С. *Словарь топонимов и топонимических ассоциаций Тюменской области*. М.: Институт языкознания РАН, 2002. 188с.

Карабулатова И.С. Топоним как свернутый текст // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Сб.науч.статей. Красноярск: СФУ, 2010. Т.1. №1. С. 50–53.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Койше К.К., Карабулатова И.С. Эстимационная характеристика образа казаха-кочевника в романе Ф.В.Булгарина «Иван Иванович Выжигин» // *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2013. №2 (31). С.152–157.

Красных В.В. *Свой среди чужих: миф или реальность?* М.: Гнозис, 2003. 375 с.

Крысин Л.П. Лингвистический анализ изучения этностереотипов // *Встречи этнических культур в зеркале языка*. М: Институт РЯ им. А.С. Пушкина, 2002. 478 с.

Ломакина О.В. Паремии в текстах Л.Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*. 2010. № 6 (14). С. 217–221.

Осипова Л.Ф. *Фоносемантические особенности личных имен в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02*. Елабуга, 2008. 22 с.

Свистунова Т.И. *Организация ментального лексикона: формирование в онтогенезе и распад при нарушениях языковой системы глагольной словоизменительной морфологии (экспериментальное исследование). Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19.* Санкт-Петербург, 2008. 27 с.

КИНЕСИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЫ

Н.М. Дугалич, В.Е. Зенин

РУДН

(Россия, Москва)

avsineeva.natalya@icloud.com

Кинесика — составляющая часть невербальной коммуникации, под которой мы понимаем все коммуникативные акты, которые совершаются без слов [Knapp, Hall 2000: 23]. Невербальная коммуникация является универсальной системой. Традиционно невербальная коммуникация рассматривает визуальный контакт, выражение лица, жесты, позу и одежду. Однако к области исследования невербальной коммуникации можно отнести такие паралингвистические средства, как тембр голоса, громкость речи, тон, тактильный контакт, проксемику и др. [Korasz 2006: 8].

Ученые-политологи описывают невербальную коммуникацию как средство, с помощью которого политики осознанно оказывают влияние на слушателя и убеждают его поддерживать курс их внутренней или внешней политики [Korasz 2006: 6].

Кинесика — важный элемент коммуникативного акта, так как тело человека принимает непосредственное участие в коммуникации [West, Turner 2004: 136]. Важными элементами данного вида коммуникации являются:

3) визуальный контакт. Прямой взгляд в глаза собеседнику оценивается как признак искренности, честности, доверия [Dale, Wolf 2000: 21]. Политики, которые смотрят собеседнику в глаза, — более убедительны и эффективны, чем их коллеги, избегающие визуального контакта, что вызывает отрицательные эмоции у других участников беседы. Отсутствие прямого взгляда на собеседника может означать, что выступающий смущен, испытывает чувство стыда или тревоги [Dale, Wolf 2000: 21];

4) выражение лица. Исследование мимики ведется от Чарльза Дарвина, который отметил, что выражение лица — характеристика, применимая только к людям и приматам. Последующие работы в этой области подтвердили, что лицо — важный инструмент, пользуясь которым, люди выражают свои чувства, эмоции и надежды [Knapp, Hall 2000: 403]. Это находит свое отражение в политическом дискурсе;

5) жесты являются старейшей формой невербальной коммуникации, которой пользовались еще неандертальцы. В наше время руки считаются самой “коммуникабельной” частью тела и могут выражать широкий спектр эмоций, сопровождать вербальные сообщения и отражать позицию говорящего и т.д.

В качестве примера можно предложить трудно декодируемые частотно используемые жесты политиков:

✓ шпиль (руки домиком) — означает уверенность политика; жест часто сопровождает публичное выступление;

✓ рука у подбородка говорящего указывает на то, что он скрывает правду или не уверен в ней, у слушателя — недоверие к выступающему;

б) поза является индикатором отношения говорящего к своему собеседнику. Например, если политик сидит и подается телом вперед, это означает готовность сотрудничать и принимать решения. Если говорящий стоит, держит спину прямо, руки в карманах (“поза босса”), это

означает, что он уверен в себе и знает, что является сильным лидером.

Еще одним важным элементом невербального общения является выбор одежды героев политической карикатуры. Одежда играет принципиальную роль во время публичных выступлений. Правильный выбор костюма и аксессуаров не только усиливает степень доверия к политику и его речи, но также информирует о его статусе и мировоззрении.

Значение жестов может быть интерпретировано как объясняющее психическое состояние героя карикатуры; его отношение к участнику диалога; его позиция по отношению к предмету обсуждения.

Для кинесической оценки персонажа политической карикатуры можно ответить на вопросы: смотрит/не смотрит в глаза; описать движение руками — жесты, связанные с речью, и жесты, не связанные с текстом; оценить мимику лица, позу, одежду.

В политической карикатуре часто присутствует жест “скрещенные на груди руки”, например, можно отметить, что он является характерным кинесическим атрибутом действующего президента Египта Абдул-Фаттаха Халила Ас-Сиси. Основное значение данного жеста — неуверенность, отгороженность от собеседника, возможно, высокомерие.

Иконический компонент политической карикатуры содержит наибольшую часть информации, заложенной в ней, и способствует реализации авторской интенции — создать образ политика при помощи невербальных средств языка, одним из которых является кинесика.

Литература

Dale P., Wolf J. *Speech communication made simple*. New York: Pearson Education, 2000.

Кнапп М., Халл, J. *Nonverbal communication in human interaction*. Wrocław: Astrum, 2000.

Kopacz M. Non-verbal communication as a persuasion tool: current status and future directions // *Rocky Mountains Communication Review*. 2006. №3 (1). С. 4–23.

West R., Turner L. *Introducing communication theory*. New York: McGraw Hill Higher Education, 2004.

**ЛОНДОН КАК УРБАНИСТИЧЕСКИЙ
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ
НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНО-СТРАНОВЕДЧЕСКОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИТЕРА АКРОЙДА
«LONDON: THE BIOGRAPHY»**

Б.С. Жумагулова, С.Н. Калиев

КазУМО и МЯ им. Абылай Хана
(Казахстан, Алматы)
8ff8@inbox.ru

Исследование урбанистического концепта «Лондон» в художественном произведении Питера Акройда «London: the Biography» основывается на понятии **когнитивная матрица** Н.Н. Болдырева [Болдырев 2008: 5] и **системе кодов лингвокультуры** М.В. Пименовой [Пименова 2016: 131]. Отражение пространства и времени в языковом сознании носителя языка и культуры исследуется в рамках когнитивной лингвистики как основные концепты языковой картины мира, а также в литературоведении как категория хронотопа, которая выполняет сюжетообразующую функцию в художественном произведении. Имеется возможность представить интегративный подход к изучению пространственно-временного континуума в рамках отдельного художественного произведения на основе когнитивно-матричной модели.

Когнитивно-матричное моделирование считается исследовательским приёмом в системе когнитивно-

матричного анализа, который был предложен Н. Н. Болдыревым для исследования единиц особого формата, которые нельзя отнести к числу стандартных знаний [Болдырев 2008: 7]. Когнитивная матрица объединяет воедино знания о различных аспектах явления в систему различных когнитивных контекстов, которые в свою очередь представлены её компонентами интегративно в рамках целого сложного концепта и имеют возможность отличаться уровнем сложности, а их содержание может модифицироваться, начиная с обыденного и до экспертного [Болдырев 2009: 49];

Данное исследование осуществляет интегративный подход как синтез когнитивной матрицы (Н.Н. Болдырев) и кодов лингвокультуры (М.В. Пименова), где каждый компонент когнитивно-матричной модели представляет определенный культурный код как систему подкодов и языковых средств выражения.

Схема 1. Интегративная когнитивно-матричная модель как система кодов лингвокультуры

Согласно теории М.В. Пименовой, *кодом культуры* называется система характеристик объектов картины мира, соединенных совокупным общим категориальным свойством. Это своеобразная понятийная сетка, которую во время использования носитель языка категоризует, структурирует и рассматривает окружающий его и свой внутренний миры. В системе концептуальных кодов культуры выделяется *темпоральный (временной) код культуры*, который представляет образы посредством обозначения времени. Временной код культуры — это совокупность представлений, связанных с членением временной оси на отрезки и с отношением человека ко времени [Пименова 2016: 131]. Каждую национальную культуру отличают специфические языковые образы, символы, образующие особую систему кодов, с помощью которой носитель языка описывает окружающий его мир, используя ее в интерпретации окружающего мира, а также своего внутреннего мира. Концепты внутреннего мира обычно представлены в языке посредством метафор [Лакофф 2004: 25];

В историческо-литературоведческой работе Питера Акройда «London: the Biography» метафора играет значительную роль. У Питера Акройда метафора используется как мыслительный феномен, объединяющий как вербальную, так и невербальную метафоры, с включением изобразительных образов человека и топографических объектов.

1. Онтологическая метафора **HUMAN MEMORY AS MEASURE OF TIME** (человеческая память как мерило времени): *These ritual, standard phrases indicate that the earliest measure of time was human memory as such.*

В средневековом Лондоне самым ранним мерилем времени была человеческая память. О древних лондонских обычаях в средневековых документах говорится: «that they exist since the unthinkable, which there are no human memories»

[Ackroyd 2001: 771]; Так, человеческая память дает отсылку к древним цивилизациям, Лондон уподобляется целому ряду древних городов и государств, как реальных, так и вымышленных, в аспектах греха и добродетели: *The images of **Babylon and Sodom** therefore, more than enough, but the city symbolizes **hell** in a different sense, deeper. West Smithfield, after the foundation of St. Bartholomew-the-Great in the early twelfth century, witnessed as many **miracles** as any similar plot in **Rome** or **Jerusalem**.* Добавим сюда библейскую метафору Темзы как темной реки подземного царства Голгофы: *The number of human skulls found in Chelsea has given it the name of “our Celtic **Golgotha**.”* Еще одним свидетельством того, что людская память структурирует время событиями различного плана является метафора: *In the bell-eared euphony **sacred time was crowned with the worldly**.* Время фиксируется определенными делами и занятиями горожан: «в час проповеди», «в час торгов, когда коммерсанты сходятся на Королевскую биржу». Наряду с этим на протяжении многих веков действовала своего рода повседневная память общины. Память времени включает в себя как **TROUBLED TIMES** (смутные времена) так и **HOLY TIMES** (святые времена). **TROUBLED TIMES** дает отсылку, на времена упадка в городе связанных с двумя бичами, огнем и чумой: *It talks about **troubled times**, but the very fact of its construction shows that the city still had huge own resources.* **HOLY TIMES** (святые времена) описаны метафорой, которая дает отсылку к временам чудотворства: *Many of these miracles occurred on the day of St. Bartholomew, so that in the city constantly acted aura not only holy places, but also **holy times**.* Автором приводятся конкретные факты чудес, зафиксированные в различных источниках. Так, в начале 12 века, одна женщина из прихода Сент-Джон исцелила свои «расслабленные» члены, а некий Уаймонд, который был нем, заговорил.

2. Структурная метафора **LAVA OF TIME** (лава времени) характеризует динамику темпорального

континуума Лондона используя одно организованное понятие для структурирования другого. Питер Акرويد приравнивает природу времени к особому явлению, а именно таинственному. Кажется, что оно не течет непрерывно в одну сторону, а то и дело заворачивает назад, идет вспять, будто поток огненной лавы. Порой оно движется равномерно, а потом вдруг устремляется вперед рывком.

It resembles not so much a river or stream as a stream of lava erupted from some unknown fiery source. Динамика времени в образе лавы усиливается акустической метафорой времени **VAGUE BUZZ OF THE TIME ITSELF**. Одной из самых главных особенностей Лондона является его низкий, непрерывный рокот, не похожий ни на какой иной звук. Автор воспринимает этот постоянный шум как смутный гул самого времени, поскольку в нем ощущается присутствие человеческой воли и сознательного движения: *This is his low, incessant roar, not like any other sound; It impresses more than the roar of a storm or a waterfall, for there is a presence of human will and conscious movement in it, and I admit that this sound reminds me of the vague buzz of the time itself.* Время как извергающаяся лава соотносится с пространством города в образах водных объектов: **A SEA, AN OCEAN, THE THAMES, NIAGARA**, подчеркивающих масштаб, размах мегаполиса и пестроту типов обитателей Лондона сравнимых с обилием и разнообразием жизненных форм в океане: *London has always been a vast ocean in which survival is not certain.* А низкий, ровный и неумолкающий рев города сродни шуму водопада Ниагары: *At a distance of half a mile they turned into a low, steady, incessant roar, resembling the noise of a waterfall; It was the real Niagara of the vote.* Структурная метафора **LABYRINTH HALF OF STONE, HALF OF FLESH**

(лабиринт наполовину из камня, наполовину из плоти) подчеркивает городскую тесноту, многолюдье, хаотичность и извилистость улиц, поскольку Лондон состоит из множества переулков, проездов, дворов и магистралей, которые образуют бесконечный лабиринт, непрерывно меняющийся и растущий вширь: *London is a labyrinth of half stone, half flesh.*

3. Онтологические метафоры **A CITY OF MECHANICAL TIME, LONDON AS A GIGANTIC CLOCK, TIME TURNS INTO PRISON** дают возможность осмыслить события, действия, идеи и эмоции, а также воспринимаемые чувственно объекты и сущности. **A CITY OF MECHANICAL TIME** представляет Лондон как город быстроты ради скорости. В 19 веке Лондон становится центром массового производства, постоянно испытывающем потребность в человеческом труде. Он высасывает из людей всю энергию, а после «извергает» их и заменяет на других, словно на новые смазанные детали часового механизма: *London became a city of mechanical time, a city of rapidity for the sake of speed.* Метафора **TIME TURNS INTO PRISON** подчеркивает могущество времени, атрибутом которого является непрекращающийся людской труд, лишаящий трудящихся свободы, отвлечений и радостей в жизни. Уподобляясь автоматам, горожане становятся деталями часов — Лондона: *As soon as the machine guns are being seen, the townspeople become the details of a gigantic clock — London. And then time turns into a prison.*

Структурные метафоры **TO SKIP TIME** (обскакать время), **TO BURN TIME** (прожигать время) показывают попытку лондонцев избежать отрицательного влияния фактора времени, ненадолго забыть о времени и как бы «обскакать» его с помощи танцев и пения. *A dance can invariably serve as a refuge for Londoners from encroachments*

of watches with their mechanical time; This is, at least, a way to "skip" time.

Однако, **TIME IS NOT REDEEMABLE** (время неискупимо):

Лондон становится воплощением самого времени. Великие потоки мысли и разума никогда не прекращают своего бег.

In the words of T.S. Eliot, the poet, whose understanding of time and eternity was formed under the direct influence of London's impressions, "time is not redeemable" [Ackroyd 2001].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Пространственно-временной код культуры раскрывает Лондон как урбанистический пространственно-временной континуум, представляющий собой развитие мегаполиса как синтез времени, пространства, событий и идей через систему концептуальных метафор. Метафорические образы показывают различные аспекты времени: память как *мерило времени* (**HUMAN MEMORY AS MEASURE OF TIME**), *структуру времени* (**SACRED TIME, WORDLY TIME, HOLY TIMES, TROUBLED TIMES**), состоящую из событий различного плана, *динамику времени* (**LAVA OF TIME**) и *воздействие времени* на город и его жителей (**A CITY OF MECHANICAL TIME, LONDON AS A GIGANTIC CLOCK, TIME TURNS INTO PRISON**) в корреляции с характеристиками пространства (**A SEA, AN OCEAN, THE THAMES, NIAGARA, LABYRINTH HALF OF STONE, HALF OF FLESH**) и воплощают в конечном счете «*a presence of human will and conscious movement in it*».

Подобно другим кодам пространственно-временной код культуры задает определенную систему эталонов, по которым мы членим, структурируем и оцениваем окружающий нас мир.

Литература

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2008. №4. С. 5–15.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа слова // *Когнитивные исследования языка. Вып. IV // Коллективная монография*. М., 2009. С. 25–78.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. *Концептуальные исследования. Введение. Учебное пособие*. М.: Издательство «Флинта», 2016.

Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Ackroyd P. *London: the Biography*. London: Vintage Books, 2001.

МИФОЛОГИЯ КОЛУМБИИ: ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Журавлева

МПУ
(Россия, Москва)
zhu18@yandex.ru

Мифы любого народа неотделимы от его истории и сохраняются, как правило, в виде устного народного творчества, передающегося из поколения в поколение, находят свое отражение в культах, верованиях и обрядах и представляют богатейший материал для изучения особенностей национального менталитета и культуры этноса. Колумбия — страна, где сплелись представления коренных народов и их древних культур с последующим наследием завоевателей испанского происхождения. Географическое и этническое разнообразие Колумбии повлияло и на формирование мифологической системы. В настоящий

момент в Колумбии проживают представители 84 индейских этний, по численности населения африканского происхождения страна занимает третье место [Чеснокова 2014: 34]. При этом доля индейского населения на сегодняшний момент не превышает 3,4% и сосредоточена в основном в сельской местности таких департаментов, как Каука, Ла Гуахира, Нариньо, Путумайо и Амасонас. 10,6% составляет население африканского происхождения, проживающее вдоль тихоокеанского побережья, на островах Сан-Андрес, Провиденсия и Санта-Каталина, а также в районе Сан-Басилио-де-Паленке.

В мифологии в концентрированной форме представлено национально-культурное самосознание народа в аллегорической форме, его видение картины мира. При этом этническое своеобразие нашло свое отражение и в мифотворчестве колумбийцев. В большинстве случаев речь идет о силах зла и способах бороться с ними (например, традиционное название дьявола — *Mandinga*). Некоторые верования возникли в результате процесса колонизации Нового Света, когда христианская церковь в массовом сознании местного населения зачастую ассоциировалась с наказанием (легенды о монахе без головы, *Cura sin cabeza*). Большой пласт составляют мифы доколумбовой эпохи, связанные с преданиями индейского населения (*Chía* — олицетворение Луны, покровительница мирской жизни у чибча (муисков), *Vachué* — прародительница племени муисков). В общем и целом мифы и суеверия делятся на три региона:

1. В *Андском регионе* (куда относят и регион производства кофе, так называемую «кофейную ось») представления народа о силах зла и добра, двух высших и извечных принципов — света и тьмы, между которыми идет постоянная борьба, нашли свое воплощение в следующих персонажах, в большинстве случаев олицетворяющих зло:

Департамент Бояка

Bochica (Nemequeteba) — главное божество индейцев чибча, которых он научил ткать, расписывать ткани и изготавливать глиняную посуду, также он дал им моральные, социальные и политические заветы. *Cucasu* — бродит по ночным улицам в обнаженном виде, встреча с ним не сулит ничего хорошего.

Департамент Киндио

Madremonte — хозяйка леса и защитница природы, легенды о ней распространены в Бразилии, Аргентине и Парагвае. *El Mohan* — одно из самых известных преданий в Колумбии, согласно одной из версий именно он породил вихри и водовороты и сделал бамбук, ему принадлежат несметные сокровища и он обладает лукавым характером, строит козни, привлекает женщин. *Patasola* — женщина, которая блуждает по склонам гор и преследует мужчин, зачаровывая их своим взглядом. На нее очень похожа *La Tarasca*, женщина-вампир, повстречавшиеся с ней навсегда теряют разум и способность говорить. *Patetarro* — огромного размера, позволяющего ему без труда перемещаться по горам, его появление предвещает крестьянам всяческие несчастья и беды, неурожай, смертельные болезни и наводнения.

Департамент Антиокия

El Sombrerón — одет в черную одежду, носит большую шляпу и передвигается на муле с двумя огромными псами. Говорят, его часто можно встретить в Медельине. В Толиме, Уиле и Валье-дель-Каука известен под именем Черный всадник (*Jinete Negro*). *La Muelona* — обычно представляется в виде красивой девушки с огромной челюстью, своими страшными зубами она может перемолоть все, что угодно.

2. *Карибский регион* характеризуется смесью европейских, африканских (предание об ужасной женщине-вампире *La Tunda*, привлекающей людей) и собственно латиноамериканских верований:

Департамент Боливар

Здесь также распространено поверье о таком божестве, как *Mohan*, который досаждают рыбакам, которые верят, что ему нравится табак и соль, поэтому они оставляют их для него на прибрежных скалах. *El Caballo cojo* — легенды об ужасающей красноглазой трехногой лошади, пахнувшей серой, после встречи с которой люди теряют дар речи.

Департамент Гуахира

Множество легенд связано с бытом индейцев племени вайно (например, о домовых вайно, которые боятся собак и огня). *Keralia* — может являться в виде человека или животного, также известно под именем блуждающего огня (появляется в таком виде ночью). От его взгляда мужчины падают замертво, а девушки оказываются в положении.

3. *Островной регион*. Остров Сан-Андрес представляет из себя необычную этническую группу райсальцев — афро-англо-антильских колумбийцев, говорящих не только на испанском (и английском), но и на креольском (райсальском) языке. Жители острова верят в фантастическое создание *Rolling Calf*, дьявольскую корову с горящим взглядом, появляющуюся на горе, и в привидение *Duppu*, приходящее по ночам.

Безусловно, все эти реалии находят свое отражение в современном языке, в первую очередь, когда это касается описания национально-культурных традиций. В следующем примере говорится о главном празднике департаментов Толима, Уила и Какета, Иваново дне, который совпадает с солнечной церемонией, связанной с плодородием и урожаем риса. Проводятся красочные музыкальные фестивали, танцы, карнавальные шествия, фольклорные мероприятия, дегустация национальной еды.

Para el tolimense se hizo primavera el San Juan con sus fiestas de mamarrachos y la vacaloca espantando al mandingas y asustando al Mohán. En las noches de plenilunio evocando, sentados en el suelo del patio, los cuentos de los mitos y los sustos de los compadres mirando el

fuego fatuo y al cura sin cabeza, que vigilaba los callejones ocasionándonos carreras desesperadas hacia el refugio de la casa. (El Tiempo)

(Для жителей Толимы наступило время празднования Иванова дня, с карнавальными гуляниями и фейерверками, которые изгоняют дьявола и отпугивают Моана. В полнолуние, сидя на земле во дворе дома, мы вспоминаем сказочные мифы и страшилки, и, глядя на блуждающие огоньки, вызываем призрак священника без головы, который подстерегал нас на улице, заставляя бежать домой сломя голову.)

Однако особенный интерес в этом смысле может представлять случай, когда суеверия переходят из разряда народных верований в особый прием, используемый незаконными вооруженными формированиями для борьбы со своими противниками. В следующем примере прямо говорится о том, что судья специального суда, действующего в рамках закона о разоружении незаконных формирований, вынесла решение о признании колдовства в качестве оружия:

En una reciente sentencia del Tribunal de Justicia y Paz de Bogotá, la magistrada Alexandra Valencia ordenó documentar “el uso de la brujería como arma de guerra por los paramilitares en los Llanos Orientales”. (El Tiempo)

Перевод: В своем недавнем решении судья Верховного суда мира и справедливости Боготы Александра Валенсия постановила признать «использование колдовства в качестве оружия незаконными вооруженными формированиями в Льянос Орьенталес».

Часто вышеупомянутые божества и герои народной мифологии и суеверий используются для иронического описания современных реалий в качестве сравнения или метафоры, при этом их экспрессивно-оценочный потенциал возрастает. Зачастую авторы используют героев городских легенд и преданий для иронического высмеивания сложившейся ситуации, например:

Mientras tanto, las sombras invaden extensas áreas urbanas. Hay calles, parques y callejones tenebrosos, por donde el espanto decimonónico del Sombrerón andaría a sus anchas si no fuera porque les tendría terror a los maleantes. (El Colombiano)

(Между тем, все больше теней заполняют городские районы. Есть целые улицы, парки и сумрачные переулки, по которым с удовольствием разгуливал бы Эль Сомбрерон, гроза девятнадцатого века, если бы не боялся нынешних злодеев.)

В следующем примере автор использует аллюзию на легенду о божестве Бочика, который спас долину Боготы от наводнения, явившись в образе солнца на радуге:

Mientras aparezca un nuevo Bochica, lo más prudente es comenzar desde hoy el dragado del río y hacer uso del estado de excepción para adquirir los predios que faciliten el flujo de las aguas (El Colombiano).

(Пока не появился новый Бочика, разумно было бы начать уже сегодня очистку реки и воспользоваться введением режима чрезвычайной ситуации, чтобы получить доступ к тем владениям, которые могли бы облегчить истечение воды.)

В следующем примере автор саркастически отзывается о существующей власти, которую считает олицетворением зла и призывает идти на выборы, чтобы содействовать изменению ситуации. При этом процесс голосования уподобляется государственному заговору для снятия заклятия:

Con mi cuota útil de votante, voy a participar el domingo en el conjuro cívico nacional para expulsar al Mandinga. (El Colombiano)

(Воспользовавшись моим правом голоса, я в воскресенье буду участвовать во всеобщем гражданском заклинании для изгнания Дьявола.)

Мифология и суеверия составляют неотъемлемую часть национальной культуры. И если в начале они были необходимы для создания некоего образца гармонии порядка, на самом деле очень хрупкой и подвластной стихиям, то сейчас они позволяют проследить формирование концептов

мироустройства, поскольку обобщают практический и социальный жизненный опыт. Тесное сплетение фантазии и реальности, мистическая культура, образно-символическое мировоззрение, свойственные всем мифам и легендам, находят свое отражение в национальном языке. Образность и склонность к олицетворению, которая прослеживается в мифологии, переходит в язык и служит для создания аналогий и сравнений. Поэтому в современном языке Колумбии можно обнаружить использование именованных божеств, героев легенд и верований, и в первую очередь в публицистике, когда автор хочет привлечь внимание читателя за счет метафор, аллюзий и аллегорий.

Литература

Чеснокова О.С. *Колумбия в мире испанского языка: монография*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: РУДН, 2014. 118 с.

Sistema Nacional de Información Cultural. URL: <http://www.sinic.gov.co> (дата обращения: 01.11.2017).

ПОЛИСЕМΙΑ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ

Е.И. Зябкина

РУДН
(Россия, Москва)
kati_z@bk.ru

Карикатура в политическом дискурсе всегда являлась предметом лингвистических исследований и вызывала особый интерес у лингвистов. Начиная с XX века, который ознаменовался поступательным развитием информационных технологий, значительно возрастает роль креолизованного текста, как средства передачи, а также подачи информации, в связи с чем, все больше языковедов посвящают свои работы ее исследованию. Среди российских и зарубежных ученых, занимающихся изучением политического дискурса,

политической карикатуры и креолизованных текстов, есть такие ведущие лингвисты как: Сорокин, Тарасов 1990; Шейгал 2000; Barthes 1964; Kloepfer 1976; Sauerbier 1978.

Политическая карикатура является одним из ярких способов представления субъективной информации (авторской точки зрения) в прессе, в глобальной сети интернет и относится к типу креолизованных или семиотически осложненных текстов. Согласно Ю.А. Сорокину и Е.Ф. Тарасову, креолизованные тексты — это «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990]. Будучи креолизованным текстом, состоящим из вербального и иконического компонентов (по Анисимовой), политическая карикатура использует определенный набор инструментов для реализации авторской интенции.

В иконическом компоненте большую роль играет цветовое решение, шрифт, а также графические средства, которые объединяются исследователями под понятием «неязыковая основа» [Анисимова 2003].

В вербальном компоненте карикатуры присутствует значительное количество языковых средств для создания образности. Среди множества таких средств особо необходимо отметить следующие: иронию, метонимию, метафору, гиперболу, а также игру слов. Подобные инструменты, помогающие создать образность и наиболее полно передать замысел автора, обычно присущи литературным текстам художественного характера и, что более важно, крайне редко могут быть замечены в текстах другой направленности.

Тем не менее, стоит отметить, что креолизованный текст, как жанр, неотъемлемой частью которого является и карикатура в том числе, можно рассматривать как некое исключение из правил. Объяснением данному исключению

могут послужить функции, заложенные в основу, а именно: привлечение внимания читателя и, конечно же, создание, а также достижение юмористического эффекта.

Как уже было сказано ранее, литературно-стилистические средства реализации образности, в частности — игра слов или каламбур, являются неотъемлемо частью создания образности в политической карикатуре.

Определение слова *каламбур* (франц. *calembour*) многие этимологи трактуют по-разному. Согласно работе В.З. Санникова, «каламбур — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова, либо разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию» [Санников 1995].

Каламбур, или игра слов является сопряженным понятием полисемии. Используя данный инструмент реализации образности, создается комический эффект, за счет которого карикатура не воспринимается как нечто неприличное или даже грубое, а совсем наоборот, как нечто достойное и остроумное в хорошем смысле этого слова.

Рассмотрим пример игры слов в английской политической карикатуре на рисунке 1:

Рис. 1. Don't shoot! Не стреляй! (Не снимай!) (перевод наш Е.З.)

В центре данной карикатуры изображен полицейский, который направляет свое оружие на толпу беззащитных граждан. В это же время позади полицейского стоит корреспондент из средств массовой информации, который в свою очередь направляет на людей камеру. Реплика *don't shoot* исходит одновременно от представителя полиции и от безоружных мирных граждан. В данном примере именно полисемантический характер лексической единицы *shoot* и является основой игры слов, так как, согласно словарю Ю.Д. Апресяна, она может означать 2. 1) стрелять; вести огонь; 12. 1) снимать кино, производить съемки.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что политическая карикатура является неотъемлемой частью понятия креолизованного текста, а инструментарий для достижения образности в политической карикатуре призван создавать юмористический эффект и одновременно привлекать внимание реципиента. Таким образом, игра слов, или иными словами, каламбур — это частое и абсолютно распространенное явление как в политической карикатуре, так и в политическом дискурсе в целом.

Литература

Анисимова Е.Е. О цельности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // *Филологические науки*. 1996. №5.

Анисимова Е.Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)* / Е.Е. Анисимова. М.: Академия, 2003 . 128 с.

Апресян Ю.Д. *Новый большой англо-русский словарь*. Том 3. Русский язык, 1993. 2483 с.

Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // *Речевое общение: Специализированный вестник* / Краснояр. гос. ун-т; Под редакцией А.П. Сквородникова. Вып. 3 (11). Красноярск: Красноярский университет, 2000.

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. №1. С. 213–220. URL: <http://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/15412> (дата обращения: 01.11.2017).

Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // *Вопросы языкознания*. № 3. 1995. С. 59.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции // *Оптимизация речевого воздействия*. М., 1990.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПОГОДА» В КАНАДСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

А.Ю. Ильина, М.Е. Куприянова

РУДН

(Россия, Москва)

anna_iljina2003@mail.ru

В 1753 году писатель и философ эпохи Просвещения Вольтер охарактеризовал Канаду как «страну, покрытую снегом и льдом восемь месяцев в году».

Двумя столетиями позже появилась шутка, что Канада — это девять месяцев зимы и три месяца неподходящей погоды для катания на коньках. Недаром первых поселенцев, которым удалось выжить в непривычном холодном климате Канады, называли *l'hivernants* — зимующие (фр.). Действительно, именно суровый климат стал визитной карточкой этой страны, а лексические варианты вербализации концепта «погода» — характерной чертой канадского национального варианта английского языка.

По справедливому утверждению В.А. Масловой, «концепт — это ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения

— совокупность языковых средств (лексических, фразеологических, и др.). Концепты — это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно представить данную культуру» [Маслова 2007:37].

В силу географических условий в Канаде представлены четыре времени года со всем разнообразием погодных явлений. Поэтому в канадском национальном варианте английского языка множество слов и словосочетаний, описывающих канадскую, временами «капризную», погоду. Эти лексические единицы являются неотъемлемой частью языковой картины мира канадцев и представляют лингвокультурный портрет страны в целом.

Рассмотрим наиболее яркие из них.

1. Общее описание погоды:

— *Open and shut day* — облачно, временами с прояснением;

— *Mauzy* — влажно и облачно;

— *Snotty* — сыро, незначительные осадки;

— *(the) old woman's plucking her geese today* — устойчивое выражение, описывающее крупные снежные хлопья по аналогии с пером птицы, которую ощипывает хозяйка;

— *A day not fit for a fence post* — очень плохая погода, не хочется выходить на улицу, даже «столбы изгороди не выдерживают» ненастья.

2. Смена времён года:

— *Carnaval* — самый крупный зимний карнавал, устраиваемый в Квебеке с 1894 года в конце января начале февраля, длится 17 дней.

— *Winterlude* — в Онтарио устраивают праздник зимних видов спорта в начале февраля, демонстрируя близость окончания зимы и готовность встречать весну.

— *Reading Week* — недельные каникулы в канадских университетах в конце февраля — начале марта. В это время

одни студенты наверстывают упущенное, а другие улетают в теплые края или едут домой к родителям.

В США это же время называется *Spring Break*.

— *March Break* — недельные каникулы в канадских школах. Погода в начале марта ещё неустойчивая, но для многих это время знаменует конец зимы.

— *Toonyk Time* — весенний фестиваль, проводимый в северной провинции Нунавут, в городе Икалуит. Инуиты отмечают окончание зимы и темного времени года.

3. Характеристика дождя:

— *Blueberry run* — проливной дождь, сбивающий черничные ягоды;

— *Drash of rain* — внезапный ливень;

— *Gullywater* — сильный дождь;

— *Poor man's fertilizer* — майский дождь, полезный для сельскохозяйственных культур.

4. Описание снега и льда (встречается чаще в Атлантических провинциях):

— *Ballicatter* — глыбы льда, формируемые у берега моря в результате низких температур;

— *Frazil* — вода, покрытая тонким слоем льда;

— *Ice pan* — крупный кусок плавающего льда;

— *Lolly* — небольшие осколки подтаявшего льда;

— *Rotten ice* — весенний непрочный лёд на водоёмах;

— *Silver thaw* — ледяной дождь или ледяная корка после дождя;

— *Slob ice* — тающий лёд;

— *Shurry* — тающий грязный снег. Со временем это определение перешло на полужидкий сладкий напиток кислотного цвета, продаваемый в больших пластиковых стаканах;

— *Farmer's blessing* — снег в мае в провинции остров Принца Эдуарда, приветствуется фермерами, так как освежает урожай. Но, в то же время, звучит как предостережение о мокрой, скользкой дороге для водителей;

По наблюдениям канадских лингвистов, в языках и диалектах северных народов замечено до ста обозначений слова снег, в канадском варианте английского языка наиболее распространены описательные комбинации словосочетаний: *snow storm* — метель, *snow squall* — снежный буран, *snow fall* — снегопад.

5. Описание ветра:

— *Chinook* — теплый сухой летний ветер Прерий, приносит долгожданное повышение температуры;

— *Yoho blow* — сильный ветер, распространен в Британской Колумбии.

Yoho — лексема из языка племени Кри, означающая удивление.

Небезынтересно обратить внимание на разговорные фразы, касающиеся погоды: *Don't like the weather? Just wait five minutes* — этот риторический вопрос можно услышать в Ванкувере и Калгари, где погода особенно переменчива и в течение пяти минут можно застать солнце, облачность, дождь, град.

Not too bad of a day — фраза применима как к исключительно тёплому дню, так и к сдержанному высказыванию о скверной погоде, в значении, что могло быть и хуже. Живя в непростых климатических условиях, канадцам ничего не остаётся, как приспособливаться к неблагоприятному климату и с юмором относиться к испытаниям погодой.

Представленные примеры позволяют сделать вывод, что концепт «погода» является национально значимым и лингвистически маркированным фрагментом картины мира. Особенности словесно-образной репрезентации природных явлений заключаются в использовании метафорических конструкций.

Литература

Маслова В.А. *Введение в когнитивную лингвистику*. М.: Флинта; Наука, 2007. 296 стр.

Telfer Geordie Dictionary of Canadianisms. How to Speak Canadian. Canada: EH Canada Folklore Publishing, 2009. — 352p.

ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» А. НИКИТИНА)⁵

И.С. Карабулатова, Ю.Н. Эбзеева

РУДН
(Россия, Москва)
radogost2000@mail.ru

Сегодня идентичность в контексте глобализации является итогом процесса дифференциации и комплиментарности субъективно-объективных факторов. Сложность процесса идентификации современной транскультурной языковой личности состоит в многослойности параметров идентичности, актуализации социально-политического и культурно-символического наследия [Карабулатова, Эбзеева 2017: 190]. Не углубляясь в дискуссию о самом понятии транскультурной языковой личности, отметим, что мы рассматривали этот феномен ранее более подробно [Карабулатова и др. 2017: 21–64], опираясь на концепцию транскультуры и транскультурного конфликта [Эпштейн 2001; 2007; Бурцева 2008]. Сами границы в пространстве культуры наделены способностью не только разделять, но и связывать, обозначая место встречи разнородных смысловых потоков и рождения новых смыслов. Как образно сформулировал М.Н. Эпштейн, само

⁵ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 17-04-00607.

вступление на границу двух культур сродни переходу от монозвука к стереозвучанию, поскольку позволяет видеть одну культуру глазами другой, и видеть все вещи одновременно объемно как при стереокартинке, сразу двумя глазами. По мысли исследователя, сам эффект билингвизма находится в одной плоскости со стереокино, приобретая фантастический объем при воспроизведении его многомерности [Эпштейн 2001]. Именно М.Н. Эпштейну принадлежит авторство в формулировании термина «транскультура», которая определяется как «сфера культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур. Транскультура преодолевает замкнутость их традиций, языковых и ценностных детерминаций и раздвигает поле «надкультурного» творчества [Эпштейн 2007: 91].

Транскультурная компетентность языковой личности как своеобразная «навигационная система», позволяет индивиду, преодолеть субъективность оценки «своего» и «иногo», занять индивидуальную позицию в диалоге культур. Нельзя сказать, что это новация сегодняшнего дня. Как мы можем проследить на материале хожений, обращение к особенностям другой культуры составляло основу путевых записок странствующих монахов, торговых людей, скитальцев, военного люда и проч.

Сам жанр «хожения» рассматривался неоднократно историками языка и культуры как жанр средневековой русской литературы, реализующейся в форме путевых зарисовок, записок, в которых путешественники (странники, купцы и пр.) описывали свои впечатления о чужих землях, чужой культуре и т.д. [Успенский, электронный ресурс; Алексеев, 2009]. Академический словарь отмечает и другие названия этого жанра («путник», «странник», «паломник», «скаска», «посольство»), указывая, что получил распространение и «не совсем правильный вариант названия

— «хождéние». [Хожение, электронный ресурс]. Самым известным и завершенным литературным произведением этого жанра считается «Хóжение за три моря» Афанасия Никитина.

Мы считаем, что хожения могут представлять интерес и с позиции миграциологии [Денисенко, Ионцев, Хорев 1989]. В настоящее время миграция перестает быть чисто социально-экономическим и правовым феноменом, переходя в сферу лингвистики. Многоаспектный феномен миграции заставляет исследователей анализировать миграционные процессы с разных сторон. Сегодня ученые выделяют от семи до семнадцати основных подходов к изучению миграции: демографический и социологический, исторический и юридический, психологический и философский, экономический и политический.

Исследователи миграционных процессов относят торговую, учебную и паломническую миграцию к временной или маятниковой миграции [Денисенко, Ионцев, Хорев 1989: 64]. В этом аспекте хожения представляют собой пример интроспекции участников временной и/или маятниковой миграции. Жанр хожения позволяет проанализировать изменения в языковой и речевой картине мира, увидеть трансформацию самосознания автора в контексте аккультурации (вторичной социализации) и инкультурации (символизации «чужой» культуры). Например, купец А.Никитин держал пост месяц, в то время как православный пост длится 48 дней, чего он не мог не знать. Этот факт также свидетельствует о трансформации «своей» картины мира мигранта и встраивания в нее сведений о «чужой». Так, А.Никитин «сочетал» православную и мусульманскую практику, воздерживаясь от мяса, как это было обычно для него во время Великого Поста, и в то же время следуя мусульманскому обычаю праздника Рамадана (пост в течение месяца) отказываясь от дневной трапезы в течение месяца. Его поведение служит яркой иллюстрацией процесса

сосуществования в рамках вживания в инокультуру «своих» и «чужих» стереотипов, освоения новых моделей интеракции в речевом сознании мигранта. Смешение этноконфессиональных стереотипов в поведении А.Никитина впоследствии вызвало ожесточенные споры среди исследователей относительно вероисповедания купца [Успенский, электронный ресурс].

Смешанное социальное поведение нашло отражение и в трансформации вербального поведения А.Никитина. Наличие мусульманской молитвы на арабском языке (так называемой «шахады») в тексте «Хожения за три моря», а также одномоментное присутствие краткой православной молитвы на правильном церковнославянском языке, является дискурсивным маркером перехода оппозиции «свой-чужой» в оппозицию «свой-другой». Так, А.Никитин пишет по-русски, что он «молился... Богу вседержителю, кто сътворилъ небо и землю, а иногo... не призывал никоторо имени», затем он переходит к молитве с арабскими вставками следующего содержания: «Богъ олло, Богъ керимъ [милостивый], Богъ рахымъ [милосердый], Богъ худо [Господь], Богъ акъберъ [великий], Богъ царь славы, олло варенно, олло рагымелло, сеньсень олло ты [Аллах жив, Аллах, Ты милосерд, Ты, о Ты, Аллах]» [Никитин 1986: 21].

Коммуникационный прогресс оказывает трансформирующее влияние на бытие как отдельного индивидуума, так и общества в целом, становясь одной из наиболее важных государственных проблем, поскольку разнообразная реализация современного человека взаимообусловлена конфликтогенными ситуациями в целом [Ларина 2009]. Смесь церковнославянского и арабского языков иллюстрируют процесс формирования личностной идентичности купца А.Никитина, условием которой является совместное освоение членами общества символического мира [Успенский, электронный ресурс].

Транскультурная языковая личность получает свою актуализацию при размывании границ языков и культур, повсеместных явлений интерференции и даже некой социальной моды на смешанное языковое поведение. При этом включения иноязычных слов в ткань повествования «Хождения» свидетельствуют, с нашей точки зрения, что эти вкрапления выполняют функцию маркеров «чужой» для мигранта культуры, негативное отношение к которой показывает, что процесс социализации, приобщения к ценностям и нормам «чужой» культуры пока только начался, она еще не стала «другой». Можно сказать, что автор пребывает в состоянии культурного диссонанса, шока. За транскультурностью скрываются такие динамические процессы как формирование и развитие активного сознания, расширение языковой картины мира [Карабулатова и др. 2017: 35].

Показателем успешной социализации можно считать трансформацию «свой-чужой» в оппозицию «свой-другой». Дискурсивным маркером такого перехода можно считать, прежде всего, искренность, с которой Афанасий Никитин говорит о конфликтной ситуации, в которой он оказывается волею обстоятельств. Здесь мы имеем в виду так много раз обсуждавшуюся учеными смену семиотического кода текста, когда автор оказывается в новой системе координат мусульманского мира и вынужден сделать предельно сложный личный выбор между православием, от которого оторвался, и исламом. Поэтому следует признать, что в процессе вторичной социализации мигрант А. Никитин не приобрел другую идентичность (мусульманскую), он не перешел из православия в мусульманство, как считают отдельные исследователи [Алексеев 2009], а освоил и приобрел новые способы интеракции в новом социуме, новые социокультурные роли в новых дискурсивных условиях инокультурной среды. Подтверждение этой гипотезы может быть найдено в пространном описании того

отчаяния, которое испытал Никитин после встречи с мусульманским правителем. Автор записок бичует себя за то, что не сумел исповедать своего христианства: «Горе мнѣ, окаанному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю уже самъ пойду. Господи Боже вседержителю, творецъ небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко скорбь близъ есмь» [Никитин 1986: 26]. Важно отметить, что факт потери временной ориентации по «своему» календарю и ориентации по мусульманскому свидетельствует о процессе трансформации национальной картины мира А. Никитина в сторону встраивания в нее сведений о «чужом» [Никитин 1986: 103].

Никитин завершает эту необыкновенную молитву, настаивая на том, что он не отрекся от христианства. Приведенные выше слова звучат как последний крик отчаяния и протеста перед жестокой неизбежностью. С этого момента Никитин обращает все свои молитвы только к Богу, который не может не отождествляться с Аллахом. Он исповедует, что «Маметь дени иариа, а растъ дени худо доносит (Мухаммедова вера праведна) — а правую вѣру Богъ вѣдаеть. А праваа вѣра Бога единаго знати, имя его призывати на всякомъ мѣстѣ чистѣ чисту» [Никитин 1986: 29]; что Мухаммед есть «посланец Бога» [Никитин 1986: 31], что Иисус Христос есть «дух Аллаха» [Никитин 1986: 17]. Последнее утверждение противоречит основному православному догмату, согласно которому Отец, Сын и Святой Дух триедины, Отец есть начало, ни от кого не рожденный и ни от кого не исходящий, Сын рожден от Отца, а Святой Дух от Отца исходит. Это утверждение отражает вместе с тем мусульманское учение о том, что Иисус был пророком, принесшим благовествование и поддерживаемым духом Аллаха. Скептики могут возразить, что Афанасий Никитин пользовался иностранными языками для описания чего-то иностранного, но это не так. Напротив, говоря о дальних странах, Афанасий Никитин в основном пользуется

русскими словами. Зато, вспоминая о России, он часто переходит на тюркский или арабский язык. Таким образом, транскультурная компетентность является содержательной стороной процесса развития личности, тогда как социальная креативность внешним ее проявлением.

Перечисляя виденное в разных странах, Никитин наконец с особо теплыми чувствами вспоминает о Руси (Урус), заканчивая это перечисление молитвой о Русской Земле. С самого начала этой молитвы он переходит с русского языка на тюркский: «Да Подольскаа земля обилна всем; (...) Олло [Бог — И.К., Ю.Э.], худо [худо, кудаы «бог, господь» — И.К., Ю.Э.], Бог, Бог даньгры [даньгры «небесный» — И.К., Ю.Э.]» [Никитин 1986: 581].

Не только возрастающая пропорция восточных молитв сравнительно с церковнославянскими, но также и характер этих молитв и условия, в которых эти молитвы произносятся, показывают, что Афанасий Никитин постепенно принял ислам отнюдь не только как видимость, а как другую систему культурных знаков. Перед нами, по сути, процесс смешения, или гибридизации культурных, национальных идентичностей в языковой картине мира мигранта-купца Никитина. Столкновение культурных стереотипов Никитина в результате миграции — сложная форма, так как связь купца с прежней культурой осуществляется только в его памяти и воображении или опосредованно, через следование обычаям, традициям в еде, одежде и т.д.

Литература

Алексеев П.В. Мусульманский код «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // *Мир науки, культуры, образования*. 2009. №3 (15). С.70–74.

Бурцева Ж.В. *Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности* : Автореф. канд. филолог. наук. Якутск, 2008.

Денисенко, М. Б., Ионцев В.А., Хорев Б.С. *Миграциология*. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.

Карабулатова И.С., Эбзеева Ю.Н. Транскультурная личность в миграционных процессах Таможенного союза // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 5. С. 189–195.

Карабулатова И. С., Камал Набилъ Ибрагим, Ал-Саати Ахмед Абдулрахман, Ахметова Б.З., Ал-Мулла Махмуд Ахмед, Карабулатова А. С., Галиуллина С.Д., Эбзеева Ю.Н., Дубинина Н.В., Ким Л.И., Ракишева Г.М., Сейдина М.З., Котик К.Н., Коберси Искандар Сулейман. *Современная транскультура в эпоху глобализации: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия*. М., Манама, Уфа, Кокшетау, Ростов-на-Дону, Бейрут: Изд-во УГНТУ, 2017. 256 с.

Никитин А. *Хождение за три моря Афанасия Никитина* / Подгот. изд. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова. Л., 1986. 581 с.

Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Успенский Б.А. *Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина)*. URL: http://ec-dejavu.ru/j/Journey_Russia.html (дата обращения 26.10.2017).

Хождение // Академический словарь. [Электронный ресурс]: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/577429> (дата обращения 25.10.2017).

Эбзеева Ю.Н., Тутова Е.В. Проблема переключения языковых кодов и языковые контакты // *Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность*. 2012. №2. С.138–144.

Эпштейн М. *Амероссия. Двукультурие и свобода. Речь при получении премии «Liberty»*. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/epsh.html> (дата обращения 08.06.2017).

Эпштейн М.Н. *Транскультура и трансценденция // Только уникальное глобально: Личность и Управление. Культура и Образование*. СПб.: СПбГУКИ, 2007. С. 90–102.

**ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ *ESPAÑA*
И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ В КОНТЕКСТЕ
«КАТАЛАНСКОГО КРИЗИСА 2017 Г.»**

Ю.А. Карпова

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
karпова_tama@mail.ru

Представление об Испании как о полиэтническом и мультикультурном государстве является общим местом в современной гуманитарной науке. Тем не менее сосуществование в рамках одного государственного объединения жителей 17 автономных областей, носителей 4 официальных языков, представителей разнообразных культурных традиций просто не может не порождать многочисленные противоречия и разногласия. И одним из наиболее актуальных и драматических примеров подобных конфликтов является так называемый «каталонский кризис 2017», а именно требование значительного числа каталонцев о предоставлении им права на «самоопределение», которое было высказано на референдуме 1 октября 2017 года. Конфликт между народом Каталонии (*els catalans, el poble catalan*) и государством Испания (*Estat Espanyol*), как принято его называть в каталонских средствах массовой информации, имеет долгую историю, но ситуация, которая сложилась на сегодняшний день, является беспрецедентной. Никогда прежде последствия конфликта не имели настолько всеобъемлющий характер: все испанские граждане разделились по принципу «за/против».

Интересно проследить, каким образом политкорректные и объединяющие понятия «Espana» и «espanyol» приобрели непопулярные, негативные коннотации, а административный термин «Estado Espanol» воплотил представления о чем-то враждебном и одиозном.

Топоним *España* не является исконным названием этого региона. Римляне, впервые ступившие на Пиренейский полуостров в III в. до н.э., называют свою новую провинцию HISPANIA, позаимствовав это наименование у Карафагена, а тот, в свою очередь, у финикийцев. Последние дали этим землям наименование *i-spn-ya*, которое трактуют по-разному («земля, богатая кроликами», «северная земля», «земля, где добывают металлы»). Получается, что будущую Испанию называют «чужим, иностранным» словом, вопреки сложившейся традиции называния территорий: по наименованию народов ее населявших (Франция — франки, Италия — италики) или по географическому признаку (Иберия — от IBERUS). Уже во времена вестготского королевства лексема HISPANIA начинает обозначать не только географическую, но и некую политическую общность:

«Tú eres, oh España, sagrada y madre siempre feliz de príncipes y de pueblos, la más hermosa de todas las tierras que se extienden desde el Occidente hasta la India. Tú, por derecho, eres ahora la reina de todas las provincias, de quien reciben prestadas sus luces no sólo el ocaso, sino también el Oriente» [San Isidoro de Sevilla 1975: 169].

После арабского завоевания вместе с обломками вестготского королевства был на время погребен образ этой благословенной и славной Испании.

Существует традиционный стереотип, что испанский национальный дух закалился и сформировался во время Реконкисты. Изначально разобщенные, враждующие между собой королевства севера укрепляют свои позиции, объединяются перед лицом общей опасности. Для окончательного объединения Испании было необходимо общее знамя, единая святыня. В 818 году в Галисии были чудесным образом обретены мощи апостола Иакова Зеведеева. Святой Иаков становится символом Реконкисты (*Santiago y cierra España!* — боевой клич христиан).

В Средние века не существовало единого наименования для языка, родившегося в горах Кантабрии, там, где около IX века появляется новая территориальная общность — Кастилия. Вплоть до XIII века к лаконичному *romance* требовалось пояснение и уточнение: *romance castellano*, *romance/lenguaje de Casti(e)lla*. К концу XIII века лексема *castellano* начинает употребляться как существительное и становится синонимом выражения *lengua vulgar* в отличие от *latin culto*. Во французских текстах этого времени встречается существительное *espaingnol*: так называют язык, на котором говорят на севере и в центральной части Пиренейского полуострова. При этом в обширном корпусе произведений Альфонса Мудрого только один раз встречается лексема *espannol* и несколько раз *lenguaje de España*.

Это преждевременное для испанского Средневековья наименование обретает более закономерное значение и начинает активно употребляться на рубеже XV-XVI веков, своеобразным образом иллюстрируя известный тезис о том, что язык всегда идет рука об руку с империей и в период наивысшего ее расцвета, и в период ее заката: «*Siempre la lengua fue compañera del imperio de tal manera lo siguió: que juntamente comenzaron, crecieron, florecieron...*» [Сулимова 2005: 26].

Кастильский становится своего рода *lingua franca*, все народы полуострова, общаясь на нем, могли понимать друг друга. Но если термин *castellano* воспринимался «некастильцами» с неким предубеждением, даже ревностью, то *español* примирял всех, отсылая к далекому римскому и вестготскому прошлому. Нейтральным и «политкорректным» является также название *España*.

После окончания эпохи правления Изабеллы и Фердинанда Католических, объединивших под своим скипетром Кастилию и Арагон, начинается эпоха Габсбургов, которая открывается восхождением на престол

Карла I (1516), а заканчивается смертью Карла II (1700). Последний Габсбург не оставил наследников, что спровоцировало начало войны за испанское наследство и последующее воцарение Бурбонов.

Однако в начале этого периода Испания достигла пика своего могущества: одновременно с Великими географическими открытиями закладывается фундамент испанской государственности. Карлос I не только правил самой обширной территорией за всю историю Испании, но и осуществил давнюю мечту своих предшественников, провозгласив себя в 1519 году императором Священной Римско-Германской Империи. В это время испанский язык вполне мог претендовать на то, чтобы стать единым дипломатическим и политическим языком для многих европейцев. В своем известном обращении Папе Римскому и другим высокопоставленным иностранным гостям Карлос I говорит: «*Señor, entiéndame si quiere, y no espere de mi otras palabras que de mi lengua española. La que es tan noble que merece ser sabida y enredada de toda la gente cristiana*» [Сулимова 2005: 36].

Но уже во второй половине XVI в. и далее в XVII, XVIII и XIX вв. в Испании начинается длительный период упадка, обусловленный экономическим спадом, неудачными военными кампаниями, гражданскими войнами, потерей колоний, кризисом монархии и т.д. В начале XX века Испания — страна-банкрот, а испанское общество переживает глубокий кризис. Среди интеллектуалов появляется новое обозначение *Ser de España*, которое ляжет в основу полемики о национальной идентичности, продолжающейся и по сей день. XX век связан с целой чередой потрясений и изменений: *España monárquica*, *España republicana*, *España franquista*, *España de Transición*, *España democrática*.

Если говорить о современном положении дел, важно понимать, что для многих каталонцев, которые 1 октября

проголосовали за отделение, лексема *España* напрямую ассоциируется сейчас с действиями правительства Мариано Рахоя, которые они считают несправедливыми, далекими от демократических. Для них еще живы воспоминания о «единстве» Испании времен Франко, достигнутом репрессиями и запретами, еще звучит одиозный лозунг: «*Qué viva España*». Многие уроки истории не были усвоены до конца. Об этом пишет А. Перес-Реверте: *Si esas responsabilidades corresponden a la sociedad catalana, el resto de España es tan culpable como ella. Lo fueron quienes, aun conscientes de dónde estaban los más peligrosos cánceres históricos españoles, trocearon en diecisiete porciones competencias fundamentales como educación y fuerzas de seguridad. Lo es esa izquierda que permitió que la bandera y la palabra España pareciesen propiedad exclusiva de la derecha, y lo es la derecha que no vaciló en arropar con tales símbolos sus turbios negocios* [Pérez-Reverte 2017].

Литература

Сулимова Н.Г. *История развития испанской грамматической мысли (XV–XIX вв.)*. М., 2005. 332 с.

Historia de los Godos, Vándalos y Suevos de San Isidro de Sevilla. Trad. de Rodrigo Alonso. León, 1975. Pp. 169–171.

Penny R. *Gramática histórica del español*. Barcelona, 1998. 365 p.

Pérez-Reverte A. *España es culpable*. URL: <https://www.zendalibros.com/espana-es-culpable/> (дата обращения: 01.11.2017).

**ПРОЯВЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА *МОНО-НО АВАРЭ*
В ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
«ГЭНДЗИ МОНОГАТАРИ»)**

Ю.А. Ким, А.Д. Левшиц, Д.В. Накисбаев

РУДН
(Россия, Москва)
4mi2mi@gmail.com

В эпоху Хэйан отличительной чертой культуры стало проникновение в суть всего через чувство, через переживание красоты, идущее от буддизма ощущения иллюзорности, эфемерности мира, поэтому переживание красоты было лишено жизнерадостности. Красота ощущалась как едва уловимая, преходящая, готовая в следующий миг бесследно исчезнуть. Любование прекрасным как эмоциональное отношение к миру, соединенное с буддистской идеей бренности и иллюзорности бытия, послужило основой для появления такой категории хэйанской эстетики, как *моно-но аварэ* (печальное очарование вещей). *Моно* — это вещь в самом широком смысле, все явления этого мира, которые способны вызвать восторг с оттенком беспричинной грусти, ощущение прекрасного. Облако, одинокое дерево, птица, горный пейзаж, человек или цветок — все может открыть глаза души [Малявин 1987: 18].

«Очарование вещей» и есть состояние подвижной гармонии между чем-то внешним, что притянуло взор, и внутренним — проснувшейся душой.

Эстетическая традиция требовала от любого деятеля искусства побороть соблазн какой бы то ни было броскости, поверхностной привлекательности и показывать свое искусство, скрывая его, быть убедительным без стремления убедить. В этот период понятие «очарование вещей» было частью жизни придворной знати и не рассматривалось как

философский принцип эстетики. Период сравнительно мирного существования централизованного японского государства ознаменовался невероятным всплеском культурной жизни, протекавшей главным образом в столице — великолепном Хэйан-кё.

Таким образом, японская поэзия и тексты воспроизводились как клише, что способствовало закреплению традиционности и образного строя японской литературы.

Еще Мотоори Норинага в своем знаменитом комментарии к роману «Гэндзи моногатари» выдвинул положение о том, что *моно-но аварэ* есть сущность прозы. Он пишет: «Бывает так: что дурно в обычных (т.е. конфуцианских) книгах, хорошо в поэзии и прозе. Бывает наоборот... Представления о хорошем и дурном изменяются в зависимости от эпохи. Для конфуцианства и буддизма дурно, когда человек действует по велению собственного сердца, хорошо, когда он подавляет это веление... Такое понятие о добре и зле неприемлемо для литературы, в которой хорошо то, что соответствует человеческой природе, и наоборот, дурно то, что противоречит ей. Печалиться в горе, веселиться в радости означает жить согласно природе и *моно-но аварэ*. Человек, подавляющий свое чувство, не знающий «очарование вещей», равнодушен к человеческим горестям и печалям... Литература доводит до читателя суть *моно-но аварэ*» [Рехо 1977: 13].

Роман «Гэндзи моногатари» был создан на рубеже X-XI веков. Этим произведением его автор — Мурасаки Сикибу — завоевала себе славу самой великой японской писательницы. С одной стороны, произведение является крупнейшим памятником эпохи Хэйан, когда происходило становление основ национальной культуры и стремительное развитие всех литературных жанров, а с другой — первым произведением в японской литературе, где читатель встречает серьезные рассуждения о жизни, цели жизненного

пути. Сюжет «Гэндзи моногатари», как и другие *моногатари* (разговор-воспоминание, рассказ о разных предметах и событиях), строится в первую очередь на череде любовных походов, но тематика этого романа выходит далеко за рамки показа любовных переживаний. Произведение детально описывает жизнь хэйанского общества: читатель узнаёт о взглядах этого общества на религию, природу, искусство, литературу и т.п. Исследователи отмечают, что почти все японские писатели после Мурасаки Сикибу применяли многие художественные приемы, открытые автором, хотя и не достигли ее совершенства [Кавабата 1971: 396].

Важным элементом «Гэндзи моногатари» является поэзия. Герои часто обмениваются литературными посланиями, которые во многом и создают атмосферу произведения. В романе преодолевается свойственная литературе того времени фрагментарность и сказочная стихия, героям свойственна психологическая мотивированность поступков. Принц Гэндзи, главный герой романа, показан в вихре любовных увлечений, но, кроме любви, его жизнь — это карьера и ссылка, дружба и предательство, потеря близких.

В эпоху Хэйан окружающий мир, в том числе мир природы, воспринимался через призму синтоистских, буддийских, конфуцианских, даосских и прочих представлений [Соколова-Делюсина 2010: 46]. Так, мир природы был ценен не сам по себе, а как объект эстетического и философско-этического переживания. Эстетическая ценность тех или иных природных явлений закреплялась поэтическими антологиями. В «Гэндзи моногатари» нет развёрнутых описаний природы, однако всякая местность соотносилась в те времена не столько со своим действительным обликом, сколько с неким живописным и поэтическим образом.

Таблица №1. Примеры сезонных лейтмотивов из произведения «Гэндзи моногатари»:

«В пышном цветенье
Сметались цветы, и не знаю,
Какой предпочесть?»

Все ж ни один из них
С “вечным летом” не может
сравниться. (14)»

[Мурасаки Сикибу 1991: 24]

«Сверчок-колокольчик
Звенит и звенит не смолкая
В этой долгой ночи.
А из глаз моих слезы
Все льются и льются... (22)»

[Мурасаки Сикибу 1991: 8]

«Ветра нежный порыв
Надежду вселяет, но все же
Слишком низко растет
Мискант, и, покрытые инеем,
Поблекли, сжались листы...»

[Мурасаки Сикибу 1991: 59]

«Пусть с его лепестков
На рукав скатились росинки,
Все равно не могу
Смотреть неприязненным взором
На нежный цветочек гвоздики. (57)»

[Мурасаки Сикибу 1991: 104]

«Но скоро луна зашла.
Лик осенней луны
Даже здесь, в Обители туч,
От слез потемнел.
Так может ли быть он светел
В доме, заросшем травой?»

[Мурасаки Сикибу 1991: 9]

«Под утренним солнцем
Тают сосульки под крышей.
Отчего же, скажи,
По-прежнему скована льдом
Земля у нас под ногами?»

[Мурасаки Сикибу 1991: 93]

«Когда бы смогла
Взором смотреть
беспристрастным
На этот цветок,
Ни единой росинки тревоги
Не проникло бы в сердце мое...»
[Мурасаки Сикибу 1991: 112]

«Высоко, журавль,
Ты летаешь, с тучами рядом,
Оттуда с небес
Ты взгляни и увидишь — чист я,
Как этот весенний день...»
[Мурасаки Сикибу 1991: 181]

Осень — пора печали, сверчков, «любования красными листьями», предстоящего холода. Зима — снег, ветер, затишье перед бурным расцветом. Весна — период возрождения, «любование сакурой», а лето — буйство красок, жары и дождей. Время разворачивается в постоянстве возвращений и повторений на фоне бесконечной изменчивости. Его рамки — один год (*хитотосэ*), чередование времён года; подобно этому, происходит движение человеческого мира. Люди уходят и возвращаются, на смену одним приходят другие. В рамках одного годового цикла продолжается действие романа.

В более ранние эпохи понятие *аварэ* обозначало безыскусно-простодушное удивление, рождавшееся в душе человека при виде окружающих предметов и явлений. Это было прямое и ясное чувство, пронизанное ощущением вечности. В эпоху Хэйан в понятии *аварэ* появился печально-трагический оттенок, оно стало выражать ощущение мимолётности бытия и неотвратимости увядания. Посредством *аварэ* постигается сущность *моно*, вещи, лишенной облика. *Моно-но аварэ* — во внезапном постижении взаимосвязанности, взаимообусловленности природы и человека, внутренней подчинённости всего сущего высшим законам судьбы. Дух *моно-но аварэ* лучше, чем где-либо, выражен в хэйанских *моногатари* и, прежде всего, в «Повести о Гэндзи».

Литература

- Боронина И.А. *Классический японский роман*. М., 1981.
- Горегляд В. Н. *Японская литература VII–XVI вв.* СПб., 1997.
- Григорьева Т.П. *Японская художественная традиция*. М., 1979.
- Конрад Н. И. *Японская литература*. М., 1991.
- Малявин В.В. *Традиционная эстетика в странах Дальнего Востока*. М., 1987
- Мастера современной прозы. Япония. Ясунари Кавабата Тысячекрылый журавль. Снежная страна.* Новеллы, рассказы, эссе. М., 1971.
- Мурасаки Сикибу *Повесть о Гэндзи*. В 4-х книгах. М., 1991
- Рехо К. *Современный японский роман*. М., 1977.
- Скворцова Е. *Япония: философия красоты*. М., 2010.
- Скворцова Я.Л. *Современная японская эстетика*. М., 1996.
- Соколова-Делюсина Т.Л. *Повесть о Гэндзи в 3 т.* СПб., 2010.

ПАРАТЕКСТ В ТРИЛОГИИ Ж. РУО «ПОЛЯ ЧЕСТИ», «ЗНАМЕНИТЫЕ ЛЮДИ», «МИР НЕ В ФОКУСЕ»

Ю.А. Косова

РУДН
(Россия, Москва)
uakossova@mail.ru

Заглавия трех частей трилогии «Поля чести», «Знаменитые люди», «Мир не в фокусе» Ж. Руо вписывают их в широкий историко-культурный контекст. Тем не менее, писатель обманывает ожидания читателей на «возвращение» всеохватывающего историко-психологического повествования: действие романов сосредоточено в департаменте Нижняя Луара, состав персонажей ограничивается членами семьи рассказчика и почти не изменяется от романа к роману, а само повествование представляет собой монтирование в форме пазла

разрозненных фрагментов биографий проблематичным наследником, которому отсутствующее прошлое не дает покоя. Создается впечатление, что трилогия Ж. Руо строится на диссонансе между широким паратекстом и самим текстом, укорененном в провинциальной действительности и автобиографическом материале. Однако разрабатываемая писателем эстетика «двойного взгляда» выявляет более сложные паратекстуальные связи.

Заглавие первого романа Ж. Руо «Поля чести» позволяет читателю отнести его к жанру исторического романа, герои которого изображаются как активные участники крупных исторических событий. Во французском языке литературное выражение «поля чести» (*champs d'honneur*) означает «поле боя» и порождает положительные коннотации. Роман, казалось бы, вписывается в патриотический дискурс прославления героев, погибших на полях сражений во имя Родины. Однако адские видения массовой гибели солдат во время Первой мировой войны, оказавшихся беспомощными и бездейственными перед появлением нового усовершенствованного оружия, например, отравляющего газа, возникают только на последних страницах романа, в котором речь идет о жизни простых провинциалов — предков автора. Кроме того, патриотический подтекст разрушается нагромождением апокалиптических картин смерти. Из сложного переплетения аллюзий на «Ад» Данте и на «Откровение Иоанна Богослова» рождается образ Франции как корыстной, бесплодной и кровожадной волчицы (*louve menstruelle*), торжественно шествующей, подобно вавилонской блуднице, по залитой кровью стране и убивающей невинных людей. Аллюзия на «Ад» Данте высвечивает причину массовой жертвы солдат: их сгубила алчность Родины-матери, замаскированная под «патриотическую идею спасения».

Выражение «поля чести» появляется в романе один раз в названии молельных, памятных карточек с изображением

распятого Христа и перечислением пострадавших областей Франции и Европы, в которые нужно было вписать имя погибшего родственника. Это свидетельство трагического прошлого семьи, найденное случайно на чердаке дома, воскрешает перед рассказчиком и его сестрами мрачные фантомы войны, снимает завесу молчания с семейной тайны о гибели двух братьев деда. Наряду с другими вещами, принадлежащими ушедшим из жизни родственникам, памятный формуляр занимает свое место на буфете в центре кухни. Совокупность объективных свидетельств прошлого образует «место памяти» — проекцию военных мемориалов — в микрокосме семьи и служит напоминанием о трагедии вдов, сирот и женщин, не познавших радости материнства. Ироническое использование выражения «поля чести» позволяет писателю развенчать «республиканскую идею спасения», разрушить ложный патриотический дискурс.

Благодаря эстетике «двойного взгляда», заглавие романа тем не менее можно трактовать по-другому. Писатель воздает долг памяти своим предкам, молчаливым и безвестным деятелям истории, которые представлены как герои повседневности. Бунт героев Ж. Руо против несправедливого миропорядка порождает ассоциации с Сизифом Камю, бросающим вызов законам мироздания. Дед Бюрго и тетя Мари с одинаковым упорством и мужеством сопротивляются монотонности и пустоте жизни, стремятся стать творцами своей судьбы в тех рамках, которые им предоставила историческая и социальная действительность. Роман «Поля чести» — это критическое размышление о судьбах простых французов первой половины XX века, на долю которых выпало не только умирать на полях сражений двух мировых войн, но и в обыденной жизни жить с осознанием того, что не являешься «хозяином своей судьбы».

Заглавие второй части трилогии Ж. Руо «Знаменитые люди» является не менее двусмысленным. Оно

устанавливает интертекстуальную переключку с произведением Плутарха «Сравнительные жизнеописания знаменитых людей». Однако действие романа происходит в провинции Нижняя Луара, а в центре повествования находится жизнь отца автора, простого провинциала второй половины XX века. Грамматическая форма «*des*» порождает несколько вопросов: «*des*» неопределенный артикль множественного числа или же слитная форма предлога «*de*» с определенным артиклем «*les*», что придает заглавию значение «о», «по поводу» или же включает его в конструкцию «один из»? Как правильно перевести заглавие: «Знаменитые люди» или «О знаменитых людях», «Один из знаменитых людей» или «Имеющий что-то от знаменитых людей»? Ставит ли писатель в когорту знаменитых людей только отца или же речь идет обо всем поколении людей, живших в первой половине XX-го века? Почему употребляется артикль множественного числа, когда известно, что книга посвящена одному отцу, в котором нет ничего от великого человека, если только не рассматривать его образ через сравнение со знаменитыми историческими личностями, мифологическими и литературными героями, например, с Леонардо да Винчи, императором Адрианом, Луи Ламбером, Сизифом, Гераклом и даже с Христом? В этом случае грамматическая форма участвует в создании иронического и гипотетического дискурса, так как указывает на многоплановость фигуры отца, на его потенциальные возможности, которые могли бы реализоваться, если бы не преждевременная смерть родителей и война. Однако образ Жозефа остается незаконченным, неопределенным и вызывающим сомнения автора-рассказчика, который не может получить достоверную информацию ни о жизни, ни о желаниях отца.

Через многосторонний образ Жозефа, сына простых коммерсантов из французской глубинки, участника Сопrotивления, торгового агента в послевоенный период,

режиссера любительского театра, собирателя древних камней, Ж. Руо раскрывает изменение самого понятия героизма в XX-ом веке. Жозеф — герой повседневности, усилия которого направлены не на решение геополитических задач и переустройство мира, а на создание связей между людьми, то есть коммуникационного пространства — единственно возможного поля деятельности для современного «знаменитого человека».

Третий роман Ж. Руо «Мир не в фокусе» является собственно автобиографией. Рассказчик, неуверенный в себе и плаксивый сирота, потомок знаменитых людей, ищет, на каких «полях чести» себя проявить. В изменившемся социально-историческом контексте «поля чести» сводятся до уровня потасовок на футбольном поле, а гамлетовский вопрос «быть или не быть», терзавший его предков, которые, осознавая хрупкость человеческого существования и невозможность выйти победителем из схватки со временем и Историей, приняли все же решение «бороться до последнего», превращается в вопрос зрения — «видеть или не видеть». Очки — главный атрибут героя романа — становятся его оружием, на основе которого он вырабатывает стратегии выживания в мире, вписывающемся в сартровский концепт ада: «Ад — это другие».

На первый взгляд, заглавие вызывает отрицательные коннотации, так как история философской мысли, начиная с эпохи Просвещения, приучила к превосходству разума, ассоциирующегося со светом. Хорошее зрение, которого лишен герой Ж. Руо, является залогом четкого и однозначного видения мира. Однако трагический опыт XX века еще раз свидетельствует о крушении идеи торжества разума и идеологий прогресса. Четкое видение как метафора рационалистического знания вскрывает его слабые стороны и опасность: оно лишает мир и человека загадки, тайны, провозглашает превосходство одного способа мыслить и жить над другим.

«Мир не в фокусе» — это отражение способа мировидения и художественной манеры письма автора, в основе которых лежит принятие инаковости, эстетика флуктуации и размытых форм. Испытав три стратегии выживания, герой романа отказывается от ношения очков — знака интеграции в систему устоявшихся социальных и идеологических норм — и решает быть самим собой, провозглашает идею спасительного тумана, который мешает ясно видеть и возвращает в мир тайну. Благодаря палимпсестной структуре романа, заглавие приобретает положительный смысл возвращения к себе.

Таким образом, амбивалентный характер заголовков трилогии Ж. Руо служит для создания диалогического игрового пространства, в которое активно вовлекается читатель, а также множественности прочтения, соответствующей бесконечной вариативности реальности и точек зрения на нее.

Литература

Rouaud J. *Des hommes illustres*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1993.

Rouaud J. *Le monde à peu près*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1996.

Rouaud J. *Les champs d'honneur*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1990.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОЛОРАТИВОМ «ЗЕЛЕНЫЙ»)

Ж.В. Кургузенкова, Л.В. Кривошлыкова

РУДН

(Россия, Москва)

zhanna-rudn2005@rambler.ru

Компаративное изучение способов обозначения цвета в разных языках — одна из традиционных тем в современной

лингвистике. На примере названий цвета можно убедиться, что даже такое объективное и универсальное для всех людей физическое ощущение, как цвет, в разных языках отражается по-разному, наименования окрасок составляют в каждом языке сложную иерархию. Системы разных языков обнаруживают показательные расхождения, которые касаются как выделения цветов и оттенков, так и способов их обозначения.

Восприятие цветового пространства во многом определяется сложившейся в данном обществе языковой и культурной традицией. Особенности языковой культурной традиции разных народов в области перцепции ряда цветов освещалась нами и ранее [Кургузенкова 2014а; 2014б]. В этой же работе мы затронем вопросы, связанные с видимыми расхождениями в членении различными этносами лингвоцветовой картины мира, что объясняется разным количеством цветообозначений в разных языках.

Объектом настоящего исследования является система обозначений колоратива «зеленый» в двух языках — французском и английском.

Предметом данного исследования является фразеологическое и символическое употребление группы слов — цветообозначений зеленого во французском языке в сравнении с английским в лексико-семантическом плане.

Одно из первых значений, которое приобретает французский колоратив «vert» в составе фразеологических единиц (далее ФЕ), — это «незрелый, неспелый»: fruit vert — недозревший плод; blé vert — незрелые хлеба; les raisins sont trop verts — зелен виноград. Причем в последней ФЕ произошло увеличение семантического объема слова «зелёный» до «неопытный, новичок, зеленый юнец» (молодой человек, еще не знающий жизни). Сходное же значение имеет зеленый цвет (green) и у англичан, вызывая ассоциации с молодостью и неопытностью («молодо-зелено»): «to be (a bit) green» — быть “зеленым”, неопытным,

«green hand» («зеленая рука» — новичок, человек без опыта). Но в случае употребления соматизмов, с колоративом «green» в составе, следует быть предельно аккуратными с «частями тела», так как тот, у кого «зеленые пальцы», считается прирождённым и очень успешным садоводом — «to have green fingers / be green-fingered».

Когда молодой человек не настолько глуп, как могло показаться на первый взгляд, англичане говорят, что он не такой уж и зеленый (be not as green as one is cabbage-looking), хотя если кто-то считается простаком, то окружающие видят «зелень» в его глазах (green in smb's eyes).

Отдельно стоит упомянуть ФЕ, в которых особенно четко прослеживаются положительные коннотации прилагательного «green». Про опытного и зрелого человека скажут, что он в расцвете сил — «in the green»; «green room» — комната отдыха для актеров в театре или для сотрудников в телестудии. В 1991 году с “легкой руки” канцлера казначейства Великобритании Нормана Ламонта стало популярным выражение «green shoots» — зеленые побеги, признаки экономического роста после тяжелого кризиса [Aqñj 2010]. Сама за себя говорит популярная английская поговорка — The grass is always greener on the other side (лучше там, где нас нет).

Также прилагательное «vert» имеет широкое хождение в составе различных ФЕ экологической тематики, что совершенно обусловлено европейской тенденцией к улучшению качества жизни: produit vert — экологичное изделие; tourisme vert — пешеходный туризм; vélo vert — загородный велотуризм; voie verte — велосипедная дорожка; pétrole vert — «зеленая нефть» (биомасса растений, используемых в качестве топлива); business vert — «зеленый бизнес».

Как показывает анализ ФЕ с компонентом «зеленый», взятых из английских лексикографических источников, в целой группе выражений колоротив «green» имеет еще одну

ярко выраженную положительную окраску — экологически чистый (protecting environment, eco-friendly): «green belt» — защитный пояс лесных и озелененных территорий вокруг городов; «the Green Party» — Партия зеленых, «Greenpeace» — международная экологическая организация, «green audit» — проверка предприятия экологической полицией.

Отдельно необходимо сказать, что «vert» во французском и «green» в английском имеют коннотацию «разрешение», что связано с универсальным для обеих культур образом «зеленого света светофора»: donner le feu vert — давать добро / открывать зеленую улицу. Эта же идея прослеживается и во французском выражении: numéro vert / téléphone vert — горячая линия (справочно-рекламная служба, звонок в которую является бесплатным), правда, уже без соответствующей цветовой аналогии в русском языке.

Зеленый сигнал является разрешающим движение с самого появления светофора на железной дороге во второй половине 19 века, однако британский лексикограф Джон Айто подчеркивает, что выражение «to give the green light» — дать зеленый свет, дать позволение, разрешить, появляется в своем переносном значении только в середине 20 века [Там же]. Коннотативное значение «разрешение» просматривается и в выражении «green channel» — зеленый коридор, которым пользуются лица, проходящие таможенную границу при условии, что у них нет предметов или товаров, подлежащих декларированию.

Цвет, являясь междисциплинарным объектом исследования различных областей научного знания, составляет важную часть в структуре всего человеческого опыта и представлен в языке посредством целой системы цветообозначений. Как показывает проанализированный в данной работе языковой материал, количество совпадений в восприятии зеленого цвета представителями французской и английской культур значительно превосходит число несовпадений. Следовательно, можно констатировать факт

некоей универсальности данного колоратива, который при вхождении его в состав ФЕ различной тематики служит символом для обозначения общепринятых культурных понятий.

Фразеологические единицы с компонентом «цвет» в своем составе заполняют пробелы в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком сторон действительности, и во многих случаях являются единственными способами трансляции достоверной информации о предметах, свойствах, процессах, состояниях, ситуациях. Образование фразеологизмов с компонентом цветообозначений ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка.

Литература

Кургузенкова Ж.В. Лингвоцветовая картина мира представителей французской и русской национальных культур (на примере фразеологии) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2014. №1. С. 87–92.

Кургузенкова Ж.В., Кривошлыкова Л.В. Лингвоцветовая картина мира представителей английской и французской национальных культур (на примере ФЕ с компонентом «белый») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2014. № 1. С. 83–87.

Duneton C. *Le Bouquet des Expressions Imagées*. Paris, 1990.

Ayto J. *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford University Press, 2010.

КОММОДИФИКАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Т.В. Ларина, А.С. Борисова

РУДН

(Россия, Москва)

borissova_aanna@mail.ru

Язык, как известно, тесным образом связан с социальным устройством общества, с происходящими политическими, экономическими процессами и изменениями. Эта связь проявляется в самых разных аспектах. Социальные факторы влияют на структуру языка, набор языковых средств и их использование, на функционирование языка в обществе и его развитие, на распространенность и востребованность того или иного языка и его престиж. В последнее время социолингвисты стали обращать внимание на еще один аспект этой взаимосвязи, который получил название *коммодификация языка* [Duchêne 2009, Heller 2003, Pavlenko 2017, Razumovskaya 2015 и др.]. Под коммодификацией языка понимается процесс превращения языка в рыночный товар (marketable commodity [Heller 2003: 474]), и его функционирование на глобальном рынке [Павленко 2017: 495].

Сама идея о том, что язык — это ценный экономический ресурс, не нова. Для успешной торговли всегда было важно говорить с покупателем на его языке. Однако в ситуации глобализации и расширения экономических отношений маркетинговая роль языка приобретает особую значимость: язык способен привлекать клиентов, увеличивать спрос на те или иные товары и услуги и даже повышать их стоимость. Язык становится экономически жизнеспособным ресурсом, а языковые навыки — востребованным товаром [Мут 2017: 480].

Мысль о том, что язык, используемый как средство маркетинга, может создавать добавочную стоимость продукта или услуги, была впервые высказана канадской исследовательницей М. Хеллер [Heller 2003] и швейцарским социолингвистом А. Дюшеном [Duchêne 2009]. В дальнейшем их идеи нашли развитие в трудах А. Павленко, ее учеников и последователей, некоторые из которых вошли в специальный выпуск журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» (2017, 3), посвященный коммодификации русского языка. Авторы данного выпуска показали, что такое коммодификация языка, каковы ее причины и методы исследования и на конкретных примерах продемонстрировали, как идет процесс коммодификации русского языка в современных социально-экономических условиях в разных странах мира: в Индии, Испании, Израиле, Финляндии, Норвегии и др. Несмотря на существующие культурно-специфические особенности, в данном процессе наблюдается много общего. Налицо рост интереса к русскому языку и расширение его использования в различных сферах, прежде всего в туристической сфере, в сфере медицинских услуг и маркетинга.

Так, в Финляндии, которая имеет исторически давние связи с Россией, русский язык широко используется в сферах традиционного и медицинского туризма, образования и культуры. Спецификой туристов из России является склонность предпочитать услуги на родном языке. В связи с этим необходимость предоставления различных услуг на русском языке улучшает перспективы трудоустройства тех, кто им владеет [Viimaranta et al. 2017].

В связи с притоком в Индию медицинских туристов, приезжающих из стран бывшего Советского Союза для лечения и получения относительно недорогих и достаточно качественных медицинских услуг, значительно вырос спрос на медицинских работников со знанием русского языка, а

также местных жителей, владеющих русским языком даже на низком уровне и готовых сопровождать пациентов во время их лечения. Предоставление медицинских услуг на русском языке повышает привлекательность медицинских центров, а знание русского языка открывает новые перспективы для индийских студентов, так как расширяет для них рынок труда и предоставляет новые возможности трудоустройства [Suryanarayan 2017].

В Израиле, где проживает большое количество иммигрантов из бывшего Советского Союза, русский язык занимает третье место по распространенности после двух официальных языков — иврита и арабского. Он используется во всех сферах общественной жизни, включая государственный и общественный секторы, и широко востребован как в публичной сфере, так и в коммерческой деятельности. Русский язык превратился в Израиле в лингва франка: на нем говорят иммигранты из всего бывшего Советского Союза, он широко используется в контактах с потенциальными иммигрантами из стран СНГ, с бизнес партнерами из этих стран, а также из стран со значительным количеством русскоязычного населения (Германия, США, Канада и др.) [Yelenevskaya, Fialkova 2017].

Несмотря на охлаждение российско-норвежских отношений на официальном уровне, русский язык в Норвегии становится все более востребованным в сферах торговли и культуры, прежде всего в приграничных районах, которые связывают давние исторические контакты [Ольнова 2017]. На примере города Киркенес видно, как близость с Россией и приграничные связи превратили бывший шахтерский город в центр политического, экономического и культурного сотрудничества и какую роль в этом играет русский язык. Как показали полевые исследования М. Ольновой и проведенный ею анализ языкового ландшафта, а также интервью с жителями города и российскими туристами, Киркенес стал популярен среди российских

туристов именно благодаря предоставляемому на русском языке сервису, что существенным образом сказалось на экономике города, ставшего туристической Меккой севера.

Основными способами получения данных, используемых в исследованиях коммодификации языков, являются полевые исследования, наблюдения, интервью, а также анализ языковых ландшафтов, куда входят все тексты и знаки, которые можно увидеть в современном городе. Языковой ландшафт предоставляет интересный материал, позволяющий судить о соотношении между языковой политикой и практикой использования языка в обществе, о функционировании тех или иных языков в конкретном социуме, их востребованности и иерархии. Как в ближнем, так и дальнем зарубежье в наши дни можно увидеть вывески и надписи на русском языке во всех местах, где бывают русскоязычные туристы либо проживают русскоязычные граждане — в аэропортах, вокзалах, гостиницах, ресторанах, магазинах и т.д.

Развитие экономических отношений, увеличение русскоязычного турпотока привело к тому, что владение русским языком во многих странах стало одним из требований при приеме на работу, что повышает интерес к изучению русского языка в этих странах и стимулирует расширение образовательных услуг. Об этом убедительно свидетельствуют результаты проведенных исследований. Так, по данным исследований Института русского языка им. А.С. Пушкина, в изучении русского языка в мире заинтересованы 125 миллионов человек. Наибольший спрос наблюдается в странах СНГ, где он насчитывает 100 млн. человек, в три миллиона оценивается количество желающих изучать русский язык в Европе. Русский язык возвращает свою популярность во многих странах, в частности в Болгарии, где он занимает второе место после английского [Пенчева 2017]. Его изучают в 7 языковых школах Каталонии [Cabal-Guerro 2017]. Согласно официальной

статистике, в этой области Испании русским языком владеют около 71000 жителей, среди которых как носители, так и не носители русского языка. Данные исследований показывают, что русский язык становится одним из наиболее востребованных языков в сфере обслуживания. Его популярность связана как с увеличением потока русскоязычных туристов, так и с потребностью в персонале, владеющем русским языком.

Поскольку коммодификация языка выражается в том, что язык добавляет ценность товарам и услугам, повышая их стоимость (экскурсия с русскоязычным гидом в Испании, например, стоит, как правило, в два раза дороже), возможно, есть основание говорить о новой функции языка — *адвалорной* (или стоимостной).

При этом важно отметить, что в тех или иных социально-экономических и политических условиях язык может демонстрировать «разновекторные изменения своей товарной стоимости» [Мут 2017: 478] — как приобретать стоимость, так и терять ее, т.е. помимо валоризации языковых ресурсов существует и процесс их девальвации, что хорошо видно на примере русского языка. Если после распада СССР статус русского языка понизился, а его использование существенно сократилось как на постсоветском пространстве, так и в странах Восточной Европы, то укрепление российской экономики, наблюдаемое в последнее время, привело к тому, что русский язык стал постепенно возвращать свой международный престиж. Теперь знание русского языка в этих странах повышает конкурентоспособность компаний. Возможность предоставлять услуги на русском языке в сфере туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса, медицинского обслуживания и др. способствует привлечению клиентов, что дает поставщикам услуг экономические преимущества и положительно сказывается на получаемой прибыли. На личном уровне владение русским языком дает лучшие

возможности в трудоустройстве, открывает доступ к русскоязычным СМИ, сайтам и Интернет-ресурсам. Как отмечает А. Павленко, «знание русского языка, даже на низком уровне, стало конвертируемым символическим капиталом, который можно превратить в экономический капитал (дополнительная прибыль для бизнесов, компаний и корпораций, работа для русскоязычного персонала)» [Павленко 2017: 510].

Результаты проведенных исследований убедительно показали, что экономические интересы корпораций могут идти вразрез с политическими интересами государств и проводимой ими языковой политикой, что можно наблюдать на примере русского языка. В то время, как во многих странах (в Прибалтике, Восточной Европе) идет сокращение преподавания русского языка, а его использование приобретает политическую окраску, интерес к нему неуклонно растет, поскольку вызван экономическими потребностями. Наблюдаемое в настоящее время широкое использование русского языка, способствует «деполитизации русского языка и нейтрализации и нормализации его статуса» [Павленко 2017: 510]. Таким образом, языковая политика перестала быть прерогативой государства и стала инструментом получения прибыли для бизнеса, а «язык перестал быть исключительно предметом национальной гордости, превратившись в товар и на практике, и на уровне дискурса» [Павленко 2017: 495].

Литература

Ольнова М. Русский язык в Северной Норвегии: исторические, экономические и культурные связи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 587—604. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-3-587-604.

Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // *Вестник Российского университета дружбы народов*.

Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514.

Пенчева А. Ретур — инновационный ресурс для обучения русскому языку работников туризма в странах ЕС // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 635–652. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-3-635-652.

Cabal-Guerro, M. Is Russian Decommodifying in Catalonia? // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 605–619. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-3-605-619.

Duchêne, A. (2009) Marketing, management and performance: Multilingualism as commodity in a tourism call centre. *Language Policy* 8, 27—50.

Heller, M. (2003) Globalization, the New Economy, and the Commodification of Language and Identity. *Journal of Sociolinguistics* 7, 4: 473—492.

Heller, M. (2010) The Commodification of Language. *Annual Review of Anthropology* 39: 101–114.

Muth, S. (2017). Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 463—492. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492

Pavlenko, A. (2017) Russian-friendly: how Russian became a commodity in Europe and beyond. In S. Muth & L. Ryazanova-Clarke (eds.) The commodification of Russian around the world (Special issue). *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 20(4): 385–403.

Razumovskaya, Veronica A. (2015). Commodification of Foreign Languages in the Educational Space of Modern Russia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 11 (2015 8) 2596-2605.

Suryanarayan N. The role of Russian Language Workers in India's Health-Care Sector // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: *Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 3. С. 515–529. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-3-515-529.

Viimaranta H., Protassova E., Mustajoki, A. (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // *Вестник Российского*

университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 3. С. 620–634. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.

Yelenevskaya, M., Fialkova, L. Linguistic Landscape and What It Tells us about the Integration of the Russian Language into Israeli Economy // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 3. С. 557–586. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-3-557-586*

СУБКУЛЬТУРА EGAO (恶搞): ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ЕЁ ФУНКЦИИ

В.А. Ленинцева, М.В. Тохта-Ходжаева

МГПУ
(Россия, Москва)
vallenin@mail.ru

Официальная культура Китая, из-за подверженности жесткому контролю и отсутствия возможности естественного развития перестала полноценно выполнять некоторые из своих функций. Ситуация изменилась с появлением и распространением в стране интернета. Люди получили доступ к тому, что долгое время находилось под запретом, к свободе слова и самовыражения. Всемирная паутина стала врагом номер один для китайского правительства, которое предпочитает «жесткий контроль» во внутренней политике и часто прибегает к «информационной изоляции» как к способу решения острых конфликтов.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить две основные причины, способствовавшие появлению в Китае новой субкультуры egaо (恶搞) — функциональная несостоятельность доминантной культуры и появление и распространение интернета. Субкультура — это свод накопленных определенным мировоззрением ценностей и порядков группы людей, объединённых специфическими

интересами, определяющими их мировоззрение [Чернявская 2000: 66] eгао (恶搞) — явление, которое можно охарактеризовать как современную интернет — культуру, в Китае несёт черты и субкультуры, и контркультуры одновременно.

Задача eгао (恶搞) — в резкой форме высмеивать окружающую действительность, в основном распространена в среде интернет — пользователей. Само название нового течения 恶搞 можно перевести как «зло высмеивать» [Современный словарь китайского языка 2003]. Воплощений у eгао (恶搞) множество, это могут быть простые тексты в блогах, пародии на фильмы, фотографии, рисунки, карикатуры, измененные песни и т.д. eгао (恶搞) может быть представлен в виде текста, видео, аудио — монолога или музыкальной композиции, комикса, мультфильма, рекламного ролика, в стиле eгао (恶搞) могут проводиться сценические выступления и т.д.

Может показаться, что к eгао (恶搞) не стоит относиться серьёзно, почти в каждой стране есть свое интернет — сообщество с собственным типом юмора. Однако в Китае ситуация все же отличается. Резонанс, произведенный eгао (恶搞), был настолько широк, что он сильно повлиял на общество, а особенно на сознание формирующегося молодого поколения. Уже сегодня eгао (恶搞) стал предметом исследования многих китайских ученых-социологов. Его изучают, классифицируют, пытаются предсказать дальнейший путь развития и то, какое влияние он окажет на китайское общество.

Среди поклонников и авторов eгао (恶搞) большинство — представители молодого поколения. Из интернет-сферы eгао (恶搞) распространился на страницы газет и телевидения и сегодня уже сложно найти человека, который бы не слышал о данном явлении.

У egaо (恶搞) нет четких определенных форм, важно лишь присутствие «острого» юмора или шокирующее содержание. На примере egaо (恶搞) можно отследить реализацию всех функций юмора. Интеллектуальная функция, в частности, проявляется во время создания различных пародий разными авторами с использованием единого исходного материала. Результаты их творчества зачастую просматриваются и сравниваются между собой. Egaо (恶搞) создает понятия о норме и «не норме» у молодого поколения и если какой-либо объект предается общественному высмеиванию, значит он не должен стать примером для подражания — в этом реализуется регуляторная функция юмора. Самоутвердительная функция находится практически в каждом примере egaо (恶搞), так авторы самоутверждаются путем выставления своих произведений на общественное обозрение, возможность высмеять в стиле egaо (恶搞) другой народ, или его представителей, так же позволяет возвыситься в собственных глазах. В рамках egaо (恶搞) очень четко выражена объединяющая функция. Все, высмеивающие один и тот же объект, чувствуют себя сопричастными. В этом отношении интересна позиция человека, который выступает в роли этого объекта. Поддержав общее настроение, «объединившись», он может снискать одобрение публики, и даже стать популярным — воплощение «примиряющей» функции. Все примеры egaо (恶搞) несут информацию об окружающей действительности, содержат субъективную оценку, которая сообщается «зрителю», или «потребителю» egaо (恶搞), а значит несут информационную, когнитивную функцию. Egaо (恶搞) — способ выразить свой протест, высмеяв, заявить о своей позиции — так реализуется защитная функция юмора. Субкультура не только хранит информацию, но и передает её, поэтому egaо (恶搞) выполняет коммуникативную

функцию, которая состоит в передаче информации. В рамках культуры — это язык, в рамках egaо (恶搞) — это сленг интернет-сообщества. Интегративная функция egaо (恶搞) проявляется в его способности объединять представителей различных поколений, профессий, общественных слоёв, национальностей и т.д. Особенно ярко эта функция проявляется за счет того, что основная сфера существования egaо (恶搞) — интернет. Egaо (恶搞) — явление новое, современное, резко реагирующее и отражающее все изменения, происходящие в обществе и в окружающем мире в целом — а это ни что иное, как адаптивная функция субкультуры. Четко выражена в рамках субкультуры egaо (恶搞) и функция социализации. Egaо (恶搞) создало своё собственное сообщество, с правилами поведения, знаниями и ценностями, разделяя их, индивид чувствует принадлежность к данному сообществу.

Происхождение самого слова egaо (恶搞) определить достаточно сложно. Понятие egaо (恶搞) содержит аналогию по отношению к gaохiао (搞笑) — высмеивать, выходит, что egaо (恶搞) — это обозначение в укороченном варианте фразы «зло высмеивать». Однако, вероятнее всего, что само выражение egaо (恶搞) пришло из японской интернет-культуры, и прижилось в Китае. «Kuso» в японском имеет множество определений, которые зависят от контекста: чокнутый, смешной, беспрецедентный, глупый и т.д. Однако значение «высмеивать» — «kuso» приобрело только в Китае.

Годом появления egaо (恶搞) в Китае считается 2002 г. Именно в этом году самым популярным персонажем на просторах интернета стал мальчик по имени Чжибай, известный как «толстячок». Незаурядная внешность Чжибая понравилась многим, поэтому пародии на знаменитые изображения и фото с лицом мальчика множатся до сих пор.

Следующим этапом в развитии egaо (恶搞) стал пик популярности блогов. В 2003 году счетчики посетителей некоторых авторов интернет — дневников начали фиксировать более 10 000 посещений за день. Многие авторы строили свою популярность на обсуждении политических тем, представляя в комическом свете основные политические новости, другие просто описывали свою повседневную жизнь.

Новым популярным персонажем egaо (恶搞) стала девушка под интернет псевдонимом «*frijj*» (FurongJieJie — сестра лотос), которая прославилась благодаря фотографиям в собственном блоге и себялюбивым подписям к ним. Одним из последних модных направлений в рамках egaо (恶搞) стало видео в стиле «lipsinging». Это направление получило возможность стать популярным во многом благодаря стремительному развитию сайтов, таких как «youtube», где пользователи могли размещать, просматривать и голосовать за видео друг друга. (В настоящее время этот сайт в Китае не функционирует).

Данная хронология развития субкультуры egaо (恶搞) не охватывает всех аспектов, она лишь выделяет некоторые «пики», т.е. события, ставшие ключевыми для развития новых форм egaо (恶搞) или же создавшие широкий общественный резонанс.

Egaо (恶搞) существует перманентно, на специальных форумах и сайтах, где постоянно появляются новые фотоколлажи, новые видео, новые пародии.

Количество тем egaо (恶搞) не ограничено, однако некоторые пользуются особой популярностью. На сегодняшний день существует несколько, наиболее популярных в рамках egaо (恶搞) тем, таких как: политика или свобода слова в Китае, «темы-табу», черный юмор, популярное искусство.

Исследовав основные функции культуры egaо (恶搞), можно сделать вывод, что egaо (恶搞) — модное течение и внимание авторов привлекает то, что шокирует. Авторы egaо (恶搞) часто пренебрегают нравственными и моральными устоями. Но в то же время Китаю необходим egaо (恶搞), т.к. это единственный способ в какой — то мере снять социальное напряжение. Egaо (恶搞) в Китае олицетворяет свободу слова, только здесь люди могут говорить то, что думают о своей стране, о политических деятелях, выносить оценку произведениям современной поп — культуры, здесь можно заявить о себе настоящим.

Современная культура должна соответствовать требованиям времени, меняться вместе с обществом. Если этого не происходит, развитие культуры искусственно сдерживается.

Литература

Чернявская Ю.П. *Что такое этнос*. М.: Просвещение, 2000.
现代词典 // 北京商务印书馆 // *Современный словарь китайского языка*. Пекин, 2003.

РОЛЬ КРЫЛАТИКИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

О.В. Ломакина*, В.М. Мокиенко**

*РУДН
(Россия, Москва)
rusoturisto07@mail.ru

**СПбГУ
(Россия, Санкт-Петербург)
mokienko40@mail.ru

Следствием Интернет-эпохи стал полимодальный текст, являющийся предметом изучения Интернет-дискурса,

т.е. массива всех текстов в пространстве сети. Если для понимания художественного текста важным является учёт социо-историко-культурного контекста (термин О.В.Ломакиной), то при интерпретации Интернет-текстов важное значение имеет пресуппозиция — имеющиеся у пользователя знания. Интернет-тексты имеют характер 2D или 3D проекции, что предполагает анализ вербального наполнения и визуального / аудиовизуального ряда.

Одним из популярных жанров Интернет-дискурса является демотиватор — изображение и сопровождающая его надпись, являющаяся концептуальной для понимания данного изображения. Демотиваторы трёхкомпонентны: 1) изображение; 2) слоган или лозунг, набранный крупным шрифтом; 3) пояснительная надпись, набранная мелким шрифтом.

К настоящему моменту имеются отдельные исследования, содержащие изучение функций, структуры, стилистических особенностей, а также социально-политических посылов демотиваторов (см. работы Л.В. Бабиной, И.В. Бугаевой, Ю.Ю. Даниловой, Д.Р. Нуриевой, Ф.Г. Фаткуллиной и др.), однако отсутствует целостное описание фразеологической составляющей в демотиваторах, что доказывает актуальность постановки следующих вопросов: 1) какие разряды фразеологизмов более частотны при образовании вербального наполнения демотиваторов, 2) каково соотношение инвариантов по отношению к вариантам, 3) что мотивирует автора-анонима использовать тот или иной фразеологизм — широкая распространенность в языке, желание показать свою эрудицию, скрытая в единице возможность языковой игры.

Популярность крылатых единиц (КЕ) в современном языке позволила выдвинуть гипотезу о популярности этого пласта фразеологии в Рунете.

Методология исследования. Нельзя не сказать об амбивалентности массива анализируемого материала и

сложности его поиска. Несмотря на наличие специальных сайтов (например: <http://www.demotivatory.ru> — в Рунете, <http://www.memecenter.fr> — во французском Интернете), поиск осложняется отсутствием индекса популярности фразеологизмов, которые могут быть использованы в создании демотиватора. Поиск демотиваторов, содержащих КЕ, опирается на общие данные о наиболее частотных КЕ в различных функциональных разновидностях языка, в т.ч. согласно НКРЯ.

Практическая значимость полученных выводов имеет лексикографическую перспективу: в авторские словари в качестве иллюстративного материала могут привлекаться демотиваторы, которые показывают функциональный потенциал КЕ. Кроме того, «обстоятельное филологическое комментирование <...> разнородного интернетовского “массового творчества” позволило бы вскрыть социолингвистическую его мотивацию, продемонстрировать разнообразие типов трансформаций» [Мелерович, Мокиенко 2011: 256].

Материалом данного исследования послужили КЕ, источником которых является язык Л.Н. Толстого. Верификация материала проходила по «Большому словарю крылатых слов и выражений русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2009).

Фразеология Л.Н. Толстого обогатила язык примерно 30 КЕ. Анализ популярности в медиатекстах позволил выявить наиболее употребительные единицы [подробнее: Ломакина 2015]: функциональным и трансформационным потенциалом обладают КЕ *Было гладко на бумаге, Всё смешалось в доме Облонских*.

КЕ *Было гладко на бумаге, — // Да забыли про овраги, // А по ним ходить!* является основой для вербализатора *Гладко было на бумаге, а потом полезли баги* (рис. 1).

Рис. 1. КЕ *Было гладко на бумаге, — // Да забыли про овраги, // А по ним ходить!*

В этом примере визуальный компонент мотивирован первичным значением английского слова *баг* (*bug* — клоп, насекомое), которое в современном компьютерном жаргоне путём метафоризации получило значение «ошибка в программе или системе». Происходит комплексное структурно-семантическое преобразование компонентного состава КЕ, субституции подвержена вторая часть устойчивой фразы, представляющей собой сложносочинённое предложение. Если замена союза носит визуальный характер, то замена простого предложения — окказиональный, благодаря чему происходит конкретизация высказывания и сдвиг в стилистической окраске. Изменённая таким образом КЕ приобретает значение «О непредусмотрительных действиях, следствием которых является неожиданный результат».

В представленном ниже демотиваторе (рис. 2) инвариант КЕ употреблён в качестве комментария к слогану:

Рис. 2. КЕ КЕ *Было гладко на бумаге, — // Да забыли про овраги, // А по ним ходить!*

Источником КЕ *Всё смешалось в доме Облонских* стал роман «Анна Каренина», которое выступает вербализатором в следующем демотиваторе (рис. 3):

Рис. 3. КЕ *Всё смешалось в доме Облонских*

Значение КЕ «О большой путанице, неразберихе, сумятице» (БСКСВРЯ 1: 229) иллюстрирует изображение, однако не буквализирует его: изображение перевёрнутого дома укладывается в представление о путанице, неразберихе. Пояснение *Визуализируем произведения классиков* представляет собой метаязыковой комментарий (подробнее см.: [Домакина 2017]), отражающий авторскую интенцию и упрощающий для читателя восприятие демотиватора.

Кроме предыдущей КЕ, роман «Анна Каренина» послужил источником КЕ *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* и *Всё образуется*.

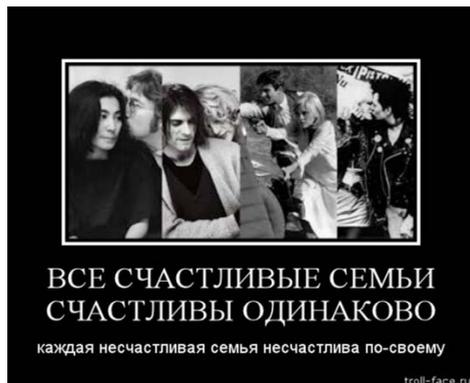

Рис. 4. КЕ *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*

В этом демотиваторе (рис. 4) слоган представляет собой комплексный вариант первой части КЕ, построенной по модели бессоюзного сложного предложения, а в качестве комментария используется вторая часть КЕ. Таким образом, слоган напрямую связан с иллюстративным рядом (примеры счастливых семей известных людей), а КЕ реализует значение «Семейная жизнь», т.е. получает дополнительные семантический оттенок, в отличие от инварианта «О перипетиях семейной жизни» (БСКСВРЯ 1: 221).

Рунет содержит ряд примеров, когда КЕ становится претекстом для другого текста. Песня Земфиры «А, может быть, в Питер, и всё образуется» содержит толстовскую КЕ *Всё образуется* и используется в общезыковом значении «Всё уладится, всё будет хорошо» (БСКСВРЯ 1: 228). Город выступает символом благополучия, местом, где можно забыть о жизненных проблемах и неурядицах. В качестве визуального ряда представлены образы — символы Санкт-

Петербурга. Например, в следующем примере это разводной мост над Невой (рис. 5).

Рис. 5. КЕ *Всё образуется*

Фразеологические ресурсы языка обладают богатым функциональным потенциалом, что доказывают представленные примеры демотиваторов. КЕ, выступающие в качестве слогана и комментария, используются как в исходном виде, так и в преобразованном. Приведённые примеры толстовских КЕ могут служить иллюстративным материалом для авторского словаря. Перспективой данного исследования является обнаружения индекса популярности КЕ русской и зарубежной литературы, что позволит сделать выводы не только о развитии языка в целом, но и о тенденциях Интернет-дискурса отдельных языков.

Литература

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2-х т./* под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universitat, 2009. Т.1-2. — БСКСВРЯ

Ломакина О.В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2017. № 1. С. 130-137.

Ломакина О.В. Язык Л.Н. Толстого как источник крылатики: из опыта анализа современного употребления крылатых выражений в современной публицистике (на материале Интернет-статей) // *Новая экономика и региональная наука*. 2016. № 2 (5). С. 213-217.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. *Современная русская фразеология (семантика — структура — текст): монография*. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 456 с.

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИЙ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ- ГАЛЛИЦИЗМОВ В ФУНКЦИИ ЗАГОЛОВКА МЕДИАТЕКСТА (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

А.С. Макарова

ПТСТГУ

(Россия, Москва)

aleste_63@mail.ru

Активное развитие и распространение новых информационных технологий влечёт за собой изменение восприятия человеком окружающего мира. Соответственно, меняются и модели его информационно-коммуникативного поведения, что находит своё отражение в современном медийном дискурсе. В эпоху информационного общества борьба идёт не только за умы читателей и влияние на него, но и за скорость передачи информации. Возможности, которые сегодня предоставляют пользователям Интернет и постоянно совершенствующееся средства коммуникации, практически безграничны в сфере распространения информации.

Для реализации одной из самых важных функций медийного дискурса — контактной, направленной на привлечение внимания читательской аудитории, «вербальный текст всё более замещается мультимедийным, его словесная составляющая иллюстрируется, дополняется,

многократно усиливается медийным компонентом — рисунком, фотографией, видеорядом, особым шрифтом, и т.д., создавая визуальные образы, оказывающие мощное воздействие на сознание человека» [Добросклонская 2016: 14]. Вторая не менее важная функция массмедиа — воздействующая, и здесь трудно переоценить значение фразеосредств языка. Включение в медиатекст идиом, паремий, крылатых выражений, афоризмов делает его более экспрессивным и эмоционально насыщенным.

Предметом статьи являются крылатые выражения-галлицизмы лозунгового типа (далее КВ) и реализация их трансформационного потенциала в сильной позиции текста — в виде заголовка. Следует сказать, что «интернациональный фонд крылатых единиц (КЕ) современных языков Европы, а также государственного языка России, содержит немало КВ лозунгового характера. До недавнего времени этот пласт КВ не подвергался детальному лингвистическому анализу, что связано с историей становления крылатологии как особого раздела языкознания» [Шулежкова, Макарова 2016: 66]. Будучи экономным способом интерпретации описываемых фактов и событий, широко представленные в заголовочных конструкциях, КВ создают особую экспрессию, всегда востребованную читателем и позволяющую быстрее наладить контакт с аудиторией, удерживая её внимание в ходе чтения. КВ-заголовок оказывается более эффективным языковым и текстообразующим средством и обладает большей воздействующей силой для реализации рационального и эмоционального в тексте, чем любая другая языковая единица.

Для анализа эмпирического материала были использованы интернет-версии русскоязычных («НГ-Политика», «Труд» и «Jūrmalas Vārds») и франкоязычных («Libération») СМИ за период 2015–2017 гг., которые обладают интерактивным потенциалом. Исследование

подтверждает, что КВ-галлицизмы в роли заголовков представляют собой один из способов выражения авторской позиции и могут максимально раскрыть свой структурно-семантический потенциал. Не менее важен факт апелляции к фонду интертекстом, актуальных как для автора, так и для его читателя, и способствующий созданию общего событийного фона. Как показывают наши наблюдения, данный феномен является характерной чертой современного медиатекста [Макарова 2016].

В статье анализируется трансформационный потенциал КВ-лозунгов *Мир хижинам, война дворцам* и *Après nous, le déluge* (*После нас хоть потоп*). Перейдём к анализу примеров и рассмотрим вначале русскоязычные интернет-публикации: *Мир дворцам, война хижинам...* [Труд 2017]. В приведённом заглавии наблюдается семантическая инверсия, которая приводит к изменению значения КВ-инварианта на противоположное.

Два следующих примера содержат комплексный приём трансформации, то есть объединяют несколько приёмов трансформации КВ в один: *Мир дворцам, война развалюхам!* [Jūrmalas Vārds, 08.10.2017]; *Мир — дворцам, война — несогласным* [НГ-Политика 2015]. В обоих заголовках присутствуют семантическая инверсия и субституция стержневого компонента *хижинам*. В первом примере замена происходит на лексему *развалюхам*, имеющую пренебрежительный оттенок, который многократно усиливает градус негативного отношения к запущенным домовладениям. Во второй публикации замещение *хижинам* компонентом *несогласным* позволяет читателю понять, что в статье критикуется российский политический режим. Эти примеры свидетельствуют о современной тенденции трансформационных процессов данного КВ-лозунга в русскоязычных массмедиа.

Перейдём к франкоязычным публикациям. В нижеследующем заглавии содержится пример лексической

субституции стержневого компонента КВ-инварианта *pous* (*нас*) на имя собственное американского президента *Trump*: *Après Trump, le déluge* (*После Трампа потоп*) [Libération 2017]. Публикация резко осуждает решение Д. Трампа покинуть Парижское соглашение по климату 2015 г. Таким образом семантика нового образования актуализируется: если Д. Трампа не остановить, Земля обречена на гибель.

В следующем заглавии наблюдается экспликация и лексическая субституция стержневого компонента КВ *pous* на *l'ouragan: Harvey: après l'ouragan, un déluge d'inégalités* (*Харви: после урагана потоп неравенств*) [Libération 2017]. Проблематика публикации обозначена чётко и сжато: неравенство населения в убытках после катастрофы и в возможностях возмещения потерянного.

В последнем примере *Réchauffement climatique: avant le déluge, DiCaprio lance son bateau* (*Глобальное потепление: после потопы ДиКаприо спускает на воду свой корабль*) [Libération 2016] экспликация происходит за счёт ввода в препозиции к стержневому компоненту *le déluge* сочетания слов *Réchauffement climatique*, которое определяет тематику публикации — глобальное потепление. В постпозиции автор употребляет простое предложение *DiCaprio lance son bateau*, обозначая таким образом главного героя статьи, который является активным сторонником Парижского соглашения по климату. И наконец, прибегнув к лексической субституции компонента *après* (*после*) на антоним *avant* (*перед*) перед стержневым компонентом *le déluge*, журналист ярко и образно заявляет об экологической проблеме: глобальное потепление приведёт к таянию льдов на Земле и вызовет глобальную катастрофу, сравнимую с Библейским всемирным потопом. Конкретизируя тематику статьи, данные преобразования приводят к конденсации содержания статьи в заголовке.

Предваряя статью, заголовок несёт определённую информацию о её содержании. Изменяя смысл КВ-заголовка

на противоположный, автор хочет привлечь внимание к своей публикации и сжато донести до читателей её проблематику, так как заглавие — это символическое словесное выражение концепта, реализованное в тексте. Все представленные в статье заголовки дополнены медийным компонентом: крупный жирный шрифт, одна или несколько фотографий: в латышской газете это фотография пострадавшего от пожара дома, в Независимой газете — французские полицейские с автоматами и подписью: «<...> Защита своих граждан — одна из самых главных задач любого государства»; в статье о решении Д. Трампа выйти из Парижского соглашения — кадр из американского фильма «Дорога», где изображён замёрзший город с двумя одинокими путниками и т.д. Проведённый анализ также выявил факт предпочтения комплексным приёмам трансформации КВ лозунгового типа, что объясняется лингвопрагматическими установками публикаций.

Итак, трансформированный КВ-заголовок — это частое явление в медийном русскоязычном и франкоязычном дискурсе, которое отличается общей активностью незуальных модификаций, так как «энергия клишированных форм» (термин Ш. Балли) «<...> ощущается не в канонических случаях употребления <...>, а при его разрушении» [Кронгауз 1998: 187].

Литература

Добросклонская Т.Г. Методы анализа видео-вербальных текстов // *Медиалингвистика*. 2016. № 2 (12). С. 13–25.

Кронгауз М.А. Прагматика в современном лингвистическом мире // *Московский лингвистический журнал*, 1998. Вып. 4. С. 226–232.

Макарова А.С. *Особенности функционирования крылатых выражений-галлицизмов в современной французской и российской публицистике: Дис. ... канд. филол. наук*. Москва, 2016. 250 с.

Шулежкова С.Г., Макарова А.С. Крылатые выражения французского происхождения в интернациональном блоке

лозунгов современной Европы // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016, № 4. С. 65–73.

Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2015-11-17/14_rease.html (дата обращения: 09.10.2017).

Труд URL: http://www.trud.ru/article/04-08-2014/1316318_mir_dvortsam_vojna_xizhinam.html (дата обращения: 09.10.2017).

Jūrmalas Vārds URL: <http://www.jumalasvards.lv/glavnaja/mir-dvorcam-vojnarazvaljuham?yearID=2014&monthID=4&page=152> (дата обращения: 09.10.2017).

Libération URL: http://www.liberation.fr/futurs/2017/06/02/apres-trump-le-deluge_1574257; http://www.liberation.fr/planete/2017/09/03/harvey-apres-l-ouragan-un-deluge-d-inegalites_1593926; http://www.liberation.fr/futurs/2016/10/18/rechauffement-climatique-avant-le-deluge-dicaprio-lance-son-bateau_1522687 (дата обращения: 09.10.2017).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ ТОПОНИМОВ США СРЕДСТВАМИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

И.А. Мартыненко

МГЮА им. О.Е. Кутафина
(Россия, Москва)
irineta@rambler.ru

Топонимы — это единственная группа собственных имен, которую лексикографы разных стран более или менее единодушно включают в переводные словари [Берков 1973: 94]. Но при переносе топонима из одной культуры в другую, из одного языка в другой, возникает вопрос, как именно передавать географические названия в принимающей культуре.

К настоящему моменту сложилось несколько *способов* передачи топонимов:

1. *Транслитерация*. Транслитерация имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества очевидны:

письменный вариант имени не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию. Иногда трудно восстановить исходную форму иностранного имени или фамилии, данной им в русской транскрипции, то есть с ориентацией на звучание, а не на написание имени (например, Эль-Кахон — El Kahon, El Cahon, El Cajon или El Cajón?).

2. *Транскрипция.* На наш взгляд, очень ответственно следует подходить к текстам на английском языке, в которых содержатся европейские имена собственные неанглийского происхождения. В этом случае при передаче имен не всегда действуют правила англо-русской транскрипции, и необходимо учитывать правила практической транскрипции с языка оригинала, что, как показал анализ, далеко не всегда выполняется. Проблема уходит корнями в историю переводов испаноязычных топонимов на английский язык. Точно так же, как в русском языке уже широко распространились неверные с точки зрения правил транскрипции варианты названия японских и корейских корпораций: *Toshiba* — Тошиба (правильно Тосиба), *Hitachi* — Хитачи (правильно Хитати), *Samsung* — Самсунг (правильно Самсон) и др., уже принятые и самими этими компаниями на отечественном рынке, то же произошло и со многими испаноязычными топонимами США. Неудачи переводчиков в данном случае связаны с незнанием произношения фонем и морфем в испанском языке, а также с тем, что испаноязычные географические названия предварительно были неверно транслитерированы на английский язык: *Refugio* — Рефухио (вместо Рефухьо), *Ruidoso* — Руидозо (вместо Руидосо), *La Cienega* — Ла Сиенега (вместо Съенега), *Fresno* — Фресно (вместо Фрезно), *Gonzales* — Гонзалес (вместо Гонсалес), *Hermosa Beach* — Хермоса-Бич (вместо Эрмоса), *Laguna Niguel* — Лагуна-Нигуэль (вместо Нигель), *Montebello* — Монтебелло (вместо Монтебейо), *Sausalito* — Сосалито (вместо Саусалито), *South*

Pasadena — *Саут-Пасадина* (вместо Пасадена), *Los Angeles* — *Лос-Анджелес* (вместо Лос-Анхелес). И таковых великое множество.

Необходимо отметить, что «немую» при любых обстоятельствах испанскую букву “h” в испаноязычных американских топонимах произносят русским звуком [x] и транслитерируют при передаче на русский язык соответственно: *Hermosa Beach* — *Хермоса-Бич*, *Hesperia* — *Хесперия*, *Alhambra* — *Альхамбра* и т.д. 3. *Калька (перевод)*.

На современном этапе развития лингвистической науки, как правило, никто из переводчиков не переводит имена собственные при помощи калькирования; все придерживаются приема транскрипции, стремясь сохранить исходное звучание. Однако неизбежной потерей при переводе топонимов до сих пор становится невозможность передачи мягкости звуков и правильного ударения. Так, испанские графические знаки ударения и тильды в испаноязычных топонимах США отсутствуют. На письме графически не отмеченными оказались лексемы *Rio* (вместо *Río*), *Canada* (вместо *Cañada*), *Cienega* (вместо *Ciénega*), *Canon* (вместо *Cañon*) и мн. др. Соответственно, искажения сохраняются и приумножаются затем и при передаче на русский язык.

Отметим также желательность использования в русском языке дефиса в составных наименованиях рек, городов, площадей, улиц и т.п.: *La Plata* — Ла-Плата, *Arroyo Grande* — Арройо-Гранде, *Buena Vista* — Буэна-Виста.

Основная цель при передаче иноязычных географических названий буквами русского алфавита состоит в максимально возможном сохранении точности звучания на языке оригинала. С этой целью ГУГК в свое время были разработаны соответствующие инструкции. Однако многие общеизвестные топонимы передаются согласно сложившимся традициям.

В случае с испаноязычными американскими топонимами, в особенности с гибридами, наблюдается двойная сложность: сохранить точность в отношении и испанского, и английского компонента. Иногда это осуществляется за счет перевода: *Grand Army Plaza* — Великая Армейская Площадь (г. Нью-Йорк), иногда за счет транслитерации *Pasadena Play House* — Пасадена Плейхаус (театр в Лос-Анджелесе). Транскрибирование также бывает достаточно удачным: *Monterey* — Монтерей.

В целом же, наиболее часто встречающиеся коллизии в адаптации отыспанских географических имен на английский язык выглядят так, как на схеме 1. Подобные неточности породили затем неверное произношение топонимов данного типа в русском языке.

Таким образом, наглядно показано несовершенство передачи испаноязычных географических названий на английский, а затем и на русский языки. В дальнейшем, во избежание переводческих ошибок при передаче испаноязычных топонимов на русский язык, данная задача в идеале должна решаться, на наш взгляд, следующим образом. Необходимо:

- 1) Соблюдать испанские правила произношения всех буквосочетаний.
- 2) Соблюдать испанские правила правописания.
- 3) В случае гибридного англо-испанского топонима, принять во внимание системы обоих языков.
- 4) Транслитерировать, а не транскрибировать морфемы на русский язык.

С лингвопрагматической точки зрения, отыспанские топонимы без тильд и знаков ударения на карте США выглядят для носителей испанского языка и специалистов-испанистов иностранными компонентами.

Схема 1. Классификация неточностей в адаптации отысланских географических имен на английский язык.

Отсутствует знак ударения	}	<ul style="list-style-type: none"> • Aguila (Аризона), Aragon (Джорджия), Benavides (Техас), Benjamin Perez (Техас), Cabazon (Калифорния), Carbon (Техас)
B vs V	}	<ul style="list-style-type: none"> • Alcosa (Вайоминг), Vaca County (Колорадо)
C vs S	}	<ul style="list-style-type: none"> • Andalusia (Иллинойс), Saragosa (Техас), Calabasas (Калифорния)
Отсутствует пробел	}	<ul style="list-style-type: none"> • Camrobello (Южная Каролина), Delray (Западная Вирджиния), Eldorado (Мэриленд), Islamorada (Флорида), Lamesa (Техас)
Отсутствует тильда	}	<ul style="list-style-type: none"> • Canada De Los Alamos (Нью-Мексико), Canada Verde (Техас), Canon (Джорджия), Canones (Нью-Мексико), Los Ybanez (Техас)
Ll vs Y (i)	}	<ul style="list-style-type: none"> • La Jolla (Калифорния), при этом есть La Joya (Texas); Liano Grande (Техас)
Грамматические несоответствия	}	<ul style="list-style-type: none"> • Los Lunas (Нью-Мексико), Rio Linda (Калифорния)
Два дефекта	}	<ul style="list-style-type: none"> • Seboyeta (Нью-Мексико), Delray Beach (Флорида), Christoval (Техас), Cordova (Аляска), Hardin (Монтана), Hardin County (Айова)

Но мы осознаем, что подобные отличия в случае с США современная картография уже никогда не признает,

англоязычная ономастическая система их уже ассимилировала, т.к., при всем многообразии языков населения, единственным государственным языком США является английский. Явления, указанные в схеме 1, являются не только лингвистическими неточностями и огрехами, но и своеобразными языковыми памятниками, по которым современные ученые могут иногда восстановить ход исторических событий на территории США.

Литература

Берков В.П. *Вопросы двуязычной лексикографии*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. 191 с.

Мартыненко И.А. *Испаноязычные топонимации США: лингвопрагматический анализ* / Дисс...канд. филол. н. М., 2015

Чеснокова О.С. Семиотика и топонимика // *Функциональная семантика и семиотика знаковых систем: Сб. научных статей. Часть I*. М.: РУДН, 2011. С. 12.

ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЦЕПОЧКИ МАТЬ / МАТІР ↔ РОДИНА / БАТЬКІВЩИНА В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Ж.В. Марфина

ЛНУ им. Тараса Шевченко
(Украина/ЛНР, Луганск)
lib_lnpu@ukr.net

Поэтическая картина мира (ПКМ) как неотъемлемый компонент национальной языковой картины мира является особой формой познания и восприятия человеком окружающей действительности, в результате которых в сознании писателя возникают определенные образы. В частности и стереотипные, реализующиеся в тропах, фигурах, синтагматических моделях, словах-символах. Одним из таких стереотипных поэтических образов в

русской и украинской ПКМ является образ рус. *мать Родина* / укр. *мати Батьківщина*, основу семантической структуры которых составляет 'родная земля' (с локальным конкретизатором). Конкретное функционирование этого словесного образа в поэтической речи связано с модификациями концептуальной цепочки [мать / матір] ↔ [Родина / Батьківщина], влияющими в целом и на расширение семантики названий родства.

Исследователи отмечали, что для восточнославянских народов понятия *Родина*, *родная земля* относятся к национальным «культурным константам», и потому абсолютно логична концептуальная связь 'родина / батьківщина' – 'мать / мати, матір (мама)' [Степанов 2001: 170]. Поэтические контексты подчеркивают исключительность образа *Родины / Батьківщини* — *Руси, Украины*, его сакральность, актуализированной в ассоциативно-образной параллели с *Богородицей*: концептуальная цепочка [Богородица] ↔ [мать] ↔ [Родина]. Позитивно-возвышенную оценку образа подчеркивает и амплификация эпитетов *родная, светлая, чистая, легкая*, напр.: «Не разгляжу *родную Русь, Родную мать* в упор. Она *чиста, светла, легка*, Как сотни лет назад, Но вознеслась за облака Взглянуть на райский сад. И ждёт давно своих детей Она как водится, Своих гусей и лебедей, *Мать — Богородица*» (М. Бондарев). Инструментом вербализации концептуальной цепочки [мать / матір] ↔ [Родина / Батьківщина] является также компаративный оборот, в котором сему родства усиливает интимизирующий эпитет *моя*: «Зацвітає калина, зацвітає ліщина, Степом котиться диво-луна. Це *моя Україна*. Це *моя Батьківщина*, що як *мама і тато, одна*» (О. Заец).

По нашим наблюдениям, для ПКМ характерно:
а) антропоморфизованное восприятие страны проживания;
б) преобразование стереотипных ассоциатов как идеологем.

Первая из выделенных особенностей связана с тем, что поэтический образ Родины воплощается через образ живого существа, наделенного способностью чувствовать и сопереживать. Например, в украинских поэтических контекстах фиксируем: «І роси падають в траву, Гарячі роси падають в траву, Як сльози матері Росії» (Д. Луценко); «Буду я навчатись мови-блискавиці ... Щоб людському щастю дбанок свій надбати, Щоб раділа з мене Україна-мати» (А. Малышко). Особенностью обеих составляющих ПКМ является продуктивность ассоциации по модели *мать + имя собственное* (Родина / Батьківщина, Вітчизна; Україна; Россия / Росія и др.).

Мать-Родина является олицетворением женщины, чью поддержку ощущают жители страны. Именно концептуальную цепочку ‘мать — поддержка’ актуализирует сочетаемость со словами-соматизмами: «Переплету і обів’ю Вітчизну-матінку мою, Що дня врочистого за руку Вела до школи у науку, Віддавши душу всю свою» (П. Усенко); «Свого життя малесенькі зернини Кладу в долоні нені — Батьківщини» (Л. Горбенко).

Антропоморфизация образа Родины — это и моделирование внешних ассоциаций родной земли и женщины: «То ж брати для дня нового, ...Виліпили образ милий — Жінку у бою, Матір сиву, непохилу — Грецію свою» (А. Малышко). Через внешнюю характеристику реализуется авторское отношение к изображаемому образу, поддерживаемое положительно коннотированным атрибутивом *милый*.

Не лишен оценочности и «простой» образ с приложением *мать, матушка*. Именно оно перетягивает на себя аксиологическую роль — подчеркнуть позитивное отношение: «Россия-мать! По-свойски строги, размытым трактором семени, мы все клянём твои дороги, кого-то третьего вина» (Р. Казакова); «Ах ты, матушка-Россия, Что ты делаешь со мной? То ли все вокруг смурные? То ли я

один смурной!» (Е. Евтушенко). Иную, противоположную, оценку несет поэтизм *мачеха*, усиливающий контраст ‘чужой — родной’: «Зато надменны и спесивы, Они решаются решать, Кому *лишь мачеха — Россия*, Тогда как им — *родная мать*» (Е. Долматовский).

Структуры с приложением приобретают в ПКМ статус идеологических стереотипов. Относительно последних обращает на себя внимание особенность их словесного выражения, семантико-стилистическое содержание. Таким образом, в роли приложения выступают: а) возвышенно-торжественные эпитеты: «І пішла вогнем палити, ворога карати, щоб була навіки *вільна Батьківщина-мати*» (П. Тичина); «*Священну землю матері України* Залив слізьми і кров'ю людоджер» (М. Бажан); «В час добрый. Что будет — то будет. Бывало! Не стать привыкать!.. Родные великие люди, *Россия, родимая мать*» (А. Твардовский); «Шли на запад по снежным равнинам Земляки, побратимы, друзья... *Украина моя, Украина, Мать родная моя!*» (М. Исаковский);

б) местоименные эпитеты, указывающие на охват большого количества людей: «Я з вами в будні і у свята, Одні в нас думи і діла: Аби *Вітчизна, наша мати*, повік щасливою була» (Д. Кононенко); «О, *мати моя, Россия, Русь*, Незыблем трон твой златоглавый, Люблю тебя, тобой горжусь, Многострадальной и державной» (А. Черный).

Примечательно, что в ПКМ акцентированы приложения как концептуально слитые название родства и локальный конкретизатор, выступающие в роли вокатива: «Благослови ж їм, *Україно-мати*, Найдти дорогу в сонячні роки!» (П. Карманский); «*Суди нам, рідна мати Батьківщино*, На свято слово добре принести!» (М. Стельмах).

Для поэтических контекстов характерны, кроме восклицательных, риторические вопросительные фигуры, включающие приложения с названиями родства: «Ти, *Вкраїно* багата, Наша *страдниця, мати*, Чом ти нині, *небого*,

Невесела, убога?» (М. Шпак); *«Роковая страна, ледяная, Проклятая железной судьбой — Мать Россия, о родина злая, Кто же так подшутил над тобой?»* (А. Белый). Амплификационные ряды эпитетов создают различные колориты: печали и скорби — *страдница, небога, невесела, убога, смурной*; отчужденности — *роковая, ледяная, проклятая, злая*.

Мать-Родина — это ключевой образ ПКМ, актуализируемый в конкретные временные отрезки истории общества. Кризисный период, определенный, например, как образ смертного часа, модифицирует корреляцию «мать — Родина — сыны»: изменяются семантические акценты концептуальной цепочки [мать] ← (как) Родина / Отчизна ← (не обижаются; в чести) [сыны 'дети']. Например: «Всё, что угодно можно испытать: И жить в чести, и в неудачах маяться, Однако на *Отчизну, как на мать*, И в смертный час сыны *не обижаются!*» (С. Асадов). В период войн также актуализируется такой компонент корреляции «мать — Родина», как память. Таким образом, концептуальная цепочка приобретает форму [жизнь] → [мать] ← (память)← [Родина], ср.: «Но *Родина не забывает* павшего! Как *мать не забывает никогда* Ни павшего, ни без вести пропавшего, Того, кто *жив для матери всегда!*» (Э. Асадов). В таких же экстралингвистических ситуациях концептуальная цепочка приобретает форму [мать] ← (смерть)← [Родина]: «Вот возглас гвардии, вот вздох её нетленный: *«Мать-Родина! Мы насмерть здесь стоим...»* (О. Берггольц).

В ПКМ образ Родины, воплощенный в номинациях *Россия, Україна, Отчизна/Вітчизна, рідна сторона, земля (родной, семейная, советская)*, актуализирует сему 'родная' именно благодаря такой фигуре, как сравнение. Поэтому в концептуальной цепочке название родства *мать / матери, матір, мама* выполняем вспомогательную семантическую роль: [Россия, Україна, Отчизна/Вітчизна, рідна сторона, земля] ← (мать) → [лирический герой]. Например: «Біля

мене рідна сторона Прихилилась, мов старенька мати, Сумніви розкриливши свої» (М. Чернявский); «А если бы нас вдруг спросили: «А чем дорога вам страна?» — Да тем, что для всех нас *Россия, Как мама родная, — одна!*» (В. Гудимов).

Таким образом, в русском и украинском сегментах ПКМ концептуальная цепочка [мать / матір] ↔ [Родина / Батьківщина] имеет ряд общих особенностей реализации, связанных с поэтической антропоморфизацией словесного образа, его идеологизацией, возвышенно-поэтической оценкой, с ассоциативно-образным усложнением связей с периферическими концептами память, смерть, жизнь и др.

Литература

Степанов Ю. *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Академический Проект, 2001.

Жайворонок В.В. Магія слова — обрядові мовні формули на етнокультурному тлі / *Мовознавство*. 2017. №4. С. 12–25.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭЛЕКТРОННО-ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Г.М. Ниязова

ТюмГУ
(Россия, Тюмень)
gulsina-55@mail.ru

Современная лингвобезопасность подразумевает, прежде всего, обеспечение национальной безопасности посредством языковых средств, что, в конечном счете, обеспечивает лингвистическую профилактику межэтнических конфликтов [Карабулатова 2014: 218]. Сегодня в связи с украинскими, сирийскими событиями, мы

обнаруживаем столкновение принципов архегении и анархегении в этнолингвоинформационном пространстве мирового сообщества. Под архегенией понимается идеальный прообраз развития психики в конкретной этнокультуре. В свою очередь анархегения — это реальный образ развития и восприятие его органами чувств, в определенной мере отклоняющийся от естественного [Ниязова 2008: 111]. Гармонизация межэтнических отношений, обеспечение осведомленности всех членов общества о жизни, традициях и обычаях народов, которые живут рядом, базируется не только на рассказах о фестивалях, конференциях, круглых столах по заданной тематике. Гораздо больший интерес вызывают сюжеты о национальной кухне, жизни конкретно взятой национальной семьи, конкретном национальном обряде. Для более точного понимания последних, журналисты используют такой прием, как соотнесение обрядов ритуалов с русскими версиями. Поскольку календарный цикл у разных народов не сильно отличается. В качестве примеров можно привести следующие сюжеты, вышедшие в эфире регионального канала «Ладья-СТС»:

«Правильная свадьба» — сюжет о свадьбе имама-мухтасиба Ярковского района, которая прошла по татарским обычаям; «История для всех» — сюжет о еврейском празднике Пурим с включением фрагментов истории еврейского народа в контексте истории Сибири; «Восток — дело тонкое» — сюжет о правилах поведения и этикете восточных стран в помощь туристу; «Настоящая мама» — сюжет о многодетной матери, татарке по национальности, которая прививает детям татарские традиции и обычаи.

Вместе с тем рост ксенофобного контента в электронных и печатных СМИ увеличивают культурную дистанцию между различными народами, заставляя нас все больше обращаться к этнически ориентированным нормам этикета [Ларина 2009]. Общее содержание этнической

идентичности особенно у современной молодежи заключается в развитых рефлексивных механизмах относительно своей принадлежности к группе, значительном наборе этнодифференцирующих признаков, сформированной системе представлений о себе как о члене этнической общности, четко формулируемых мотивах выбора этнической общности, а также предрасположенности к этнонегативизму и чувствительности к этническим проблемам, что находит отражение и в эмоционально-оценочном пространстве этнической идентичности [Квициния 2014]. Высокий уровень дифференцированности как идентичности в целом (представленность во всех группах коммуникативного, физического, деятельного, перспективного, рефлексивного и социального «Я»), так и «этнорегиональной» идентичности в частности (разделение ее на общегражданскую, региональную и собственно этническую) в сочетании с представленностью у всех этнических групп широкого диапазона типов этнической идентичности (от этнонигилизма до этнофанатизма) находят отражение и в дифференциации внутреннего пространства этнической идентичности у современных носителей языка.

Конфликтный опыт общения как человеческий ресурс выполняет деструктивную роль, если человек не умеет им управлять. Так, распространенной сети постсоветского пространства «Одноклассники. ру» насчитывается свыше 800 групп «Антимайдан», участники которых конфликтноориентированы при обсуждении российско-украинских отношений. В результате нагнетания антиукраинских настроений конфликт среди пользователей сети вошел в деструктивную фазу. Украина, в свою очередь, открыла пять альтернативных социальных сетей, которые являются той этноинформационной площадкой, где пропагандируется современный украинский политический курс [Ворона 2014].

Полагаем, что наблюдаемый сегодня межэтнический российско-украинский конфликт в

этнолингвоинформационном пространстве можно начать разрешать раньше, чем он войдет в деструктивную фазу. Этнолингвоинформационное пространство рассматривает функционирование миноритарных и мажоритарных языков в современном электронно-информационном обществе [Хайретдинова 2012]. В связи с чем исследователи справедливо поднимают вопрос о влиянии информационного общества на внутреннюю картину мира человека и на качество его жизни [Дыганов 2007]. Нельзя сказать, что украинско-российские отношения всегда были только позитивными, однако политика грамотного использования базисных установок этноса позволяла сохранять паритет в сфере межэтнических отношений [Мазун 2009].

В современном этнолингвоинформационном пространстве широко используется ассоциативно-вербальный уровень, который включает в себя языковое знание и интуицию, вербальные образы, хранящиеся в сознании/ подсознании индивида. Как правило, индивидуальное сознание не может хранить в памяти всю совокупность языковых средств, апеллирующих к тому или иному концепту. Однако он может быть и шире, поскольку в сознании конкретного индивида могут находиться новые единицы-репрезентанты и связи между ними, которые еще не получили фиксации на первичном системно-языковом уровне. Например: «Кровавые выборы. Куда они приведут Украину?» (ролик от 28.10.2014), «Укропы поздравить вас с семидесятилетием освобождения от фашистов я не хочу, т.к. это была большая ошибка. Вас надо было добить вместе с немцами. Вы позор планеты Земля» (сообщение на форуме «Антимайдан») и т.п. Аналогично выстраивается дискурс и с украинской стороны: «старечий маразм реваншиста гітлерівської закваски на ймення Путін» (в украинских открытых обсуждениях на форумах сети «Однокласники.ру»).

Мы считаем, что в качестве межэтнического конфликтного дискурса выступает речевое взаимодействие коммуникантов-представителей разных этносов, в результате которого участники попадают в дискомфортное состояние из-за вербального воздействия друг на друга, в связи с тем, что иллокутивная доминанта речевого взаимодействия характеризуется наличием столкновения вербально выраженных целей. Самыми частотными эстимационно-негативными коннотатами являются: «террариум единомышленников», «кровавые выборы», «русские бидло», «цирк-шапито», «придурки», «укропы», «колорады», «бандеровцы», «обосранные шаровары» и т.п. Следует заметить, что такая экспрессивная негативная коннотация не служит поиску общей платформы и снижению конфронтации как с украинской, так и с российской стороны.

Общение в рамках межэтнического конфликтного дискурса представляет собой взаимодействие партнеров, которое осуществляется с помощью реплик или репликовых шагов, построенных из знаков естественного языка, с постоянным увеличением негативного коннотата. Взаимодействие общающихся сторон в диалоге конфликтной окраски возможно в том случае, если: а) партнеры по диалогу могут влиять друг на друга; б) это влияние упорядочено в единый процесс, правила которого можно регулировать.

Анализ современных стратегий и тактик в социальных сетях показывает, что межэтнический конфликтный дискурс появляется при условии чрезмерно интенсивного воздействия одного из участников на другого, если оно воспринимается как таковое, и маркировано в языковом плане. Чаще всего на интерпретацию иллокутивного содержания оказывает влияние соотношение социально-ролевых статусов, в меньшей степени — комплекс ситуативных и темпоральных, ситуативных и локальных факторов.

Мы сегодня до сих пор преодолеваем последствия вербальных этнотравмирующих стратегий с поляками, татарами, немцами, чеченцами [Осипов и др. 2016]. Теперь в этом списке займут свое место и украинцы. Историческими примерами этнотравмы можно назвать: поражение Казанского ханства в войне с Иваном Грозным, войны на Северном Кавказе России, введение «черты оседлости» для евреев в России, поражение Германии в Первой мировой войне и Версальский договор, обретение и потерю независимости балтийскими странами в промежутке между двумя мировыми войнами. Также к этнотравме относится лингвокультурная русификация с разной степенью интенсивности в имперской России. Лояльных балтийских немцев и армян она затронула достаточно поздно, а жителей Финляндии вообще едва коснулась.

Актуализация этнотравм достигается путем выдвижения на авансцену текущих событий — некоего мифа-символа. Некий факт исторического процесса вне контекста назначается универсальным эталоном отсчета со строго регламентированным числом возможных вопросов по теме. Результатом становится создание новой реальности путем изменения интерпретации этого мифа-символа, что влечет за собой более глубокие изменения во внутренней картине мира человека.

Литература

Ворона Т. *Пять украинских социальных сетей, созданных за две недели*, 04.04.2014 [Электронный ресурс]: <http://ain.ua/2014/04/04/518701> . Дата обращения: 20.10.2014.

Дыганов А.Г. Информационное пространство и качество жизни россиян (на материалах Республики Татарстан) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского: Серия Социальные науки*. № 3(7) 2007. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С. 28–32.

Карабулатова И.С. Лингвобезопасность современной России как мегаконцептуальный феномен: полилингвокультурная

языковая личность в условиях глобализации и миграций // *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст.* Красноярск: СФУ, 2014. Т.5. №5. С. 216–220.

Квициния М.А. Этноидентичность в пограничных ситуациях (опыт Абхазии) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2014. №2 (28). С. 121–126.

Ларина Т.В. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций.* М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Мазун Л.С. *Советская историография российско-украинских отношений 1917-1922 гг.* Автореферат дисс. канд.ист.н., М.: Российский государственный университет туризма и сервиса, 2009.

Ниязова Г.М. Человек в современном информационном пространстве: этнолингвофункциональная архегения и анархегения// *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования,* 2008. №1. С.109–113.

Одноклассники. URL: <http://www.odnoklassniki.ru/anti.maydan.ukr> (дата обращения 25.10.2017).

Осипов Г., Карабулатова И., Шафранов-Куцев Г., Кононова Л., Ахметова Б, Лоскутова Е., Ниязова Г..Последствия этнотравмы в современной ментальной картине мира у народов постсоветского пространства: межэтнический конфликтный дискурс в современном этнолингвоинформационном пространстве России // *Центральная Азия и Кавказ.* Том 19. Вып. 2. 2016. С. 100–108.

Хайретдинова А.М. *Лексико-семантические параметры номинативных единиц этнолингвоинформационного пространства тюркоязычных СМИ (на материале татарского, азербайджанского и казахского языков):* автореф. дисс. канд.филол.н. Тобольск, 2012. 24 с.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОМПАРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Г.А. Политкина

РАНХиГС
(Россия, Москва)
galina-aleks@list.ru

Основной целью работы является описание участия компаративной парадигмы [Гергель 2014] в создании связанных смысловых отрезков текста, а также возможности составляющих ее единиц в обеспечении когезивности и лингво-психологической направленности политического текста. В основе понимания компаративной парадигмы в данном случае лежат образующие ее компаративные единицы (КЕ) [Денисова 2017], приводящие в действие механизм сопоставления и эксплицирующие концепт сравнения.

Основными задачами статьи будет рассмотрение текстообразующих функций КЕ на самых разных этапах образования текста: при введении нового или заключительного параграфа, перечислении и смысловом переходе между смысловыми отрезками текста и т. д. В связи с тем, что для текстов политической направленности самым важным является сила убедительности и влияния автора на соответствующую аудиторию [Алтунян 2014], в центре нашего внимания будут убеждающие высказывания [Евгеньева 2010], содержащие КЕ и направленные на привлечение внимания читателя к рассуждениям автора.

Обратимся к следующему примеру, связанному с введением новой информацией в открывающемся параграфе: *In recent months (in China), the great firewall **has been raised higher** amid a crackdown on western influence that has affected universities, bloggers and television schedules* [Rachman 2008]. Использование КЕ *has been raised **higher*** отмечается ее

совместным употреблением с другим обеспечивающим связность текста языковым средством, характеризующимся определенной темпоральностью (Present Perfect).

В процессе обучения в подобных отрезках, создающих зачин текста через некое обобщение, важно привлечь внимание студентов к использованию примеров компаративной парадигмы вместе с грамматическим временем *Present Perfect* и соответствующей временной фразой (In recent months) — очень частому приему ввода начального параграфа текста, направленного на систематизацию и обобщение определенной ситуации.

При этом текстообразующий потенциал КЕ реализуется в составе комплексных конструкций, имеющих определенные грамматические и смысловые характеристики и отличающихся определенной устойчивостью употребления. Последние предлагается обозначить как **смысловые компаративные связки (КС)**.

В следующем примере такая связка включает в себя, помимо уже рассмотренных компонентов, и стилистический контраст, где успешная сторона политической деятельности противопоставляется негативной:

Mr Zupater has been most successful in extending civil liberties. ... But he has evaded wider questions: the limits of regional power, how to wean the economy from its dependence on construction, how to manage the integration of immigrants. On these big issues Mr Zupatero remains an innigma [Russel 2008].

Примечательной особенностью начальных параграфов политического текста можно считать также использование сравнительных конструкций, «поражающих» размахом приводимых аналогий и направленных на то, чтобы максимальным образом захватить внимание читателя: *Getting people to change what they eat is tough. Changing a whole farming system is even tougher [Rao 2017].*

В языковом плане характерно также употребление компаративного средства в рамках параллельной конструкции (*is tough / is even tougher*) — отобранным языковым механизмом усиления эффекта предлагаемой информации.

Хотелось бы обратить внимание на еще один продуктивный метод вовлечения адресата политической информации, построенный на эффекте неожиданности и получающей экспликацию в устойчивом круге обслуживающих этот прием лексических единиц. Речь идет о сравнении (например, политических лидеров или других объектов) через описание сначала сходства по нескольким параметрам, затем указания на обманчивый, ложный характер этого сходства и, наконец, сведения отмеченного сходства к нулю, его фактическому отрицанию.

В подобных случаях используются компаративные связки, которые могут сцеплять не только один, а несколько смысловых отрезков текста или представлять основу для написания целого сопоставительного текста.

Ниже приведены варианты компаративной связки, взятые из совершенно разных текстов [Bertrand 2017, Rachman 2008, Rose 2016], но объединенные указанным «механизмом убеждения» реципиента политической информации.

Сходство: ***Both have ...// much like their counterparts...// have similar sounding names but; Comparisons can be drawn between...;***

Сужение сходства: ***But beyond that; significance of "Year Zero" goes well beyond the choice between; Yet apparent familiarity can be deceptive; it could be misleading;***

Сведение отмеченного сходства практически к нулю: ***they have remarkably little in common; There's Really No Comparison between.***

Для политического текста при этом важно привлекающее внимание читателя противоречие, интрига,

ошибочность кажущегося впечатления; а для лингвистического исследования — устойчивость обслуживающих этот прием КЕ.

Следует отметить, что, когда студентам дается задание по написанию собственных небольших отрывков компаративного содержания с включением проанализированных компаративных связей, они с большой заинтересованностью к нему относятся, а получаемый дидактический результат может удивить своим профессионализмом.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что роль КЕ в формировании текста связана с тем, что они нередко являются главным элементом смыслового ядра параграфа, оказываются важным средством логического соединения смысловых отрезков текста, а также самым активным образом вовлечены в процесс оказания целенаправленного воздействия на реципиента политической информации.

Важно отметить, что компаративные средства реализуют свой текстообразующий потенциал не самостоятельно, а в составе смысловых компаративных связей (КС), которые, наряду с собственно КЕ, могут включать в себя языковые средства с заданной темпоральной особенностью и стилистическими характеристиками.

В более широком смысле описание таких смысловых связей, отличающихся определенной устойчивостью в языке, может служить опорной точкой, помогающей студентам самим становиться успешными авторами, правильно «складывающими» параграфы, а в дальнейшем, и полные тексты политической направленности.

Литература

Алтунян А.Г. *Анализ политических текстов: курс лекций*. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям Политология», «Журналистика», «Связи с общественностью», «Юриспруденция». М: 2014. 383 с.

Гергель О.И. *Образные парадигмы сравнений, характеризующих мужчину и женщину (на материале современной англоязычной женской прозы)*: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2014.

Денисова Г.Л. *Компаративное высказывание в познании мира: Монография*. Волжский уни-т им. В.Н. Татищева. Тольятти 2017. — 433 с

Евгеньева Т.В. *Психология массовой политической коммуникации: учебник и практикум для вузов* / Т. В. Евгеньева, А. В. Селезнева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 299 с.

Bertrand P. *WikiLeaks publishes Vault 7 CIA files, what do they reveal?* URL: <http://www.euronews.com/2017/03/08/wikileaks-publishes-vault-7-cia-files-what-do-they-reveal>

Crawford L. *Spain inherits wider liberties but trouble for the economy*. FT. 2008. March 7.

Rachman G. *China's strange fear of a color revolution*. URL: <https://www.ft.com/content/9b5a2ed2-af96-11e4-b42e-00144feab7de> (дата обращения: 01.11.2017).

Rose J. *There's Really No Comparison Between The Trump And Clinton Foundations*. URL: <https://www.npr.org/2016/10/17/498154413/theres-really-no-comparison-between-the-trump-and-clinton-foundations> (дата обращения: 01.11.2017).

Russel A. *The Zeal of Zuma. How the new ANC chief sees party and country*. URL: <https://www.ft.com/content/fc5f24da-eba3-11dc-9493-0000779fd2ac> (дата обращения: 01.11.2017).

**ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИАТЕКСТОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО “TWITTER” Д. ТРАМПА)**

Е.Б. Пономаренко

РУДН

(Россия, Москва)

ponomar_elena@mail.ru

В последние десятилетия отмечается рост интереса исследователей к медиалингвистике. В связи с этим изучается медиатекст и медиадискурс, выявляются сходства и различия между текстом и медиатекстом, дискурсом и медиадискурсом, анализируются приемы повышения эффективности медиадискурса и увеличения его воздействия на общественное сознание. Одним из основных подходов, используемых в изучении медиадискурса, является когнитивный подход. С помощью многочисленных медиаканалов не только отображаются и интерпретируются текущие события, но и создается медиакартина мира. Наблюдается тенденция проникновения медиадискурса в различные виды коммуникации. За последнее десятилетие информационно-коммуникационное пространство переживает период существенных изменений.

В настоящее время значительное влияние на общественное сознание оказывают социальные медиа как одна из разновидностей средств массовой коммуникации. Социальные медиа (англ. *social media*) — новый вид коммуникативной деятельности. Интересно отметить, что социальные медиа меняют работу традиционных новостных агентств. Еще недавно журналисты обращались в информационные агентства, то сегодня большую часть новостей журналисты находят в социальных медиа. Корреспонденты ведущих телерадиокорпораций

признают, что сейчас невозможно охватить всю историю событий, если у вас нет аккаунта в «Twitter» и в «Facebook».

«Twitter» становится мощным политическим оружием, с помощью которого возможна не только манипуляция общественным сознанием, но и даже свержение правящих режимов. Он стал мощным инструментом коммуникативного взаимодействия во время «цветных революций» и массового недовольства народа. Даже появился термин «Твиттер-революция» (англ. *twitter revolution*), обозначающий, что с помощью социальных медиа, в частности «Twitter» происходит координация и мобилизация, протесты и революции народных масс. Информация, предоставленная социальными сетями, сыграла важную роль и «арабской весне». В странах арабской весны большинство активистов использовали социальную сеть в качестве ключевого инструмента в выражение своего недовольства против правящего режима. Интересно отметить, что активисты используют «Facebook» для организации протестов, «Twitter» для распространения информации, а «YouTube», чтобы показать событие всему миру.

Открытие «social media» политиками стало для них настоящим прорывом, потому что такие платформы являются самым коротким путем связи к многочисленному электорату. Сегодня политики самых разных стран и взглядов имеют свои аккаунты в «Twitter». Причем, стоит отметить, что все интенсивнее, многие официальные лица используют «Twitter» не просто, как канал распространения собственной точки зрения и информации, но и как инструмент пропаганды или, в ряде случаев, даже мягкой силы. МИДы большинства европейских стран стали использовать «Twitter» как канал связи и общаются практически на всех языках мира. При этом естественно, что самые распространенные языки современной цифровой дипломатии, — это испанский, английский, русский, французский и арабский.

Поэтому сегодня «Twitter» рассматривается как новый серьезный канал цифровой дипломатии мировых лидеров и внешнеполитических ведомств. Более того, теперь уже не воспринимается чем-то необычным и особенным, когда правительства ряда стран для того, чтобы донести свою официальную позицию до всего мирового сообщества, используют не только свои сообщения в 140 знаков, но и фотографии, и видеоролики в 6 секунд.

Медиатексты «Твиттера» направлены не только на информирование о событиях, происходящих в общественной и в личной жизни, но и на формирование определенной позиции о происходящем при помощи различных экспрессивных средств и образов. Это обуславливает необходимость изучения функционирования данного языкового явления в плане мотивации выбора и побуждения к определенным реакциям (отношению и действию) с помощью языковых средств, а также в плане воздействия на адресата с помощью особых типов информации, т.е. в когнитивном аспекте.

Современные исследователи политического дискурса (Т.А. ван Дейк 2014; В.Е. Чернявская 2014; А.П. Чудинов 2006; Е.И. Шейгал 2004; М.Р. Желтухина и др. 2016а; 2016b) считают, что одним из важных концептов политического дискурса является концепт «власти», так как для ее реализации кандидаты используют все возможные языковые приемы и средства.

Как известно, что социальные сети используются в политике не первый год и уже даже не первое десятилетие. Однако избрание нового президента США Дональда Трампа в 2016 году перевернуло представления о том, как политик должен применять этот инструмент — причем переворот произошел в Твиттере. Известно, что от Барака Обамы президенту США Дональду Трампу перешел официальный аккаунт президента @POTUS в «Twitter», который

расшифровывается как «*president of the United States*» (президент США). Дональд Трамп гораздо активнее использует свой личный аккаунт — *@realDonaldTrump*, созданный в марте 2009 года и сейчас у него около 36 000 тыс. твитов и 38,5 млн читателей. В среднем он выпускает примерно около десяти твитов в сутки, что по частотности больше, чем предыдущий президент США Б. Обама.

Проведенный лексико-стилистический анализ твитов Д.Трампа показал, что большинство твитов президента носят отрицательный характер, и некоторые из них даже оскорбительные. Во-первых, потому, большая часть высказывания президента США, особенно в начале его президентства, посвящены его оппонентам — демократам, представителям других ветвей власти (преимущественно судебной) и особенно СМИ, которые он назвал «лживыми». Во-вторых, Трамп пишет о своих оппонентах слишком часто, время от времени вставляя предвыборный лозунг с восклицанием: «*MAKE AMERICA GREAT AGAIN!* / Снова сделаем Америку Великой!» и непременно заглавными буквами. Например: *Donald J. Trump @realDonaldTrump 15 июля 2017 MAKE AMERICA GREAT AGAIN!*

Ведя дискуссию со своими оппонентами, он выразил сожаление в «Twitter», что представители Республиканской партии, которую он представляет, так мало делают для его защиты от нападков со стороны демократов и СМИ по поводу вмешательства России в американские выборы. «Очень грустно, что республиканцы — даже те, кто многим обязан моей поддержке — делают очень мало, чтобы защитить своего президента». (*It's very sad that Republicans, even some that were carried over the line on my back, do very little to protect their President. Donald J. Trump @realDonaldTrump 23 July 2017*)

Продолжая эту тему, Президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп заявил, что над сфабрикованной в

США антироссийской «охотой на ведьм» в самой России только смеются, об этом глава государства написал на личной странице в «*Twitter*». «Над продолжающейся фальшивой “российской охотой на ведьм” смеются две группы — представители Демократической партии США и русские» (*As the phony Russian Witch Hunt continues, two groups are laughing at this excuse for a lost election taking hold, Democrats and Russians. Donald J. Trump @realDonaldTrump 23 July 2017*).

Анализ лингвистических особенностей медиатекстов на лексико-морфологическом уровне, выявил частотность употребления определенной лексики, разные способы словообразования, а также темы, на которых концентрируется политический медиадискурс Твиттера Д.Трампа. Самое частотное прилагательное у Дональда Трампа это «*great*» и словосочетания с ним. Например: *great challenge, great honor, great conversations, great victory, great people, great bilateral meeting, GREAT AMERICAN PEOPLE, GREAT COST GUARD, GREAT STATE and etc.* (большой вызов, великие почести, отличные разговоры, великая победа, великие люди, великая двусторонняя встреча, **ВЕЛИКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ НАРОД, ВЕЛИКАЯ БЕРЕГОВАЯ ОХРАНА, ВЕЛИКОЕ ГОСУДАРСТВО** и т.д.).

Также часто используются прилагательные с положительной коннотацией, такие как: *new, big, amazing, good, wonderful, smart, fantastic, interesting, incredible and etc.* (новый, большой, потрясающий, хороший, замечательный, умный, фантастический, интересный, невероятный) и др. Однако выявлено больше прилагательных с отрицательной коннотацией. Например: *horrible, nasty, unfair, disgusting, crooked* (ужасный, противный, несправедливый, отвратительный, нечестный) и др. Много отрицательных прилагательных связаны со СМИ, с людьми, которые с ним не согласны. Он их характеризует как: “*phony, fraudulent, unethical, worthless,*

hostile and etc (фальшивый, мошеннический, неэтичный, бесполезный, враждебный и т.д.).

Интересно отметить, что темы обсуждений в твиты Д.Трампа изменились с тех пор, как он стал президентом. Если до выборов он часто упоминал в твитах тему «*WOMEN*», «*DISASTER*», «*HILLARY*», «*RIGGED and etc.*» (женщины, катастрофа, Хиллари, фальсифицированный), то после января 2017 года основные темы в твитах президента: — ол «*MEDIA*», «*DEMOCRATS*», «*JOBS*», «*MEXICO*», «*RUSSIA*», «*BORDER*», «*FAKE*», «*FOREIGN VISITS and etc*» (Массмедия, демократы, работы, Мексика, Россия, граница, лживые, иностранные визиты и т.д.). Вообще, не было ни одного значимого события в политической жизни Америки, по поводу которого Д.Трамп не высказался в своем Twitter.

В анализируемом материале были также установлены особенности политического медиа дискурса и на графическом уровне. Отмечено, что Дональд Трамп довольно часто использует хэштеги (англ. *Hashtag* от *hash* — символ «решетка») — специальные тематические метки, которые используются для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блоках. Например такие как, #UNGA, #NoKo, #USAatUNGA, #MAGA, #Crooked Hillary, #NYTimes, #Dobbs#MAGA#TrumpTrain, #NeverFoget911, #Hurricaneirma, #irma, #FraudNewsCNN (сфабрикованные новости CNN) и #FNN "Fake News Network" (Лживая новостная сеть).

Литература

Кобрин Н.В. Особенности политического медиадискурса Твиттера // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12. Ч. 2. С 94–99.

Пономаренко Е.Б. Политический дискурс: человек в коммуникативном пространстве // *Человек и его дискурс — 5: театр — массмедия — политика — бизнес: Коллективная монография* / Боротько Л.А., Желтухина М.Р., Пономаренко Е.И.,

Репина Е.А. Ширяева О.В. Волгоград: ИЯ РАН; Прин Терра-Дизайн, 2017. 248 с.

Ван Дейк Т.А. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 344 с.

Чернявская В.Е. *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса*. М.: ЛЕНАНД. 2014. 200 с.

Чудинов А.П. *Политическая лингвистика: Учеб. пособие*. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

Шейгал Е.И. *Семиотика политического дискурса*. М.: Гнозис, 2004. 325 с.

Biggs T. Donald Trump Twitter-bot is hilarious and terrifyingly real. The Sydney Morning Herald. URL: <http://www.smh.com.au/technology/innovation/donaldtrump-twitterbot-is-hilarious-and-terrifyingly-real-20160308-gne1ya.html> (дата обращения: 01.11.2017).

Bilton N. Trump's biggest lie? The size of his Twitter following Vanity Fair. URL: <http://www.vanityfair.com/news/2016/08/trumps-biggest-lie-the-size-of-histwitter-following/> (дата обращения: 01.11.2017).

Zheltukhina, M.R., Krasavsky N.F., Ponomarenko E.B., Aleshchanova I.V., Pavlov P. Political Facebook Posts Using Ideological Symbols for Media Image Designing of Russia as Enemy // *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11(18). P. 12005–12013.

Zheltukhina M.R., Slyshkin G.G., Muzykant V.L., Ponomarenko E.B., Masalimova A.R. Functional Characteristics of the English and Russian Media Texts about the Sochi 2014 Winter Olympic Games: Political and Linguistic Aspects // *XLinguae Journal*. Vol. 10. Issue 3. June 2017. P. 83–100.

УНИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КАК НОВЫЙ ТИП ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.В. Привалова

СГМУ им. В.И. Разумовского
(Россия, Саратов)
ivprivalova@mail.ru

Появившиеся в конце прошлого века понятия «эколингвистика», «лингвоэкология» и «лингвосфера» становятся в настоящее время как никогда актуальными в связи с распространяющимися глобализационными тенденциями. Более того, эти понятия постоянно подвергаются переосмыслению и уточнению (см., например, [Курашкина 2015]). Если под «экологией» понимается взаимосвязь живых существ и их окружения, то под «лингвоэкологией» — взаимосвязь языковой системы и окружающей среды, конфигурацию которой предопределяют культурные, этнические и социальные факторы. Подобно тому как любой физический объект имеет свою атмосферу, определенная языковая система имеет свою оболочку или «лингвосферу» с этно-национально-культурной маркированностью. Лингвосфера окружает как отдельную языковую единицу, так и язык в целом. «Подобно биосфере и культурной среде, каждого из нас по отдельности и весь этнос в целом окружает атмосфера родного языка» [Савельева 1997: 8].

Любая языковая система, подобно окружающей среде, открыта и очень активно реагирует на любые изменения, происходящие вокруг нее. Например, эскалация взаимозависимости различных стран и континентов, обусловленная появлением новых средств коммуникации, прежде всего Интернета, не могла не сказаться на конфигурации лингвоэкологического пространства. Новые электронные средства коммуникации разрушают

географические и временные барьеры: «...technological advances of mass media would eventually disintegrate that natural time and space barriers inherent in human communication» [Neuliep 2009: 2]. Вместе с разрушением пространственных и геополитических границ невиданный масштаб приобретают взаимосвязанность и взаимозависимость на уровне отдельных этносов, государств и физических лиц. Джеймс Камерон справедливо утверждает: «Globalisation refers to the process by which previously isolated nations have become interconnected» [Cameron 2008: 63].

Глобализационные процессы отражаются в любой системе языка, в том числе, и в системе русского языка. На переломе веков В.Г. Костомаров описывал происходящие лингвистические изменения следующим образом: «Сейчас наше общество, вне всякого сомнения, встало на путь расширения границ литературного языка, изменения его состава, его норм. Более того, нормальные темпы языковой динамики резко повышены, что создает нежелательный разрыв в преемственности традиций, в целостности культуры» [Костомаров 1999: 7]. В настоящее время, в эпоху глобализационной интеграции, динамика языковых преобразований как никогда высока.

В эпоху глобализации происходит дестабилизация лингвоэкологического холизма, а именно, нарушается сбалансированность всех единиц лингвоэкологической сферы: происходит смешение функциональных стилей, возникают новые жанры речи, словарный состав видоизменяется за счет включения в русскую литературную норму жаргонизмов, диалектизмов и заимствований. Но изменения в составе русского языка в эпоху глобализации характеризуются прежде всего тем, что в словарном составе закрепляются англоязычные неологизмы. Данная тенденция вполне объяснима, так как английский язык выполняет функцию языка межнациональной коммуникации. В

геополитическом смысле, различные страны трансформируются в объединение, которое автор термина «глобализация» Г.М. МакЛюэн предлагал классифицировать как «global village». И, логично, что члены этого объединения стремятся к языковой унификации, т.е. к использованию единого языкового кода.

Не будет преувеличением утверждение о том, что в последние два десятилетия идентичность системы русского языка подвергается суровому испытанию. При огромном потоке англоязычных заимствований происходит вытеснение исконных лексических единиц. Важно, что процесс заимствования отражает глобализацию знаний и унификацию концептуальных пространств и концептов, поскольку заимствуется не просто языковая единица, а целый комплекс новых понятий и знаний, стоящих за ней.

В этом процессе следует различать следующие тенденции:

Заимствованные единицы отображают новый фрагмент действительности, а англоязычные лексемы транслитерируются, приобретают русскоязычную графическую оболочку и грамматические признаки: *фитнес, хип-хоп, брейк-данс, реп, граффити, кик-боксинг* и т.д. Иногда заимствованная единица используется для обозначения целой отрасли знаний: *«Нанотехнологии — последний шанс России. По оценкам экспертов, нанотехнологии стали важнейшим направлением технологического развития лидирующих мировых держав XXI века».*

За заимствованной лексической единицей не закреплен новый фрагмент знаний. Как правило, это бесконцептуальная, неинформативная единица, которая является семантическим аналогом имеющейся в русском языке единицы, например: *«Звезда «Спасателей Малибу» вот уже много лет выступает **амбассадором** фонда ЮНИСЕФ»* или *«Джессика одевает и Софи Грегуар Трюдо*

— именно в ее *аутфитах* Первая леди Канады встречала у себя на родине герцога и герцогиню Кембриджских в 2016 году». Считаем, что шансы «выживаемости» подобных лексем в системе русского языка весьма невелики. Сфера их употребления, вероятно, будет ограничена молодыми носителями русского языка, в совершенстве владеющими английским языком.

Сохранение за заимствованной англоязычной единицей ее исконной графической формы при ее употреблении в системе русского языка является наиболее «агрессивной» формой заимствований, например, «*Именно в этот момент на съемочной площадке появляется международный визажист Giorgio Armani Beauty Линда Кантелло — в своем фирменном total black, очках в массивной оправе и без капли косметики на загорелом лице*». В некоторых случаях англоязычная единица образует комбинированное сложное слово с русской лексемой: «*Героиня стрит-стайла, основатель fashion-сайта и меценат современных технологий — Мирослава Дума успела многое*». Иногда англоязычная часть сложного слова является основой для производства новых русских (?) языковых единиц: «*Невеста принца: beauty-эволюция Меган Маркл*». Как видим, в последних примерах представлены сложные билингвальные языковые единицы, где первая англоязычная часть слова является устойчивой основой для производства новых лексем, таких как beauty-блоггер, beauty-сленг, beauty-ассортимент и т.д.

Еще два десятка лет назад в русском языке не фиксировались заимствованные единицы с англоязычной материальной оболочкой, в настоящее время они становятся все более распространенным явлением, особенно для интернет-коммуникации. Полагаем, они представляют собой примеры лингвистической унификации языковых единиц как нового типа заимствования в эпоху глобализации.

Таким образом, в эпоху глобализации, усиливаются тенденции заимствования англоязычных лексем, так как они являются единицами языка, используемого для осуществления международной коммуникации. Анализ материальной формы неологизмов позволяет судить об особенностях процесса познания мира и процесса номинации новых предметов и сфер деятельности. Также данный анализ позволяет соотнести «...процесс понимания человеком объективного мира с закономерностями восприятия вербального сообщения» [Привалова 2001: 6]. Кроме того, изучение характера и тенденций языковых заимствований также позволяет судить и об изменениях, происходящих в языковых картинах мира. Каждое новое заимствование — это новый акт номинации, при котором подвергается переосмыслению обозначаемая сущность, так как «...неологизмы фиксируют собой меняющуюся или уже измененную интерпретацию данного нам фрагмента наличного бытия» [Кубрякова 2004: 10].

Литература

- Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи*. СПб.: Златоуст, 1999.
- Курашкина Н.А. *Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области* // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. N 2. С. 143–156.
- Кубрякова Е.С. *Новые единицы номинации в проектировании картины мира как транснациональные проблемы* // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I Междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 г. Т. I. М. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. С. 9–16.
- Привалова И.В. *Понимание иноязычного текста*. Саратов: Изд-во Поволжского межрегионального учебного центра, 2001.
- Савельева Л.В. *Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении*. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1997.
- Cameron J. [et al.] *Sociology*. Cheltenham: Nelson Thornes Ltd., 2008.

Neuliep J. *Intercultural Communication. A Contextual Approach*.
4th ed. London: Sage Publication, 2009.

СИНКРЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ С КОМПОНЕНТОМ НАРЕЧИЯ В ЭВЕНКИЙСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

О.И. Просяникова

ЛГУ им. А.С. Пушкина
(Россия, Санкт-Петербург)
olgapros@mail.ru

В настоящей статье рассматривается вопрос о синкретических формах, в которых одним из компонентов является наречие. Традиционно эту грамматическую категорию принято считать, во-первых, конгломератом, состоящим из застывших падежных форм или образованных от иных, самых различных грамматических категорий слов путем адвербиализации. Во-вторых, на этом же основании наречия обычно относят к наиболее поздно сформировавшейся категории. Несмотря на принадлежность наречия к равноправной части речи и определения для нее грамматической спецификации, вопрос о месте этой грамматической категории в истории развития языка остается нерешенным.

Синкретические формы, которые именуется исследователями как «недифференцированные имена» [Василевич 1940: 29], «имена качества» [Аврорин 1959: 222], «имена с нерасчлененной семантикой» [Новикова 1980: 14], остаются предметом дискуссии, поскольку остается спорным вопрос о причинах непроизводности этих форм, совпадения словоформ разной категориальной принадлежности. Сохранившиеся синкретические формы разных типов (существительное/глагол, существительное/прилагательное, прилагательное/наречие и др.) в алтайских языках и в

английском языке дают основание рассматривать их с точки зрения развития языка в русле теории синкретизма, предложенной С.Л. Чарековым [Чареков 1997: 5]. Существование синкретических форм типа прилагательное/наречие определяется, по мнению С.Л. Чарекова, атрибутивным характером этих двух грамматических разрядов слов [Чареков 2000: 156]. Предположение некоторых исследователей, что наречия образуют разряд слов, к которым относятся только производные от других разрядов, можно оспорить, опираясь на факты присутствия в языках синкретических форм. Наличие в языках, например, в английском и некоторых алтайских, непроизводных форм наречий говорит в пользу того факта, что не все наречия имеют производный характер. Вполне вероятно, что образование синкретических форм различных типов, в которых одно из значений является наречным, происходило одновременно с возникновением первичных непроизводных наречий. Возможно также, что и первичные непроизводные наречия в процессе своей эволюции приобретали возможность употребляться в значении существительных, прилагательных и других грамматических разрядов слов, тем самым превращаясь в синкретические формы.

Именно к таким наречиям относятся в эвенкийском языке наречия, обозначающие времена года и суток. Основной их особенностью является то, что носителем адвербиального значения оказывается именно непроизводная форма, от которой и образуются затем существительное и прилагательное при помощи соответствующих суффиксов: боло / болони / болор — *осенью / осень / осенний*, туга / тугэни / тугэр — *зимой / зима / зимний*, нэлки / нэлкини / нэлкир — *весной / весна / весенний*, дюга / дюгани / дюгари — *летом/лето/летний*. Аналогичным образом обстоит дело и с наречиями, обозначающими время суток: долбо / долбон / долбор — *ночью / ночь / ночной*, тырга / тыргани / тыргар —

днем / день / дневной, сиксэ / сиксани / сиксэр — поздно вечером / вечер / вечерний.

Однако если в некоторых темпоральных формах первичным значением можно считать именно адвербиальное, то в случае с локативными или обстоятельственными наречиями дело обстоит несколько сложнее.

Среди наречий с локативной семантикой в английском и эвенкийском языках присутствует некоторое количество синкретических форм типа существительное/прилагательное/наречие: *горо — даль / далекий / далеко, гугда — высота / высокий / высоко, дага — близь / близкий, недалекий, соседний / близко, вблизи / возле, сунта — глубина / глубокий / глубоко.* В английском языке последовательность появления форм различная, но присутствуют также производные формы существительное/наречие/прилагательное: *back — спина / назад / задний, high — высокий / высоко / высота, deep — глубокий / глубоко / глубина.*

По поводу этих примеров с определенной долей уверенности можно лишь сказать, что номинативные значения, в силу их большей отвлеченности, являются более поздними, в то время как значения прилагательное/наречие трудно поддаются подобной относительной хронологизации. Близость некоторых лексико-семантических групп наречий и прилагательных настолько велика, что даже впоследствии, при подкреплении одного из грамматических значений специальным словообразовательным суффиксом, эти, уже производные, формы, в свою очередь, приобретают качество синкретических. Собственно, приводившиеся выше в качестве примеров формы в эвенкийском языке скорее всего и являются исторически производными с десемантизированными суффиксами.

Этот же тип синкретизма встречается среди определительных наречий: *нёма — скорость / скорый,*

проворный / быстро, скоро, туге — теснота / тесный / тесно, хактыра — темнота / темный / темно, хэлэкэ — излишек / лишний / слишком, хэрэкэ — самостоятельность / особенный, самостоятельный, отдельный /особенно, отдельно. В английском языке синкретические формы этого типа наречий многочисленны: *hard — твердый / твердо, easy — легкий / легко, quick — быстрый / быстро, slow — медленный / медленно, tight — тесный, крепкий / крепко.*

Со структурной точки зрения эти формы аналогичны локативным наречиям со вторичным именным и с первичным нерасчлененным значением прилагательное/наречие: *near — близко / близкий, far — далеко / далекий.*

Именно определительная функция, свойственная наречиям и прилагательным, служит основой возникновения этого типа синкретизма, что демонстрируют и формы прилагательное/наречие, в которых значение существительного не получило своего развития: *дэрбэкин — сырой / сыро, уса — плохой / плохо, наурэ — жестокий / жестоко, няма — теплый / тепло, сидин — невнимательный / невнимательно; late — поздний / поздно, loud — громкий / громко, sure — уверенный / несомненно.*

Более редкими оказываются синкретические формы типа существительное/наречие: *даран — ряд/рядом, кэтэ — обилие, множество, масса/ много, санун — прохлада / прохладно, бак — спина / назад.* В этих случаях, как и в предыдущих примерах, хронологизация грамматических значений затруднительна. Дифференциация номинативных и адвербиальных значений возникает в речи изначально и связана с позицией в предложении.

Частным случаем синкретизма различных типов является возникновение адвербиального значения как переносного, в большей или меньшей степени связанного с исходной семантикой основы: *боско — кусок / даром, бесплатно, бэркэ — ловкий, храбрый, удачливый / очень,*

сильно, дэлэй — ширина / обильно, кира — бок, край / около, even — ровный / в подбор, squash — мезга, шлепанье / шлепком. Естественно, что во всех этих и подобных этим случаях адвербиальное значение является более поздним.

Синкретизм всех упоминавшихся выше форм непосредственно связан с первичным синкретизмом, существовавшим на той стадии развития языка, когда формирование грамматических разрядов слов еще только начиналось. Однако синкретические формы этого типа не просто не исчезли из языка — их число увеличилось при возникновении производных наречий, образованных суффиксальным способом. Производные формы в эвенкийском языке с некоторыми суффиксами (например, -пчу, -вси, -гды), образуемые от именных и глагольных основ, также оказывались носителями двух грамматических значений — номинативного, адвербиального и/или адъективного. Эту разновидность синкретизма можно определить как вторичный синкретизм: агун — *скука* / агунипчу — *скучно / скучный*, инин — *холод* / ининипчу — *холодно/холодный (о воде, воздухе)*, нэлэ — *страх* / нэлэвси — *страшный*, нэлэвсипчу — *страшно/страшный*, нэри — *свет / светлый* / нэрипчу — *светло/светлый*. В дальнейшем во многих случаях производные синкретические формы подкреплялись еще одним дополнительным суффиксом для более четкого разграничения адъективных и адвербиальных значений: гудейпчу — *красиво / красивый* и гудейпчут — *красиво*, тыкулипчу — *сердитый / сердито* и тыкулипчут — *гневно, сердито*. В английском языке суффикс -ly образовал наречия наряду с синкретическими: bad / badly — *плохо*, easy / easily — *легко*, high / highly — *высоко*, loud / loudly — *громко*, quick / quickly — *быстро*, sharp / sharply — *резко*, slow / slowly — *медленно*.

Таким образом, наречия современного языка отражают последовательность развития от первичного синкретического слова к вторичным (производным) синкретическим формам

и от них — к морфологически оформленным, собственно производным наречиям с самостоятельным словообразовательным формантом. В эвенкийском языке существует большое количество локативных наречий, суффиксы которых совпадают по форме и семантике с формантами локативных падежей, таких как дательноместный, направительный, продольный, исходный, отложительный. Этот факт на начальных стадиях изучения языка иногда служил основанием для отнесения наречий к разряду склоняемых частей речи, точнее частям речи с «неполным склонением», поскольку некоторые падежные формы у наречий все-таки отсутствуют. Безусловно, подобные «застывшие» падежные формы составляют достаточно многочисленный слой в общем объеме адвербиальных слов, и они сравнительно легко могут быть выявлены. Однако этим фактом проблема далеко не исчерпывается. Существует также и общепризнанное утверждение, что система словоизменения является более поздней по сравнению со словообразованием, и это не противоречит отчетливо выраженной в любом языке тенденции развития от конкретных — относительно узких — значений словообразовательных суффиксов к более отвлеченным словоизменительным (падежным) с грамматикализованной семантикой. Однако многие наречия, как это уже было показано выше, представляют собой весьма архаичные формы, которые в результате развития заложили основу формирования отдельного грамматического разряда наречия, отграничив его от совпадающей словоформы по ее одной определенной функции.

Литература

Аврорин В.А. *Грамматика нанайского языка. Т. 1. Морфология именных частей речи.* Л.: Изд-во Акад. наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1959.

Василевич Г.М. *Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка: Пособие для препод. эвенк. (тунг.) яз.* Л.: Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1940.

Новикова К.А. *Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор.* Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980.

Чареков С.Л. *К происхождению языка: Монография.* СПб., 1997.

Чареков С.Л. *Эволюционная морфология. Часть I. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках.* СПб.: Наука, 2000.

ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.В. Пушкина, А.А. Степенко

РУДН

(Россия, Москва)

pushkina4@yandex.ru

О принятии всемирного языка мечтали мыслители еще с античных времен. В средние века роль всемирного языка играла латынь. Но латинский язык очень сложен, и попытки «реанимировать» его успехом не увенчались. Использование какого-либо национального языка в качестве глобального ущемляет права всех других государств. Успех выпал на долю эсперанто, так называемого «нейтрального» или «искусственного» языка, проект которого разработал Людвиг Заменгоф в 1887 году. Его основу составляют интернациональные слова, часто понимаемые без перевода, и 16 грамматических правил. Этот язык с самого начала привлек к себе своей относительной простотой, выразительными возможностями, легкостью изучения. «Но вопрос об искусственном международном языке во многих кругах, к сожалению, именно научных, вызывает улыбку, в лучшем случае незаслуженное равнодушное отношение. Сомнение вызывает само определение «искусственный». В

значительной мере это происходит оттого, что так называемый природный, или естественный, язык до сих пор многим представляется даром природы, а не искусственным созданием общественности» [Март 1928: 9]. Здесь хочется привести в пример слова Иосифа Бродского, когда на вопрос «Что такое для вас язык?», он ответил: «Нечто мистическое. Нечто огромное. Не ясно, откуда он взялся... Тот, кто дал нам язык, больше нас... Мы пришли в язык, а не создали его...» [Интервью с И. Бродским 2009: 9].

Язык не может стать глобальным только из-за каких-либо структурных особенностей, или из-за богатого литературного наследия, или благодаря подвигам великой нации. Именно вместе все эти составляющие способствуют появлению глобального языка и мотивируют другие народы изучать именно его. Кроме того, существует масса причин, по которым определенный язык становится приоритетным: это и историческое наследие, и политическая целесообразность, готовность государства оказать финансовую поддержку в процессе обучения языку в других странах. Язык традиционно становится международным еще по одной причине: мощь государства — политическая, военная и технологическая.

Исторически так сложилось, что роль глобального языка, языка международного общения, отводится сегодня именно английскому языку. Он распространен в различных слоях общества и владение им является залогом успеха человека. Он не служит средством коммуникации внутри страны, где является родным, а используется как иностранный язык в международном бизнесе, туризме и науке.

Английский язык получил свое распространение к началу 19 века, когда Британия занимала лидирующие позиции в мире и в сфере промышленности, и в сфере торговли. Начиная со второй половины 20 века, английский язык стал выполнять функции универсального языка

общения людей разных стран и культур. Английский — это своего рода международный язык современности. В 20 веке предпочтение стало отдаваться американскому варианту английского языка. Это язык экономической, военной и политической супердержавы. Глобализация торговли, экономики и распространения американского образа жизни — то, что называется «американизацией», — способствует распространению американского английского.

Но, тем не менее, к истории и культуре Британии, или как еще ласково ее называют «старушка Англия», интерес никогда не пропадал.

Но язык — не только средство коммуникации. Язык — это зеркало души, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [Гер-Минасова 2000: 14]. Поэтому, изучая иностранный язык, мы знакомимся с миром и культурой носителей языка.

Все это доказывает очевидную положительную сторону распространения английского языка как глобального в силу влияния новых информационных и коммуникативных технологий: владение английским языком способствует освоению новых передовых технологий, налаживанию межкультурных связей. Его знание помогает если не стереть, то уменьшить коммуникативный барьер между людьми в разных уголках мира. Действительно, с экранов телевизора мы слышим говорящих на английском языке политиков; где бы вы не путешествовали, вы в большинстве случаев встретите надписи или рекламные объявления на английском; в любом отеле или ресторане в любой точке мира с вами будут готовы вести беседу на английском языке; подадут меню, содержащее английский эквивалент национальных блюд и их состав.

Но есть и негативные стороны распространения глобального языка. Процесс взаимодействия английского языка с другим в значительной степени влияет на его структуру, словарь и культуру. Речь идет о заимствовании лексических единиц из английского в исконный. Пополнение словарного состава идет, в основном, за счет англицизмов/американизмов, которые проникают практически во все стороны человеческой деятельности. Такие слова как «пиар», «кастинг», «креативный», «чаты», «перманентный», «масс медия», «фаст фуд» и многие другие так прочно осели, например, в русском языке, что молодежь вряд ли назовет их русские соответствия. Английские слова не только пополняют словарный состав, но и заменяют уже существующие слова в исконном языке, что может являться угрозой для развития языка.

Молодежь воспитывается, в основном, на голливудских фильмах, где пропагандируется иная культура, иной образ жизни. Вся история, культура и менталитет Америки умещаются в одно понятие — «американская мечта»: мечта о свободе, равенстве, демократии, о будущем американском рае на земле. [Там же: 200]. И этим примером для подражания, этой мечтой американцы пытаются заразить весь мир. Таким образом, идет слепое подражание чужому и постепенная утрата собственных культурных ценностей.

Английский язык не только влияет на другие языки, но и сам испытывает интенсивное негативное воздействие как глобальный язык. Дело в том, что в погоне за быстрым, в кратчайшие сроки, овладения английским языком, скажем, в курортных местах или местах большого скопления туристов (или даже в чатах в Интернете) обслуживающий персонал принимающей стороны в большей степени осваивает лишь фразы-клише, не задумываясь о грамматической структуре языка. Разговор представляет собой сплошные эмоции, отрывистые слова, без содержания и точного описания. Таким образом, язык становится клишированным и при

более тесном коммуникативном акте — блеклым, неграмотным, лишенным своего лексического достоинства.

Существуют опасения, что распространение глобального языка снизит желание человека изучать другие языки и ускорит процесс исчезновения малых языков, что является, по сути, интеллектуальной и социальной трагедией. Британский ученый Дэвид Кристл отмечает, что в настоящее время малые языки стремительно умирают, и в среднем каждые две недели на земле умирает какой-нибудь язык.

Возможно, подобное может произойти лишь в долгосрочной перспективе. Но уже сейчас народам стоит задуматься о сохранении родного языка и культурного наследия.

В заключении стоит отметить, что необходимость в едином, универсальном, языке как средстве международной коммуникации будет существовать всегда. Будет это английский или его какой-либо национальный вариант, или другой национальный язык, или искусственный мелодичный эсперанто — предугадать сложно. Самое главное — не допустить размывания языковой нормы и языка, выполняющего ныне роль международного, и, естественно, родного. Нельзя сбрасывать со счетов такое понятие как «равноправие языков». Нужно помнить, что родной язык и родная культура — неотъемлемая часть нации. Необходимо стремиться сделать свой родной язык престижным. А престиж языка — это, соответственно, престиж страны и ее влияние на мировой арене.

Литература

Интервью с И. Бродским: *Российская газета*, 02.10. 2009, № 186. С.9.

Март Н.Я. *Предисловие к: Э.К. Дрезен // За всеобщим языком*. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. С. 3–9.

Тер-Минасова С.Г. *Язык и межкультурная коммуникация* — М.: Издательство СЛОВО, 2000.

Что такое эсперанто? URL: <https://www.esperanto.mv.ru/RUS/about.html> (дата обращения: 01.11.2017).

Crystal D. *English as a Global Language*. Cambridge University Press: 2003, P. 1–27, 172–192.

ПЕРУАНСКИЕ КАТОЙКОНИМЫ: ВАРИАТИВНОСТЬ, МОРФОЛОГИЯ И ПРОДУКТИВНОСТЬ СУФФИКСОВ

М. Радович

РУДН

(Россия, Москва)

radovic.mar@gmail.com

Разнообразие языковой ситуации в Южной Америке на протяжении веков, несомненно, оказало сильное воздействие на топонимические особенности каждой из стран, что свидетельствует о присутствии автохтонных языков в топонимической лексике на территории южноамериканского континента до сих пор. Если рассматривать оттопонимические номинации, еще называемые катойконимами, возникает большая вероятность столкнуться с двумя и более вариантами равноправно используемых номинаций от одного топонима, вследствие чего оказывается сложной задачей выяснить их происхождение, первенство и развитие или же определить причины, почему в других ситуациях некоторые варианты столь редко используются.

В ходе нашего анализа системы перуанских оттопонимических номинаций было проанализировано 94 катойконима, соответствующих 85 перуанским топонимам. Обнаружено 7 топонимов с синонимическими дублетами катойконимов (официальный — альтернативный; официальный — катойконим, образованный иным путем): *limeño-limense* (Lima — департамент); *tacneño-tacnense* (Тасна — департамент); *ayacuchano-huamanguino* (Ayacucho

— город); *tacneño-tacnense* (Тасна — город); *pucallpino-pucallpeño* (Pucallpa — город); *chimbotano-chimbotero* (Chimbote — город; номинация «chimbotero» используется в качестве топонимического прозвища для мигрантов, работающих в городе Чимботе); *samanejo-samaneño* (Samaná — город).

Кроме того, был обнаружен пример синонимического триплета номинаций для жителя древнего индейского города Куско: *cuzqueño* (официальный катойконим) — *cusqueño* (второй, альтернативный вариант) — *inca* (устаревший катойконим, мотивированный историческими аллюзиями).

Картина продуктивности суффиксов в системе перуанских катойконимов отличается высокой неоднородностью, в отличие от соседних стран, в которых частотность ведущего суффикса более выраженная. Следует отметить, что для департаментов и их одноименных столиц используются одинаковые формы, исключение составляет город Айякучо, для которого еще узуален вариант *huamanguino*. На первом месте находится суффикс *-eño* (33 примера): *apurimeño, arequipeño, cuzqueño, huaniqueño, iqueño, liberteño, limeño, pasqueño, puneño, tacneño, arequipeño, cuzqueño, cusqueño, huaniqueño, iqueño, iquiteño, cerreño, puneño, tacneño, pucallpeño, juliaqueño, limeño, paiteño, bellavisteño, samaneño, chongoyapeño, colliqueño, comeño, ilaveño, ileño, jimbeño, santeño, villasalvadoreño*.

Вторым по продуктивности выступает суффикс *-ino* (24): *ancashino, cajamarquino, tumbesino, ucayalino, huaracino, abanquino, huamanguino, cajamarquino, huancaíno* (с ударением на *-i-*), *moyobambino, tumbesino, pucallpino, tarapotino, andahuaylino, baguagrando, mollendino, caracino, huaralino, miraflorentino, pacasmayino, pampino, samanquino, sanjuanino, sihuasino*.

Третье место занимает суффикс *-ano* (22): *peruano, ayacuchano, huancavelicano, lambayecano, loretano, moqueguano, piurano, chachapoyano, ayacuchano,*

huancavelicano, trujillano, chiclayano, huachano, maternitano, moqueguano, piurano, chimbotano, chotano, chorrillano, neochimbotano, surcano, surcano, в то время как самый популярный в соседних Бразилии и Эквадоре *-ense* фигурирует лишь в 6 примерах: *amazonense, limense, madrediosense, sanmartinense, tacnense, tacnense*.

Обнаружено несколько случаев появления довольно редких суффиксов, таких как *-ero* (*Chimbote — chimbotero, Sullana — sullanero, Virú — viruñero*, с появлением аффикса *-ñ-*), *-aco* (*chalaco*, для названия жителя провинции Кальяо и ее одноименной столицы), *-ista* (*Cabana — cabanista*) и *-ejo* (*Camaná — camanejo*). Продуктивный в других странах суффикс *-o* в Перу обнаружен всего один раз: *Junín — junino*.

В нашей картотеке оказалось 4 примера супплетивных форм катойконимов, образованных иным путем, т.е. официальных номинаций, не включающих в себе топоним в качестве корня: *Cuzco — inca* (аллюзия исторической столицы империи инков); *Puerto Maldonado — maternitano* (мотивированность неизвестна); *Ayacucho — huamanguino* (от названия провинции, в которой расположен город); *Callao — chalaco*.

О значении катойконима *chalaco* существует множество теорий, согласно которым его индейское происхождение толкуется как «дома из прочных сушеных листьев тростника и кукурузы, построенные на песчаной местности» (*chhalla-ako*), «индеец, собирающий листья тростников» (*chhallakuni*) или «проживающий в порту/рыбак» (*challahaque*).

Среди примеров катойконимов с внутренними графическими изменениями, произошедшими в ходе деривации от топонимов и в соответствии с правилами испанской орфографии, отметим следующие:

1) переход звука [-с-] из конечного слога в [-qu-]: *Cuzco — cuzqueño, cusqueño*; *Huanuco — huanuqueño*; *Ica — iqueño*;

Juliaca – juliaqueño; Cajamarca – cajamarquino; Abancay – abanquino; Pasco – Pasqueño, Samanco – samanquino.

2) переход конечного [-z] в [-c-]: Caraz – caracino; Huaraz – huaracino.

В случаях, когда одним из топоформантов выступают лексические единицы *Nuevo* или *San*, катойконим в Перу образуется одним словом и без дефиса: *Nuevo Chimbote – neochimbotano* (вводится греческая морфема «neo»); *San Martín – sanmartinense*; *San Juan de Miraflores – sanjuanino* (совпадает с номинацией для жителя аргентинской провинции и города *San Juan*). Примечательно отсутствие совпадения катойконимов от аргентинского и перуанского городов под одинаковым названием *Junín* – в Перу будет *junino*, в то время как в Аргентине используются варианты *juniniense/juninense*. Также для жителей города *Villa El Salvador* неuzuальна ожидаемая форма «salvadoreño», а фигурируют оба топоформанта (без артикля *el*) — *villasalvadoreño*.

Исследованный материал подтверждает вывод академика Г.В. Степанова, что выбор суффиксальных оформителей катойконимов не поддается строгим правилам, а находится под влиянием сложившейся языковой традиции [Степанов, 1979: 256], поскольку для южноамериканского испаноязычного ареала характерно несистематичное чередование нескольких наиболее продуктивных суффиксов.

Литература

Радович М. Лингвистический анализ катойконимов на материале парагвайского и уругвайского национальных вариантов испанского языка // *Вестник РУДН: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2016. №1. С. 108–118.

Степанов Г.В. *К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки*. М.: Наука, 1979. 328 с.

Chesnokova O. *Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico / Forma y Función*. 2011. Vol. 24. №2. P. 11–24.

ФЕНОМЕН ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М.М. Раевская

МГУ им. М.В. Ломоносова

(Россия, Москва)

mraevskaya@gmail.com

1. В последние десятилетия в современном социально-политическом контексте тематика национальной идентичности привлекает к себе пристальное внимание политиков, социологов и лингвистов благодаря широкому спектру своих как закономерных, так и неожиданных проявлений. Продолжающаяся глобализация современного общества затрагивает не только экономическую и политическую жизнь социумов, но, прежде всего, проявляется непосредственно в языковой сфере, которая живо реагирует на данный вызов времени. В настоящее время языковая политика стала одним из важнейших инструментов управления в странах, находящихся в постоянной миграционной динамике, ее гибкость и продуманность стали факторами, гарантирующими стабильность и поступательность общественного развития.

Вместе с тем, происходят изменения и в ментальности (языковой, идеологической и когнитивной) языковой личности, подстраивающейся под актуальные перемены современной реальности и, в то же время, сохраняющей свои традиционные ориентиры при одновременном определении своих собственных предпочтений.

В современной социологии традиционно принято выделять различные виды идентичности, связанные с исторически закрепленными типами общностей: человеческую, цивилизационную, этническую, национальную, гендерную, социальную, культурную, групповую, профессиональную, возрастную, классовую,

политическую, религиозную и т.п. Вместе с тем, в настоящее время понятие «идентичность» получило широкое распространение в культурной и социальной антропологии, а также в работах, посвященных межкультурной коммуникации, прежде всего связанных с изучением роли языка в формировании национальной идентичности. В эпоху глобальных перемен национальная идентичность и вместе с нею и язык становятся одними из немногих устойчивых ориентиров в меняющемся мире и выступают как одни из важнейших регуляторов социальной жизни общества в силу своего влияния не только на духовное бытие личности и социума, но и обеспечения ощущения единства и взаимной комплиментарности его членов.

2. В современной научной публицистике принято считать, что проблема личностной идентичности обуславливается разнонаправленными векторами социального и политического развития, а само по себе понятие идентичности иерархично. Кроме того, исследователи придерживаются мнения о том, что идентичность должна рассматриваться не как свойство, а как отношение (Ф. Барт), поскольку представляет собой «результат открытого процесса идентификаций» [Евсеева, 2009: 15], который никогда не бывает окончательным. При этом, идентичность, будучи продуктом социального взаимодействия, может иметь как сугубо личностное, так и коллективное проявление.

Рассматривая данную проблематику в рамках социолингвистики, следует отметить, что идентичность всегда непосредственно связана с процессом коммуникации и проявляется через систему вербального и невербального поведения, значимого для определенной социальной группы. Кроме того, идентичность имеет динамический, подвижный характер, изменяющийся в зависимости от контекста ситуации.

В работах отечественных исследователей идентичность трактуется как абстрактный концепт, представляющий собой неограниченное множество сосуществующих видов или субидентичностей (К.А. Абульхонова, Л.И. Гришаева, Л.Н. Евсеева, И.С. Кон, В.Г. Крысько, В.Г. Николаев, Т.Г. Стефаненко), конкретно проявляющихся в определенной ситуации. При этом, Л.И. Гришаева предлагает рассматривать идентичность как феномен, сочетающий ядерные характеристики, обеспечивающие «тождественность субъекта идентичности самому себе в разнообразных типах интеракции» (Гришаева 2007: 141–154), и периферийные характеристики, обеспечивающие коммуникативную и когнитивную гибкость. Подобное толкование идентичности позволяет рассматривать все ее виды как способные к постоянной трансформации одновременно статические и динамические комплексы качеств, организованные в единое целое. Компоненты ядерной части общей структуры обеспечивают устойчивость процесса взаимодействия/коммуникации в рамках единого когнитивного, языкового и культурного континуума, в то время как компоненты периферийной части необходимы для освоения личностью новых вариантов интеракции в новом для нее социальном, политическом и культурном контексте.

3. Изучение языкового проявления идентичности позволило ввести в парадигму научных исследований новый аспект, получивший название «лингвокультурная идентичность» (Н.Ф. Герман (2009), В.В. Красных (2007) и «лингвистическая идентичность» (М.М. Раевская (2014)). Под лингвокультурной идентичностью коммуниканта понимается «осознание своей идентичности в рамках принадлежности тому или иному лингвокультурному сообществу» (Н.Ф. Герман, 2012), обеспечивающее использование адекватных моделей дискурсивных событий в процессе межкультурного взаимодействия и предопределяющееся внешними и внутренними факторами.

Лингвокультурная идентичность позволяет индивиду оценивать те или иные культурные и языковые явления согласно системе ценностей, характерной для его собственной лингвокультуры, ориентируясь на принятые в его сетке координат модели дискурсивного взаимодействия.

Термин «лингвистическая идентичность» как еще один вид идентичности был впервые предложен в 2004 году на Международном конгрессе испанского языка (CILE) в г. Росарио, однако как отдельный термин до сих пор не получил необходимой научной разработки в отечественной научной публицистике. Тем не менее потребность во введении данного понятия в обиход современного научного знания и социально-политической практики продиктована чисто прагматическими причинами, а именно насущной необходимостью испаноязычного сообщества определить роль испанского языка как символа плюринациональной идентичности, противостоящей нарастающим процессам глобализации (по крайней мере, в рамках испаноговорящих социумов). При этом, скорее всего, под лингвистической идентичностью индивида следует понимать «осознание своей идентичности в рамках принадлежности тому или иному языковому сообществу», обеспечивающее использование адекватных моделей вербальной коммуникации в процессе межкультурного взаимодействия и предопределяющееся как внешними, так и внутренними факторами. Кроме того, лингвистическая идентичность также может рассматриваться в статическом и динамическом ракурсах, обеспечивающих стабильность языкового благополучия в конкретном привычном контексте общения и возможность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам в соответствии с внешними или внутренними потребностями.

Лингвистическая идентичность также представляет собой единство сосуществующих в неразрывной связи индивидуального и коллективного опыта. Применительно к

проблематике испаноязычных сообществ на первое место выдвигается их коллективный языковой опыт и коллективная память, обеспечивавшие на протяжении пяти столетий эффективную коммуникацию и взаимодействие на огромном территориальном пространстве двадцати испаноязычных стран. Исходя из того, что успешность коммуникации во многом зависит от общности мировосприятия и общности языка, представители испаноговорящего ареала поставили прежде всего политическую задачу обозначить общие принципы лингвистической идеологии и языковой политики в своих странах.

Магистральной темой III Международного конгресса испанского языка стала «Лингвистическая идентичность и глобализация (*Identidad lingüística y globalización*)». Тем самым испаноязычный социум быстро отреагировал на главный вызов времени и максимально успешно использовал язык как действенный инструмент социальной политики, поскольку за всем этим кроется простая причина: общепринятый испанский язык помимо выполнения инструментальной и коммуникативной функций, является выразителем наднационального духа и символом наднационального единения, обеспечивающим единство интересов в продвижении культуры испаноязычных стран, что гарантирует дальнейшее поступательное развитие их экономики.

4. Тематика лингвистической идентичности очень актуальна для современного испаноязычного социума как на Пиренейском полуострове, так и Латинской Америке. Языковая ситуация в Латинской Америке всегда характеризовалась исключительным мультилингвизмом, имеющим как положительные, так и проблемные стороны, которые по отношению к политическим и образовательным программам стали серьезно рассматриваться лишь в последние два десятилетия. Практически все испаноязычные страны Латинской Америки живут в условиях билингвизма и

трилингвизма. Вместе с тем, в настоящее время испаноговорящие страны все более утверждают в осознанной необходимости продвигать испанский язык как язык единой культуры (*lengua de cultura común*) из чисто политических соображений.

В этой связи следует упомянуть о беспрецедентном по своему реализационному масштабу историческом решении учредить Международный конгресс испанского языка, которое было принято испаноязычным сообществом еще в конце XX века. С 1997 года международные конгрессы испанского языка (CILE) проводятся раз в три года и являются «универсальными событиями», призванными подчеркнуть роль испанского языка как на международной арене, так и в невидимом когнитивном пространстве, который является менталитетом значительной части жителей нашей планеты:

- Zacatecas, 1997: “La lengua y los medios de comunicación”
- Valladolid, 2001: “El idioma español en la sociedad de la información”
- Rosario, 2004: “Identidad lingüística y globalización”
- Cartagena De Indias, 2007: “Presente y futuro de la lengua española: unidad en la diversidad”
- Valparaíso, 2010: “América en lengua española”
- Panamá, 2013: “El español en el libro: del Atlántico al Mar del Sur”
- Puerto Rico, 2016 “Lengua española y creatividad”
- Córdoba (Argentina), 2019 - ...?

Первый и второй Международные конгрессы Испанского языка состоялись в 1997 и 2001 гг. и были посвящены проблеме поиска единого языкового стандарта в средствах массовой информации, а также месту испанского языка в информационном сообществе. Однако уже через три года была явно обозначена насущная необходимость

определить роль испанского языка как символа плюринациональной идентичности, противостоящей нарастающим процессам глобализации. *Identidad lingüística y globalización* - главная тема третьего конгресса испанского языка, состоявшегося в 2004 году, и ставшего поворотным с точки зрения идеологического содержания. На данном конгрессе были выработаны и продекларированы так называемые идеологемы языковой политики, отвечающей за стабильность, успешность и благополучие коммуникации на испанском языке в мире:

- Испанский язык — это общая родина
- Испанский язык — место встречи различных народов

- Испанский язык — универсальный язык
- Испанский язык — продукт языкового смешения
- Испанский — общее достояние народов американского континента

Важно отметить еще один аспект: именно в 2004 году на Конгрессе в Росарио был предпринят необычный шаг, призванный решить сложную дилемму взаимоотношений между языком и территорией, который заключался в освобождении языка «от его культурных и национальных привязок/уз». С этого момента он должен передавать идею языка, не связанного с конкретными территориями, что позволит ему принять более гетерогенную идентичность и, следовательно, выйти за пределы своих физических и политических границ. Речь идет о содействии испанскому языку ", который не имеет конкретного места и одновременно является общим для всех достоянием" (Gómez Font, Rosario, 2004), и поэтому не принадлежит какой-либо территории или культуре, но представляет собой единый для всех «способ жить и думать, мечтать и творить, чувствовать и любить» (Марио Варгас Льюса, Вальпараисо, 2010).

На последнем, VII Международном конгрессе испанского языка в 2016 г. были обозначены четыре основные задачи, стоящие перед современным испаноязычным сообществом:

1. Достичь большей политической гибкости в сфере коммуникации на различных национальных вариантах испанского языка.

2. Создать описания языковой ситуации в испаноязычных странах, допускающие и узаконивающие многообразие языковой нормы на испанском языке.

3. Не рассматривать испанский язык в странах Латинской Америки как монолитное образование.

4. Изыскать экономические ресурсы не только для информирования, но и для обучения, а также для формирования паниспанского языкового сознания в рамках общей паниспанской лингвистической идентичности и обеспечения безопасности.

Таким образом, испаноязычное сообщество активно продвигает новую паниспанскую идеологию на основе предложенного концепта «лингвистической идентичности» и находится в процессе осмысления теоретической почвы и освоения новой социальной практики.

Литература

Гришаева Л.И. *Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов: монография.* Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. 261 с.

Евсеева Л.Н. *Роль языка в формировании национальной идентичности : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук.* М.: 2009. 21 с.

ИМЕНА АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БАШКИРСКОМ И ДАГЕСТАНСКОМ ЯЗЫКАХ

З.М. Раемгужина, Л.Г. Хуснутдинова

УГНТУ

(Россия, Уфа)

lavanda-55@mail.ru

У каждого народа своя система собственных имен и большое разнообразие национальных традиций в выборе имен и в церемонии назывании. Антропонимические традиции разных народов, несмотря на наличие значительного количества сходных черт, все же отличаются самобытностью и оригинальностью, отражают взгляд народа на мир и на место в нем индивида. У башкир, как и у других народов мира, в течение долгого времени исторического развития сложилась своя система собственных имен и традиции их наречения. Некоторые из них продолжают существовать и в настоящее время.

Как в башкирском, так и в дагестанском именнике обнаруживаются самые разные имена, связанные с небесными телами, ландшафтом, явлениями природы, домашней утварью, животным и растительным миром, культовыми представлениями, религиозными верованиями и др.

Дагестанцы — термин, обозначающий общность народов Дагестана. Большинство говорят на языках дагестанской группы восточнокавказской (нахско-дагестанской) семьи, ранее включавшейся в состав кавказской семьи языков. Коренными народами Республики Дагестан признаны народы: аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасараны, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-аккинцы. Кроме этого, в юго-западном Дагестане проживает еще несколько народностей, которые официально в переписях

включаются как этнические группы в составе аварцев: андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, гунзибцы, каратинцы, тиндинцы, хваршины, чамалинцы и цезы. В южном Дагестане также компактно проживают горские евреи. Дагестанцы обладают высокой миграционной активностью как в России, так и в странах Таможенного союза, обнаруживая черты транскультурной языковой личности [Карабулатова, Эбзеева 2017].

В Республике Башкортостан проживают представители народов Дагестана [Габдрафиков, Хуснутдинова 2006: 7]. По материалам Всероссийской переписи населения 2010 г., в Башкортостане зафиксировано аварцев — 247 чел., агулов — 21 чел., горских евреев — 1 чел., даргинцев — 247 чел., лакцев — 51 чел., лезгин — 374 чел., рутульцев — 6 чел., табасараны — 106 чел., таты — 26 чел., цахуры — 7 чел. В основном они компактно проживают в столице республики — г. Уфа. [Габдрафикова, Хуснутдинова 2012: 13] Дагестанская община Республики Башкортостан обладает большим культурным и научно-техническим потенциалом. Они активно участвуют как в социально-экономическом развитии Башкортостана, так и в расширении башкирско-дагестанских связей в различных областях в рамках договоров и соглашений между нашими республиками [Хуснутдинова 2012: 35] Среди них: Султанмагомедов С.М. — академик РАН, доктор технических наук, профессор, декан факультета УГНТУ (по национальности аварец); Рамазанов О. Р. — депутат Государственного собрания РБ, крупный бизнесмен (агулец по национальности); Алавердиев А.Ф. — заместитель главврача городской больницы № 13 г. Уфы (лезгин по национальности); Шавлуков М. О. — кандидат технических наук, доцент БАГСУ (по национальности ногаец); Кагиргаджиевич А. К. — кандидат политических наук, адъюнкт Юридического института МВД (кумык по национальности); Велиев А. С. — первый

заместитель Главы администрации Кировского района г. Уфы (лезгин по национальности); Анасов Р. А. — в прошлом возглавлял более 30 лет завод «Молдаввино» (принадлежит к национальности — лакцы); Абдулатипов А. — художник, заслуженный работник культуры РБ (по национальности даргинец) и мн. др.

Народы Дагестана говорят на языках, относящихся к трем крупным языковым семьям: северокавказской, алтайской и индоевропейской; языком межнационального общения является русский язык.

Многие имена башкирского и дагестанского народов имеют арабское происхождение. Арабские, реже персидские имена, начали проникать в башкирский язык после принятия ислама в 922 году [Кузеев 1960: 125]. Большое количество нарицательных слов вошли как в башкирский, так и в дагестанский именник: Мугубат (дагестанский) — Мухаббат (башкирский) — (Любовь), Майсарат — Майсара (Изобилие), Шамсият — Шамсия (Солнце) и др. Эти имена широко распространены среди народов, исповедующих ислам [Карабулатова, Гузенко 2012: 87].

Имена, заимствованные из арабского языка, у всех дагестанских народов, как и у башкир, во многом одинаковы, хотя произношение различно [Дубинина, Ковыршина 2010]. Это характерное в окончании — «Т» в дагестанских женских именах, которое они сохранили в правописании. В этом проявляется влияние арабской транскультуры в исламских регионах Сибири, Кавказа, Поволжья [Карабулатова и др., 2017: 128].

В арабском языке конечный (t) представляет собой закрытый слог, который произносится, как и английский (h), например: башкирский Салиха, дагестанский Салихат, (богатая), башкирский Асия — дагестанский Асият (утешающая) и др. Есть также полностью совпадающие в правописании женские и мужские имена в двух языках: Аниса (подруга), Валида (дитя), Гульмира (цветок); мужские

Анас (радость), Бахтияр (счастливый), Гаффар (всепрощающий), Зубаир (сильный) и др. [Раемгужина 2006: 47]. Частотными являются имена, апеллирующие к дорогим товарам, предметам роскоши, явлениям природы, флоре и фауне: Азба, Адба — عذبة — пресная (питьевая) вода, сладкая, приятная; Лувейза, Лювейза — لويضة — уменьшительная форма от «ляуза» — «миндальный орех; Марджана — مرجانة — жемчужина; коралл; Джавад — جواد — щедрый; породистый конь [Муслим клуб, женские имена, интернет-источник; Муслим клуб, мужские имена, интернет-источник].

Заимствованные имена собственные из персидского языка встречаются как в женских, так и в мужских именах: Фирдаус (райский сад), Равшан (лучистый) и др. Если в дагестанских именах Алмаз (бриллиант), Ашраф (высокородный) относятся к женским именам, то в башкирском языке Алмаз и Ашраф — мужские имена.

К начинающимся на гласный «А» женским именам в дагестанских языках, в башкирском языке, как правило, добавляется звонкий, смычный звук [u]: Абида — Габида, (поклоняющаяся), Адиля — Гадиля (справедливая), Айша — Гайша (живая) и др. [Гаджихаев 1996: 37].

Незначительное количество имен собственных в дагестанских языках по семантике немыслимы в башкирском языке: дагестанское имя Залим (притеснитель) может служить эпитетом к нехорошему человеку, а женское имя Зиярат (паломница) в башкирском языке имеет значение «кладбище» и не входит в список именника башкирского языка. Такие примеры носят единичный характер, в то же время арабские заимствования как в дагестанских, так и в башкирском языках в количественном отношении занимают основное место.

Таким образом, мы наблюдаем интерференционные процессы в башкирском и дагестанском языках под

влиянием арабо-исламской культуры, что говорит о большом консолидирующем потенциале языков конфессий.

Литература

Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Общины кавказцев: социально-культурная интеграция в местное сообщество // *Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. 2006. Октябрь. № 119. С. 7–14.

Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Роль национально-культурных центров в социальной адаптации инокультурных мигрантов в Республике Башкортостан // *Этнос. Общество. Цивилизация: Третьи Кузеевские чтения*. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 13–15.

Гаджихметов Н.Э. Структурно — семантическая характеристика кумыкских антропонимов // *Дагестанская ономастика: Материалы и исследования*. Вып. 2. Махачкала. 1996.

Дубинина Н.В., Ковыршина Н.Б. *Вводно-фонетический курс арабского языка. Чтение, письмо*. М.: РУДН, Москва, 2000.

Карабулатова И.С., Гузенко С.В. Ассимилятивные процессы в тюменской антропонимии // *Ономастика Поволжья: Материалы XIII международной научной конференции* / под ред. В.В. Разумова, В.И. Супруна. Ярославль, 2012. С. 86–89.

Карабулатова И. С., Камал Набиль Ибрагим, Ал-Саати Ахмед Абдулрахман, Ахметова Б.З., Ал-Мулла Махмуд Ахмед, Карабулатова А.С., Галиуллина С.Д., Эбзеева Ю.Н., Дубинина Н.В., Ким Л.И., Ракишева Г.М., Сейдина М.З., Котик К.Н., Коберси Искандар Сулейман. *Современная транскультура в эпоху глобализации: проблемы толерантности, межкультурной коммуникации и эффективного взаимодействия*. М.: Манама: Уфа: Кокшетау: Ростов-на-Дону: Бейрут: Изд-во УГНТУ, 2017. 256 с.

Карабулатова И.С., Эбзеева Ю.Н. Транскультурная личность в миграционных процессах Таможенного союза // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 5. С.189–195.

Кузеев Р.Г. *Башкирские шежере*. Уфа, 1960.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской

переписи населения 2010 года : статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1. Уфа: Башкортостанстат, 2013. С. 28.

Раемгужина З.М. *Формирование антропонимической системы башкирского языка.* Уфа, 2006.

Хуснутдинова Л.Г. *Культура народов Республики Башкортостан.* Уфа, УГУЭС, 2016. 168 с.

Муслим клуб, Женские имена. Электронный ресурс: <http://muslimclub.ru/znanie/men-names.html> (дата обращения 04.11.2017).

Муслим клуб. Мужские имена. Электронный ресурс: <http://muslimclub.ru/znanie/woman-names.html> (дата обращения 04.11.2017).

V.V. Raytarovskiy^{*}, Y. Salazar Estrada^{}, M. León Castro^{***}**

^{*} Moscow International University
(Russia, Moscow)
v_rait@hotmail.com

^{**} National University of Loja
(Ecuador, Loja)
ysalazarec2002@yahoo.e

^{***} The State University Santa Elena Peninsula
(Ecuador, Santa Elena Province)
marceloleon11@hotmail.com

THE CLASSICAL MYTH IN «THE STATUE OF PROMETHEUS» BY PEDRO CALDERÓN DE LA BARCA

Introduction

According to the Dictionary of the Spanish language, myth refers to the “wonderful narration located outside historical time and carried out by divine or heroic characters”. The myth also can be defined as “a fictional story or a literary, artistic person who embodies some universal aspect of the human condition” (Real Academia Española, 2014).

In relation to the importance of myth, the language, arts, including literature, seen as an alternative source of knowledge against the prevailing rationalism in the Western world, the Spanish professor and critic Gustavo Correa expresses that “some modern philosophers have demonstrated that both language at the dawn of its constitution and myth and art are autonomous knowledge forms, capable to decipher aspects of man and universe totally unknown within a strictly rational approach” (Correa, 1975: 220).

In the literary field, as for the use of the myth resource in creation, regardless of any existing genres, it is necessary to point out that in the invention of their artistic work writers can make use of various compositional strategies, that can be done by “myth and fiction hybridization and only by a comparison of other previous testimonies of the same argument there can determined a certain dose degree with which both of them have been mixed to compose that new literary product” (Cristóbal, 2000: 32).

However, the primary, most important and evident function that fulfills the myth in the field of literature “is to be constituted as an argument itself: a certain mythical fable — whether a myth or legend — is retold and recreated in a poem, a drama or even a novel, more or less faithful to previous sources, with more or less feasible additions, deletions, adaptations and innovations of any kind that can be.” (Cristóbal, 2000: 32-33).

Based on the reflections outlined above, this micro essay addresses the recreation of the classic myth of Prometheus in one of the less studied comedies of the priest and writer Pedro Calderón de la Barca (1600-1681). After substantiating this work pertains to the myth of Prometheus in classical Greece and alludes to one of its literary representations known as the most famous comedian argument structure. The main ways of recreating the myth of Prometheus are analyzed and the others ones that relate to it in the development of the work are studied; the unique characteristics providing Pedro Calderón de la Barca's

work with originality and special singularity are profoundly researched.

1. The myth of Prometheus

In Greco-Roman mythology Prometheus is a titan son of Iapetus and of the river god Asia (the others say that is his sister Climede). Prometheus was Zeus's cousin, "who had helped to sit on the highest top of Olympus" (Cubillas, 1982: 61). In some versions elaborated around the figure of Prometheus he is associated with the myth of the life creation or considered to be the creator of the humanity; despite being a debatable assertion, everyone agrees that he loved humanity and always watched over its wealth and progress. Prometheus being a carrier of wisdom and knowledge had the gift of vision and was also very intelligent, thanks to those qualities and love for human he deceived the god Zeus twice.

Firstly, during a solemn sacrifice he divided the ox offered to the gods in two parts: "on the one side he put the flesh and the entrails, covering them with the belly of the animal; on the other side he put the bones, covering them with white fat. Then he told Zeus to choose his part; the rest would be for men. Zeus chose the white fat, and, discovering that it contained only bones, he felt a deep grudge against Prometheus and the mortal favored by this craftiness" (Grimal, 1990: 455). As an act of retaliation Zeus stopped sending fire to humans, then Prometheus was the last resort, he robbed the gods to give it to the ones being protected, which caused the fury of Zeus, who made Prometheus a prisoner and attached him to the rocks of the Caucasus "sending an eagle (...) which devoured the liver, which was constantly regenerating (...). However, when Heracles passed through the Caucasus region, he pierced the eagle with an arrow and freed him"; Zeus, for respect to his son did not protest. Nevertheless, he "ordered Prometheus to wear a ring made of the steel of his chains and a piece of the rock to which he had been chained; so a tie of steel continued to unite the titan with his rock" (Grimal, 1990: 455). Later Prometheus attains the gift of immortality as an effect of a

fact he received and additionally revealed to Zeus that the son he would bring up with Tethys “would be more powerful than him and would overthrow him, ”for which he suggested that he abstain from begetting him and further indicated Heracles “the way to procure the golden apples and told him that Atlas was the only one who could take them in the garden of the Hesperides (...) taught also to his son Deucalion the way to be saved of the great deluge that Zeus planned to exterminate the human race and that he had known to foresee” (Grimal, 1990: 455); actions more than sufficient so that Prometheus deserves the pardon of the gods of the Olympus and can continue to live free and in perpetuity.

In literature, the myth of Prometheus has been represented, since antiquity, as evidenced by the work *Prometheus chained*, attributed to Aeschylus (525–456 BC), in which the titan is referred to as “a sage who in an act of rebellion faces the despotism of Zeus. The possessor of the most extensive knowledge delivers to men, out of love, the fire although he robs the gods and the power of acquiring it, so that the mortal can be liberated ”(Cano, 2006: 286). In Aeschylus's tragedy it is recorded that the titan receives the punishment of the gods for having stolen the fire and delivered it to the mankind, as expressed by the omniscient narrator in the initial part of *Chained Prometheus*: “Hephaestus, it is your duty to carry out the orders which your father gave you, on these abrupt rocks to hold this malefactor with unbreakable fetters and bonds of steel. Because by stealing your flower, the radiance of the fire, the origin of all the arts, he gave it to the mankind” (Esquilo, s.f.: 3).

The *Statue of Prometheus*, by Pedro Calderón de la Barca (1600-1681), as one of his scholars says, is included in the group of comedies in which the author, due to the circumstances of deep emotional crisis that he goes through due to a family tragedy far away from the reality of the surrounding environment, he enters “a dramatic world of pure abstraction” (Chapman, citado por Cubillas, 1982: 61). For this reason in this comedy, the titan

Prometheus has forged a proverbial wisdom in the solitude of the countryside, in the heart of the cave where he lives. There in clay he has elaborated an image of the protector the Goddess Minerva (Goddess of the arts and letters), to which people decide to make her an altar to worship her. In retribution divinity helps Prometheus to remove a ray of fire from the Apollo God and redistribute it among the human beings who were in need.

Everyone adores Minerva and because of these circumstances, jealousy emerges from her sister, the Goddess Pallas (goddess of war); since even her protégé Epimetheus (brother of Prometheus) is among those who worship Minerva. Moved by the uneasiness of feeling relegated Pallas asks Epimetheus to destroy the Statue; nevertheless, the titan that caught the Goddess decides to steal it and when he prepares to do, it becomes Pandora, who for the physical beauty and abilities in the performance of the feminine arts, that she had learned from other Olympian goddesses, all the inhabitants, that approach her, come to worship her. Meanwhile, in contravention of Prometheus' warnings, Epimetheus receives a gift from Zeus that turns out to be a box containing all the evils of the universe, which Pandora opens by way of curiosity and thus spreads them all over the world as a result of which form two contending sides between the twin brothers titans and their followers: those of Prometheus under the protection of Minerva and those of Epimeteo to the Amparo of Pallas. This last one also counts on the support of Discordia, who says that Pandora must be cremated and Prometheus must receive the mythical punishment of Zeus, for having stolen the fire and when they are about to face Apollo intervenes to release the retained ones and to reestablish the order.

2. The representation of the myth of Prometheus in the comedy “The statue of Prometheus”, of Pedro Calderón de la Barca

2.1. Distances that takes from classical myth and its literary representation

Unlike what happens in *Prometheus chaining*, of Aeschylus, in *the statue of Prometheus*, by Pedro Calderón de la Barca, what moves the action is not the divine punishment of Zeus, against Prometheus for having robbed the fire of the gods to give it to humans for their release, but the jealousy of Goddess Pallas, who feels relegated to the background by the veneration that reaches her sister, the Goddess Minerva. To overthrow this incomparable fame, among other strategies, Pallas speaks ill of his sister before the God Apollo.

In this fratricidal struggle between the two goddesses of Olympus, Pallas intends to neutralize the action of Minerva in favor of his protégé Prometheus, who is the one who robs Apollo of a ray of fire, for the benefit of the human beings, according to the version of the myth in ancient Greece.

Another version that is noticed in the comedy of Calderón de la Barca, with respect to the classic myth and its literary representation by Aeschylus, is that the fire that Prometheus steals to Apollo he does not deliver it to the humans in a direct way, but he does it through his protective Minerva. She is trying to give them laws, which were rejected by them because they were satisfied with the two that already had: “*but one thing is, that we do not admit your laws, as we're happy with ours, which are the two that you run the people when who kills and who steals are punished*” 248).

In *The Statue of Prometheus*, the Apollo God does not intervene in the dispute, he does not take sides, he declares himself neutral and stays free in confrontation between Pallas and Minerva, as the final decision that should be taken by those who follow each one of them, with which the human beings, through their protectors, discover the free will to think and act for themselves.

2.2. The jealousy and envy of the Goddess Pallas as the engine of history

Unlike the classic Greek myth and its literary recreation, in Pedro de la Barca *The Statue of Prometheus*, it is not the divine

punishment against Prometheus that triggers the conflict but the jealousy and jealousy of the Goddess Pallas in the face of success and fame of its sister Minerva, that arrives to have powerful admirers like titan Prometheus and many followers that fight for that a Temple is constructed where she can be worshiped, reason for which the furious Pallas orders, in a threatening way, Epimetheus to destroy the statue of Minerva, to turn it into dust and thereby extinguish the worship of her numerous followers.

However, despite an imperious order Epimetheus receives from his protective Pallas, as a human heart is so complex and unpredictable, the titan will take the Goddess Minerva and not to lose the protection of his benefactor intends to steal the image for worshipping her alone and furtively.

In order to destroy the fame of the Goddess Minerva and her ally and unconditional servant Prometheus, as well as to instill doubt amongst the many human beings who worship her, Pallas seeks the support of Discordia to sow disagreements, grudges, and the divisions, where peace, harmony and solidarity now reign, between Olympian gods, heroes and humans.

The alliance between the Goddess Pallas and Discordia, as the mind-setter of the entente expected, begins to give the expected results; so after the delivery of the box containing all evils into Pandora's hands, notwithstanding the warnings to the contrary which Epimetheus and those received from Prometheus, the box is opened and evils are scattered throughout universe. Discordia acts with deceit to fulfill its mission.

The jealousy and envy of Pallas do not conform to generate problems between the allies and followers of Minerva, but she herself is directed to the God Apollo, to denounce and to generate adversity for the theft of the ray of fire, for the benefit of human beings, perpetrated by Prometheus with the help and complicity of Minerva. In that interview with the God of Fire, to say of the Goddess of Arms and War, Apollo is free to share how much fire he wants to whom he has good, what is detestable is that they rob

him to do something different, to foment cults, increase the number of followers and benefit from it.

Near the end of the comedy of Calderón de la Barca, Discordia is the one who launches the curse against the titans Prometheus, his twin brother Epimetheus and his people whom he condemns to enter into fratricidal war, which will lead to destruction and death, as punishment for having stolen a ray of fire from the Apollo God and distribute it for the benefit of humans, who in return receive multiple signs of love, loyalty and veneration.

2.3. The difference between the twins and their respective protective goddesses

The differences between the two twin brothers: Prometheus and Epimetheus are clearer when they enter into dispute and are about to start a fratricidal and cruel war. In these disagreements it is stated that, on the one hand, Prometheus has been associated with wisdom, reason, reflection, knowledge; on the other hand, Epimetheus symbolizes the being that is moved by the impulses, the passion and the action.

In a perspective similar to that of the protected titans, Minerva and Pallas, although daughters of the same father and of the same mother, over time and by their very nature they become not only very different from each other, but also opposed and prone to dispute, belligerence and fratricidal war.

2.4. The figure of titan Prometheus

From the very beginning of Calderón de la Barca's comedy, Prometheus identifies himself as a titan who shows a natural inclination for reading, for the cultivation of the mind, for philosophical reflection, for the permanent search for knowledge and the forge of so longed for human wisdom, the same that comes after many years of strenuous and solitary reading and reflection, as well as life experience.

The ingenuity reached by Prometheus, as a product of the knowledge and wisdom he comes to have, is recognized by those who form his immediate environment, beginning with his twin

brother Epimetheus, who despite his character, preferences in inclinations becomes his true antagonist, does not fail to appreciate the qualities of the brother, as he explains on the occasion when he observes the statue of Minerva coming out of the brain and the deft hands of Prometheus.

The Goddess Minerva also recognizes the intellectual gifts of her protégé Prometheus and considers that for her exceptional qualities she is worthy deserving of all that exists in the universe, including what moves through the heights of the heavens.

In the comedy of Calderón de la Barca, along with the very humanized titan Prometheus, the contradictory sentimental dilemmas affecting the Goddess Minerva are presented, which in a very similar way to the existential paradoxes that gnaw at the soul of human beings, she considers that she loves those who hate her and she hates those who loves her.

Concomitant of the problematic veils that affect the Goddess Minerva, in this comedy is presented to the human being and his own human nature in struggle with himself, with his doubts, his paradoxes, his ambiguities, his folds and contradictions, when there is no rationalized explanation, as evidenced by the fact that Prometheus shows himself as an offspring of his protective Minerva, and when the Goddess asks him for explanations about the causes of this attitude, the titan does not know how to explain to or answer.

2.5. The symbolism of fire

Prometheus can obtain the fire that was reserved only for the gods of Olympus and put it at the service of humans thanks to the support of the Goddess Minerva, his protector and confidant, who advises him on how he should act to remove a ray of fire to the Apollo God, without realizing this.

As in classical mythology and the literary representation that has been made of it, the fire that Prometheus has stolen from Apollo represents science, knowledge and wisdom, which allows to guide the actions of the mortal and make of the vital trajectory a travel increasingly human. Wisdom and ability to think in a

proactive and anticipatory way that is only achieved with effort, dedication, hours of solitude and away from the traffic of life and worldly noise.

2.6. The reassuring ending

Although the Apollo God, by the unrest that sows and stirs the words of Pallas is furious against the Goddess Minerva, by the theft of the fire ray by Prometheus, at the end of the comedy analyzed intercedes to release who were to be punished: Pandora and Prometheus, acted to restore order and establish peace and harmony between the two twin brothers, the goddesses who protect them and who are loyal to them and follow them.

Because of these final reflections, the work of Calderón de la Barca remains as a comedy, does not become a tragedy as some scholars have hinted and in the end is presented as a work that projects a reassuring future, since the last and repeated verses that linger in the reader's memory say so: "*Happy who saw (...) The evil turned into good, and good to better*" (338).

Conclusion

The statue of Prometheus, by Pedro Calderón de la Barca, although it retakes the classic myth of the titan Prometheus, that for having robbed the fire to the gods of the Olympus to give it to the mankind, receives the punishment of Zeus. However, in its development it takes a few distances and incorporates some versions, such as how to steal fire and pass it to humans, the role of the gods Zeus, Apollo, Pallas and Minerva in the development of the conflict that is recreated in the work, the free will of which human beings enjoy to make the decisions that best suit them each time and the happy ending of the work.

In the contrast between the goddesses Pallas and Minerva and their protégés, the titans Prometheus and Epimetheus, although with a characterization very similar to those that have been perpetuated in the classical Greek myth, also show particular forms of representation and recreation in the comedy of Calderón de la Barca, particularities that highlight the originality, artistic quality and transcendence of a work that, despite its

undoubted merits, has not yet received the sufficient valuation of the scholars of the Calderonian work.

References

Calderón de la Barca P. *La estatua de Prometeo*: a critical edition by Margaret Rich Greer; with a study of the music by Louise K. Stein. Kassel: Edition Reichenberge, 1986. 408 p.

Del Canto Nieto J. R. El mito de Prometeo en la poesía y en la filosofía de Miguel de Unamuno. / *CFC (G): Estudios griegos e indoeuropeos*. 2016. №16. P. 283–305.

Correa G. *La poesía Mítica de Federico García Lorca*. 2 edición. Madrid: Gredos, 1975. 250 p.

Cristóbal López V. 2000. “Mitología clásica en la literatura española. Consideraciones generales y bibliografía” Cuadernos de Filología Clásica y –Estudios latinos 18 (2000) 29-76.

Cubillas Haro R. M. “Aproximación a una comedia mitológica de Calderón”. En *Castilla: Estudios de literatura*. 1982. № 4. P. 57–71.

Esquilo. s.f. *Prometeo encadenado*. URL: <http://bibliotecadigital.ilce.edu.mx> (дата обращения: 10.06.2016).

Grimal P. *Diccionario de mitología griega y romana*. Barcelona: Paidós, 1990. 634 p.

Real Academia Española *Diccionario de la lengua española*, 23.ª ed. Madrid: Espasa Calpe, 2014.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРФЕРЕНЦИЙ

В.В. Райтаровский*, М.П. Таймур**

Московский международный университет
(Россия, Москва)

* v_rait@hotmail.com

** mariataymour@gmail.com

В современной системе образования изучение иностранных языков продолжает играть весьма значительную роль. Всеобщая глобализация,

технологический прогресс, непрерывное развитие международного бизнеса и постоянное повышение требований престижных секторов рынка труда приводят к увеличению спроса на высококвалифицированных специалистов, владеющих иностранными языками и способных качественно решать поставленные перед ними задачи. Программы как средних, так и высших учебных заведений меняются, становясь более приспособленными для удовлетворения академических потребностей студента 21-го века, что, в свою очередь, касается не только самого процесса преподавания и непрерывного поиска наиболее оптимальных и эффективных методов, техник и средств обучения, но и поиска преподавателями иностранных языков способов оптимизации учебного процесса при одновременном обучении студентов английскому и испанскому языкам как иностранным.

Понятие интерлингвистической интерференции, используемое в науке со времен начала деятельности Пражского лингвистического кружка, обозначает «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка, и выражается в отклонении от нормы и систем второго языка под влиянием родного» [Ярцева 1990: 150]. Для повышения качества преподавания иностранных языков в современной высшей школе взаимовлияние родного и изучаемых неродных языков не может быть недооценено, а оптимизация процесса образования может и должна проходить в контексте успешного преодоления влияния межъязыковых интерференций при креативном использовании преподавателем новейших методов, подходов и современных технологий в обучении, ведь «педагогика является наукой и искусством одновременно, поэтому и подход к выбору методов обучения должен основываться на творчестве педагога» [Худайберганава 2016: 94].

Первым и самым главным шагом к снижению влияния структурно-семантических интерференций является повышение уровня профессиональных компетенций самого преподавателя иностранного языка. Случается, что преподаватель, пройдя обучение в отечественном ВУЗе и не имея широкой практики работы с иностранными коллегами и зарубежными учебными материалами, не отдает себе отчета в том, что сам, находясь под влиянием интерференций, передает свои не совсем точные знания обучающимся. Поэтому цель нашего исследования проблемы — осветить некоторые особо важные области проявления интерференции и, обратив внимание преподавателей на данные аспекты, предложить наиболее оптимальные на наш взгляд практические решения.

Фонетические интерференции. Алфавит русского языка значительно отличается от латинского алфавита, используемого в английском и испанском языках. Несмотря на то, что некоторые буквы в них совпадают в написании, произношение их различается (например, b, v, s, j, u), а некоторые буквы и звуки существуют только в одном языке (например, щ, ц, ы в русском, ll, ñ, s в испанском, w, th в английском). При изучении английского как первого иностранного у большинства обучающихся сложности вызывают такие согласные фонетического алфавита, как [θ], [ð], [w]. Кроме того, в 20 гласных звуках английского языка (против 5 гласных звуков в русском языке) смысловозначительным фактором является долгота и напряженность, в противном же случае мы сталкиваемся со смысловыми искажениями (например, идентичное произнесение слов sheep vs ship, live vs leave, meat vs mitt, kill vs keel). Произнесение географических названий (Haiti ['heɪtɪ], Nepal [nɪ'pɔ:l], Gibraltar [dʒɪ'brɔ:ltə], и т.д.) и имен (Isaak ['aɪzək], Niel [nɪl], Paul [pɔ:l], Graham ['greɪəm] и т.п.) также всегда вызывает определенные трудности. Для преодоления интерференций данного типа преподавателю

необходимо обучать студентов чтению транскрипций и грамотному пользованию цифровыми словарями (с возможностью прослушивания произнесения слова), а также предлагать скороговорки на наиболее трудноусваиваемые звуки (например, для отработки звука [ð] существует скороговорка “Whether the weather is fine, whether the weather is not, whether the weather is cold, whether the weather is hot, we’ll weather the weather whatever the weather, whether we like it or not”). Любопытно, что при владении английским произношением фонемы [θ] ее испанский аналог усваивается легко, что является случаем положительного переноса.

Структурные интерференции. Классическим примером структурной интерференции можно считать интерференцию грамматического рода. В то время, как в русском языке функционируют мужской, женский и средний род, в современном английском языке грамматический род как категория отсутствует, и интерференция родного языка приводит к присвоению обучающимися рода неодушевленным предметам. В то же самое время в испанском языке все существительные относятся либо к мужскому, либо женскому роду, вместе с тем, большое количество исключений из общих правил и несовпадение рода в русском и испанском языках (проблема, ж.р. — el problema, м.р.; софа, ж.р. — el sofá, м.р.; университет, м.р. — la universidad, ж.р.) приводят на первых этапах обучения к неверному употреблению данных единиц языка. Здесь на помощь преподавателю приходят современные программы, позволяющие в интерактивном режиме группировать слова по категориям (в данном случае по родам) и оперативно запоминать род существительных, а также интернет — ресурсы, позволяющие студентам слушать и читать аутентичные тексты, программы и передачи, смотреть фильмы на английском и испанском языках и обращать внимание на верное использование языка. Этот прием, именуемый «noticing», является «мотивированием студентов

к самостоятельному открытию способов использования единиц языка, имеющего сложнейшую структуру» [Harmer 2007: 57].

Семантические интерференции. Одной из разновидностей семантических интерференций является интерференция лексическая, возникающая при несовпадении семантических полей слов в родном и иностранных языках, как, например, shade и shadow (тень), make и do (делать), paint и dye (красить), comfortable и convenient (удобный), ser и estar (быть) и т.д. Появление буквализмов, или ложных друзей переводчика, также относится к семантической интерференции родного и первого иностранного языков (academic — не «академик», а «академический», brilliant — не «бриллиант», а «блестящий», desk — не «доска», а «парта», carpeta — не «carpet», а «folder» и т.д.). Поскольку данные интерференции несомненно способны нарушить процесс коммуникации, то они особенно нуждаются в грамотной превентивной работе преподавателя. Преподавателю необходимо обладать знанием слов, похожих по звучанию на слова в иностранном языке, но различающихся по значению, и предлагать соответствующие дополнительные упражнения (например, создавая их с помощью программы Artword.com, в занимательной форме предлагающей студенту идентифицировать лексические единицы), а также обращать внимание студентов на достоверность перевода при работе с текстами и аудио материалами.

Таким образом можно сделать вывод о том, что в преподавании иностранных языков несомненно проще предупредить возникновение структурно-семантических интерференций, чем потом заниматься их искофрением, а профессионально подготовленный преподаватель с помощью современных технологий способен значительно оптимизировать процесс обучения.

Литература

Худайберганава Э., Гулиметова Б. М. Современные методы и технологии преподавания иностранных языков в высшей школе // *Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.)*. М.: Буки-Веди, 2016. С. 94–97.

Ярцева В.Н. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.; 1990. С. 150.

Jeremy N. *The practice of English Language Teaching. Fourth edition*. England: Pearson Education Limited, 2007.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА «ВЕДЕНИЕ ДОМАШНЕГО ХОЗЯЙСТВА» ШАМПАНСКОГО И АРДЕННСКОГО РЕГИОЛЕКТОВ⁶

Т.И. Ретинская

ОГУ им. И. С. Тургенева
(Россия, Орел)
tatret@mail.ru

В алгоритме описания функционирования региональных вариантов национального языка изучение семантических доминант, несомненно, занимает ключевую позицию. Тематическая инвентаризация обозначенного лексического фонда полифункциональна: во-первых, ранжирование лексем, исходя из принадлежности к тому или иному семантическому полю, способствует выявлению региолекторецептивных концептов; во-вторых, систематизированный таким образом языковой материал используется в полевом эксперименте, направленном на исследование жизненной силы региолекта.

⁶ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-50078.

Объектом изучения данной статьи являются два региональных варианта французского языка — шампанский и арденнский региолекты. Следует уточнить, что под региолектом мы понимаем комплекс территориально ограниченных в употреблении лексем, не входящих в лексическую систему французского литературного языка, и квалифицируемый как гетерогенная лингвистическая макросистема, выполняющая парольную, репрезентативную и солидаризирующую функции (подробно о статусе региолекта см.: [Ретинская 2016]).

Корпус интересующих нас территориально ограниченных лексических единиц зафиксирован в разнообразных словарных работах [Daunay 1998; Huart 1988; Tamine 2006; Tamine 2009] и лингвистическом атласе [Bourcelot 1966; Bourcelot 1969; Bourcelot 1978; Bourcelot 2012].

Анализируемый языковой материал отличается тематическим разнообразием. Большинство регионализмов относятся к таким семантическим доминантам, как «Ландшафт», «Человек», «Трудовая деятельность», «Ведение домашнего хозяйства».

Предметом данного исследования является классификация семантических микрополей, формирующих в семантическое макрополе «Ведение домашнего хозяйства». Именно регионализмы, входящие в состав этой лексической группы, играют ведущую роль для воссоздания речевого портрета региолектофона. Эта семантическая доминанта объединяет девять микрополей: «Жилые постройки», «Мебель», «Предметы домашнего обихода», «Оценка качества мебели и предметов домашнего обихода», «Виды домашнего труда», «Приготовление пищи», «Блюда региональной кухни», «Символические продукты питания», «Производство спиртных напитков в домашних условиях».

В нижеследующей таблице процитированы регионализмы, включенные в состав перечисленных семантических микрополей:

Таблица 1. Семантические микрополя, входящие в состав семантической доминанты «Ведение домашнего хозяйства»

№ п/п	Семантические микрополя	Примеры регионализмов
1.	Жилые постройки	<i>chambr'haut</i> 'комната, расположенная на первом этаже', <i>couverte</i> 'плита перекрытия', <i>double</i> 'чердак', <i>poêle</i> 'отапливаемая комната'
2.	Мебель	<i>berce</i> 'люлька', <i>selle</i> 'табурет', <i>tchèlette</i> 'маленькая лестница, служащая для обрамления кровати'
3.	Предметы домашнего обихода	<i>beuchin</i> 'плоская плетеная корзина', <i>casserolier</i> 'набор подержанной кухонной посуды', <i>chazère</i> 'сундук из ивовой лозы', <i>corbillon (paneret)</i> 'маленькая корзина', <i>frusquin</i> 'набор различных предметов', <i>loque</i> 'половая тряпка', <i>ramon</i> 'метла', <i>topette</i> 'плоская бутылка', <i>volette</i> 'ивовая плетенка для бутылей'
4.	Оценка качества мебели и предметов домашнего обихода	<i>afütiaux</i> 'предметы, не представляющие ценности', <i>berloquin</i> 'мебель, не представляющая ценности'

5.	Виды домашнего труда	<i>agayoler</i> ‘чинить’, <i>attaquer</i> ‘начинать к.-л. работу’, <i>buer</i> ‘стирать’
6.	Приготовление пищи	<i>couire</i> ‘варить’, <i>talonner</i> ‘резать хлеб’
7.	Блюда региональной кухни	<i>creton (créton)</i> ‘жареное сало’, <i>gâteau-mollet</i> ‘пирог из дрожжевого теста, выпекаемый в специальной форме’, <i>grumelet</i> ‘каша’, <i>vaute</i> ‘блин’
8.	Символические продукты питания	<i>pain au lièvre</i> ‘кусочек хлеба, который крестьянин приберегает от обеда в поле, чтобы угостить своих детей’, <i>pain de coucou</i> ‘кусочек хлеба, который лесоруб приберегает от обеда на лесосеке, чтобы угостить своих детей’
9.	Производство спиртных напитков в домашних условиях	<i>brûler</i> ‘гнать водку’, <i>goutte</i> ‘водка’, <i>repassé</i> ‘вторая перегонка’

При реконструкции мотивировочных признаков преобладают четыре тематические группы: «Хозяйственная самодеятельность», «Традиционное обустройство жилища», «Изготовление предметов домашнего обихода для личных нужд», «Переработка продуктов с использованием рецептов региональной кухни».

Систематизированный лексический репертуар зафиксирован на региолектографических карточках, на которых маркируется высокая (*grande vitalité / GV*), средняя (*vitalité moyenne / VM*) и низкая (*faible vitalité / FV*)

витальность региональных слов. Региолектографическая карточка имеет три поля:

А. В верхней части поля записывается регионализм (с указанием частеречной принадлежности и основных грамматических показателей) и его значение. Средняя часть поля А предназначена для фиксации регистрируемой региональной лексемы в контекстном окружении.

Б. В данное поле заносятся территориальные сведения (департамент).

В. В правой нижней части карточки указывается степень витальности регионализма.

Прочитируем одну из региолектографических карточек:

<p>loque <i>n.f.</i> serpillière</p> <p>Un matin, j'ai ouvert les yeux alors qu'elle était accroupie, à passer la <i>loque</i> sur le carrelage [Gibeau Y. Mourir idiot. P. : Éds du Club France Loisirs avec l'aurisation des Éds Calmann-Lévy, 1988. P. 149].</p>	<p>Marne, Haute-Marne, Aube, Ardennes</p>
	<p><i>GV</i></p>

Тропологическое пространство исследуемой номенклатуры шампанского и арденнского вариантов французского языка включает два компонента: 1) однословные тропы: *crapaud* 'фляжка'; 2) тропологические перифразы-загадки (термин Э.М. Береговской [Береговская 2007: 269]): *caque de bîre* 'бочонок для пива'. Выявляя общие признаки сопоставляемых денотатов, носители региолекта создают свою систему ценностей. При этом следует учитывать, что процесс называния зависит «не только от качеств называемого объекта, но и от возможностей его

различного осмысления, его соотносимости с другими объектами с выбираемой *ad hoc* точки зрения» [Литвин 2005: 32–33].

В заключение отметим, что по семантическим доминантам региональных вариантов национального языка можно непосредственно судить о приоритетах картины мира их носителей. В дальнейшем представляется важным продолжить инвентаризацию и описание региолекторецептивных реалий и определить факторы, влияющие на уровень жизнеспособности обозначенной территориальной модификации французского языка.

Литература

Береговская Э.М. Французское арго и людическая функция / Э.М. Береговская // *Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка — V)*. Н. Новгород: НГЛУ, 2007. С. 266-270.

Литвин Ф.А. *Многозначность слова в языке и речи*. М.: КомКнига, 2005. 120 с.

Ретинская Т.И. Региональный вариант французского языка: определение статуса, классификация функций, семантические доминанты (на материале шампанского и арденнского региолектов) // *Риторика ↔ Лингвистика*. Смоленск: СмолГУ, 2016. С. 228-238.

Bourcelot H. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. I. Le temps — La terre. P. : Éds du CNRS, 1966. 318 cartes.

Bourcelot H. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. II. Les plantes domestiques. P. : Éds du CNRS, 1969. 383 cartes.

Bourcelot H. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. III. Les plantes sauvages — Les animaux domestiques. P. : Éds du CNRS, 1978. 346 cartes.

Bourcelot H. *Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie*. Vol. IV. Animaux sauvages — Activités humaines. Édition mise au point par M. Tamine, professeur à l'Université de Reims — Champagne-Ardenne avec le concours de M.-

R. Simoni-Aurembou, directrice de recherche honoraire au CNRS. P. : Édts du CTHS ; Langres : Édts Dominique Guéniot, 2012. 365 p.

Daunay J. *Parlers de Champagne*. Langres — Saints-Geosmes : Dominique Guéniot Éditeur, 1998. 851 p.

Huart D. *Les patois de l'Est-Sedanais en particulier des cantons de Mouzon — Carignan et quelques villages limitrophes de la Meuse et de Belgique*. Charleville-Mézières : Imprimerie ARDENN'OFFSET, 1988. 206 p.

Tamine M. *Le parler des Ardennes*. P.: Christine Bonneton Éditeur, 2006. 192 p.

Tamine M. *Le parler de Champagne*. P.: Christine Bonneton Éditeur, 2009. 160 p.

ПРОБЛЕМЫ ПОРТУГАЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЗАГЛОВОК В ТЕКСТЕ

О.А. Сапрыкина

МГУ им. М.В. Ломоносова
(Россия, Москва)
olgasaprykina@mail.ru

Исследование языка и дискурса СМИ — одно из перспективных направлений в современной науке о языке. СМИ являются важным феноменом общественной жизни и изучаются не только лингвистами, но и специалистами по медиатеории и медиадискурсу в разных областях гуманитарных и общественно-политических наук: политологами, философами, социологами и психологами. В лингвистике новый вектор в анализе языковых репрезентаций в СМИ задают *дискурсивно-когнитивные исследования*. Они ведутся по двум главным направлениям: как анализ дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации и как изучение когнитивных особенностей медиатекстов.

В португальских СМИ важное место занимают печатные издания, а среди них — электронные версии газет, к самым авторитетным и качественным среди которых относятся газеты Público, Expresso, Observador, Diário de Notícias, Jornal de Notícias, и Diário Digital. Эти издания охватывают широкий круг читателей. Каждая из газет имеет характерные особенности: например, в Diário de Notícias классическая журналистика и традиционный способ подачи материала взаимодействуют с аудиовизуальными Интернет-технологиями. Интернет-версии газет Público и Expresso предлагают читателю, помимо новостей, качественную аналитику. Observador — это полностью электронное издание, не имеющее бумажного аналога.

Опубликованный на сайте материал состоит из следующих частей: заголовок, лид (вводная часть), корпус (основной материал) и бэкграунд, или бэк (общая информация о событии или герое публикации). Композиция статьи строится по трем основаниям — цельности, единства и цельнооформленности высказывания.

Заголовок — ведущая часть публикации, успех статьи во многом зависит именно от заголовка. Удачный и интересный заголовок привлечет внимание читателя, заставит его перейти по ссылке и ознакомиться с полным содержанием материала. От заголовка требуется исполнение номинативной функции, повышенная информативность, а также языковая выразительность, броскость, которые достигается с помощью графически-выделительных (визуальных) и прагматических средств.

В португальских заголовках применяются различные дискурсивные практики, которые можно обозначить следующим образом: *раскрытие новых фактов; решение проблемы; представление необычного, противоречивого; вопрос в заголовке; реакция какого-то лица на пока еще неизвестное читателю событие; «самое-самое»;*

высказывание от первого лица, цитата; игра слов и актуальная статистика и аналитика.

Раскрытие новых фактов. Для раскрытия новых фактов и подтверждения их истинности в заголовках португальских медиатекстов используются глаголы со значениями *обнаружить*, *выявить*, вводятся определения, обозначающие временную отнесенность, количественные числительные и имена собственные, которые призваны дать точные характеристики процессам: *Foi revelado o primeiro grupo de ciberespionagem brasileiro*; *Moscovici “clarifica” declarações e reafirma “confiança” na capacidade do Governo*; *Petrobras. Supremo Tribunal escolhe novo relator*; *Sete razões para a Grécia sair do euro*; *500 páginas com (quase) todos os segredos da vida de Trump*; *O que Marcelo ofereceu a Isabel II e o que recebeu em troca*; *Estes são os homens do futuro presidente Temer*.

Постановка проблемы и изложение пути её решения. В этом случае используются как лексико-семантические, так и грамматико-семантические средства: вводятся слова или словосочетания, дающие представления о «диапазоне» факта или события; на градуирование процесса указывают сравнительные или превосходные степени прилагательных; «точность» поведения в определенной ситуации обозначается с помощью числительных. Большую роль в репертуаре средств этой тактики играет эллипсис: в фокусе высказывания стоят изолированные придаточные предложения, которые вводятся с помощью союзного слова *como* «как», «каким образом»: *Donald Trump de A a Z*; *O A a Z do impeachment*; *14 conselhos para um eficaz email profissional*; *Sete respostas para entender o fecho de fronteiras de Trump*; *Marcelo decodificado em cinco pontos*; *Como ganhar dinheiro sem gastar dinheiro ou como o método Kaizen funciona mesmo*; *Como criar uma fortuna do zero. Duas vezes*; *Como “crescer muito mais”, tornar justiça “mais rápida” e*

“*combater pobreza*” em 2017; *Como a América reagiu à destituição de Dilma Rousseff*.

Представление необычной информации. Семантика необычного заложена в коннотативно окрашенных словах. Которые могут входить в различные стилистические пласты лексики: как в группу возвышенной, поэтической лексики *imortal, apocalypse*, так и сниженной, разговорной *dar cabo: Vladimir Putin imortal? Porque não...; Apocalypse. A guerra está 30 segundos mais próxima; Votar está a dar cabo da democracia. Sim, leu bem.*

Постановка вопроса. Обычно вопрос используется как самый действенный способ привлечь читателя к диалогу. Вопрос может быть частью комплекса с утверждением, констатирующим положение дел: “*Contágio sísmico*”. *Porque não para Itália de tremer?; Quanto vale uma vida?; "Brexit"? Saída da UE pode estar em risco?; Porque falhou Sasha Obama o discurso de despedida do pai?*

Представление эмоциональной реакции какого-то лица на пока еще неизвестное читателю событие. Чаще всего эмоциональная реакция и оценка заложены в семантике глагола, с помощью которого реализуется предикация. При этом суть факта, события всегда остается загадкой: кто-то кого-то удивил, кто-то чем-то огорчен, обеспокоен. В этом случае очень велика вероятность того, что читатель захочет узнать, в чем дело: *Autoridades palestinianas exigem pedido de desculpa a Guterres; Deputados aprovam a medida que deixa Dilma de cabelos em pé.*

Представление «самого-самого». Под «самым-самым» подразумевается наиболее важное, значимое, актуальное содержание события. Важнейшие языковые инструменты этой тактики — числительные и степени сравнения прилагательных, которые призваны дать представление о точности деталей: *E os 100 melhores filmes do século XXI são...; Os mais poderosos, em Portugal; Recusaram-lhe emprego 30 vezes. O que fez? Tornou-se um dos mais ricos do mundo;*

Venezuela é o país mais corrupto de América Latina; Os três dias frenéticos de Trump na Casa Branca; O discurso de Trump descodificado em 5 pontos; Só há um português entre os melhores eurodeputados.

Использование высказываний от первого лица. Подобные высказывания вызывают больше доверия, особенно если говорит известная личность. Обычно это лицо названо с помощью антропонима. Мнение лица может быть оформлено как прямая речь или переведено в косвенную речь с помощью глаголов мнения или речи: **Obama:** *FBI não tenta influenciar eleições* ; **Guterres:** *medidas de Trump “devem ser removidas o mais depressa possível”* ; **Trump:** *“Acho que o Brexit vai ser uma coisa maravilhosa para o vosso país”* ; **Dilma:** *“Será importante para o Brasil que Lula seja candidato” em 2018* ; **Trump diz** *que os EUA enfrentam uma “crise constitucional” se Clinton vencer* **Marcelo considera** *“ambiciosa” e “difícil” proposta de Costa sobre circulação na CPLP* ; **Theresa May alerta** *EUA contra Vladimir Putin.*

Игра слов. Игра слов представляет собой вербальную стратегию воздействия на читателя. Избежать автоматизма в подаче и восприятии высказывания — вот цель игры слов в медиатексте. Заголовки, которые основаны на игре слов, обычно используют колумнисты и аналитические обозреватели: **Obama vs. Trump:** *o que um diz, o outro desdiz;* **Agora é Temer** *quem tem tudo a temer.* **TSUnami político.** *As polémicas e contradições da mal amada TSU.*

Включение актуальной статистики и аналитики. Не всегда яркий и интересный заголовок может привлечь читателя. Заголовки, в которых присутствуют «сухие данные» (неопровержимая информация), тоже необходимы в тексте. Они могут содержать термины, цифры и параметрические имена: названия мер длины, веса, дат и т.п.: **Brasil regista pior** *défice primário de sempre;* **Produção de petróleo e gás natural** *bate recorde e passa os 3,4 milhões de barris por dia* ; **Angola teve crescimento quase nulo** *em 2016;*

Um em cada dois brasileiros prefere que Temer fique no poder até 2018.

Выразительность заголовка создается с помощью разнообразных коммуникативно-прагматических средств: ресурсов экспрессивного синтаксиса (заголовки-вопросы, заголовки-восклицания, заголовки-отрицания, парцелированные заголовки, атрибутивные конструкции), а также средств образной репрезентации, которые имеют сильный прагматический потенциал (метафоры, в том числе персонификация, эпитеты).

Таким образом, в политическом пространстве медиадискурса формируется медиатекст, базовым фрагментом которого является заголовок. В заголовке сосредоточен ключевой для содержания номинативный, информативный и прагматический потенциал.

СРАВНЕНИЯ КАК СПОСОБ ОБЩЕНИЯ В КОЛУМБИЙСКОМ ДЕПАРТАМЕНТЕ КИНДИО

А.М. Сеницына

РУДН

(Россия, Москва)

anna.m.sinitsyna@gmail.com

Изучая колумбийский национальный вариант испанского языка, невозможно обойти стороной тему сравнений и их значений. Данный вопрос особенно актуален при переводе с испанского на русский язык, так как для понимания значений очень часто приходится обращаться к истории.

Анализируя сравнения, необходимо отметить четкую взаимосвязь между прямым значением слова и его образностью. Наряду с изменениями, происходящими в жизни людей, сравнения эволюционировали и

видоизменялись на протяжении столетий. Улучшение транспортных связей, расширение границ общения, межкультурный обмен, развитие экономических связей между жителями различных регионов — все это и многое другое создало почву для видоизменения сравнений и адаптации их под новую реальность.

Многие регионы Колумбии до сих пор считаются опасными, будь то небольшие деревни с крестьянами или города, такие как Перейра (Pereira), Санта Роза де Кабаль (Santa Rosa de Cabal), Ла Вирджиния (La Virginia) и др. Феномен насилия пропитал разговорную речь неблагоприятных районов и внес определенные изменения в традиции и обычаи. Больше всего различий можно наблюдать на лексическом уровне; сравнения все также часто используются, но вместо агрикультурных терминов употребляются слова из преступного мира.

Обратимся к примерам: *Más gordo que el libro de Petete* (досл. перев. Толще, чем книга Пететы); — *Más aburrido que un celador sin transistor* (досл. перев. Скучнее охранника без радио); *Más ordinario que un ataúd* (досл. перев. Проще гроба для бедняков); *Más peligroso que una puntilla en un tobogán* (досл. перев. Опаснее гвоздя на горке); *Más templado que brazo de limosnero* (досл. перев. Умереннее, чем рука нищего); *Más peligroso que un tiroteo en un ascensor* (досл. перев. Опаснее перестрелки в лифте).

Данные сравнения можно услышать как в городах, так и в деревнях. Частотность употребления зависит от региона. К примеру, в Перейре наиболее часто употребляют фразы *más cansón que unos calzoncillos de estropajo* (досл. перев. «Утомительнее, чем носка кальсонов с начесом») или *más ordinario que una monja jugando tejo* (досл. перев. «Зауряднее монахини, играющей с шайбой»).

Развитие «кофейного региона» тесно связано с деревнями и кофейной деятельностью, которая является неотъемлемой частью процветания торговли и экономики.

Важно обратить внимание на временное переселение населения из деревень в города, происходящее из года в год. Дважды в год крестьяне находятся на плантациях и собирают кофе, а в остальное время перебираются в город в поисках работы. Люди, проживающие и в городах, и в деревнях, представляют большой интерес для лингвистов, ведь они «видоизменяют» и привносят новизну устоявшимся выражениям. Например, фраза *más cansón que calzoncillos de estropajo*, превратилась в *talla más que unos calzoncillos de esparadrapo* (досл. перев. «размер больше, чем у кальсонов на липучке»).

Существует множество источников для формирования сравнений. Один из самых плодотворных — это упоминание событий, мест и известных личностей. Многие сравнения служат «экскурсом» в историю и традиции Колумбии.

Проанализируем примеры. Выражение *Más templado que la guitarra de Gardel* (досл. перев. «Теплее гитары Гарделя») было очень популярно, но со смертью аргентинского певца К. Гарделя танго стало звучать только по радио и в специализированных местах. В связи с этим, сравнение потеряло свою значимость и стало заменено «*más templado que nalga de torero*» (досл. перев. «теплее ягодиц торреодора»), «*más templado que brazo de santo*» (досл. перев. «теплее руки святого»). В настоящее время данные сравнения используют, когда говорят о неуступчивом, твердом характере.

В истории «кофейного региона» и страны навсегда запомнится кризис в кофейной сфере, связанный не только с разрывом международного пакта по торговле кофе, но и с болезнями кофейных деревьев, которые привели к сокращению продукции и дальнейшей регрессии агрикультурного сектора. В связи с этим в речи жителей Киндио возник фразеологизм *Más sobregirado que un cafetero* (досл. перев. «Беднее работника плантации»).

В идиоме *Más pobre que el policía de Mistrató* (досл. перев. «Беднее полиции в Мистрато»), часто используемой жителями Мистрато, речь идет о временах, когда полицейским приходилось рисовать пистолет, лежащий в кармане, потому что денег на настоящий ни у кого не было.

Фразеологизм *Más buscado que Pablo Escobar* (досл. перев. «Разыскиваемый больше, чем Пабло Эскобар») связан с поимкой, пожалуй, самого известного наркобарона XX века П. Эскобара, возглавлявшего Медельинский картель.

Идиому *Más entucador que el alcalde de Apía* (досл. перев. «Обманчивее мэра из Апии») устойчиво связывают с мэром города Апия, который перебрался в Перейру для того, чтобы найти там экономическую помощь и улучшить жизнь своих горожан.

Также в качестве примера можно привести еще одну группу устойчивых идиом, возникших в результате сравнения с общеизвестными предметами, явлениями или лицами: *Hace más daño que un mico en un pesebre* (досл. перев. Причиняет больше ущерба, чем обезьяна в яслях); *Interrumpe más que un bombillo en cine* (досл. перев. Мешает больше, чем лампа в кинотеатре); *Está más que brado que unbulto de canela* (досл. перев. Более поломанный, чем кусок пресованного тростникового сахара); *Más duro que ver morir la madre de hambre* (досл. перев. Хуже, чем видеть мать, умирающую от голода); *Más serio que un tramposo* (досл. перев. Серьезнее, чем жулик); *No le doy la mano, porque me la devuelve con cuatro dedos* (досл. перев. Не дам руку, иначе мне вернут ее только с четырьмя пальцами); *Parece un gusano en brasas. Inquieto y desesperado. No tiene paz.* (досл. перев. Похож на червяка на раскаленных углях. Неспokoйный и отчаявшийся. Неспokoйный).

Стоит отметить, что в колумбийском национальном варианте испанского языка сравнения довольно часто используются в разговорной речи. Безусловно, употребление сравнений напрямую связано с эмоциональностью и

личностными характеристиками. Сравнения возникают прежде всего в разговорной речи и в дальнейшем приобретают устойчивый характер, что представляет интерес для лингвистов.

Литература

Фирсова Н. М. *Современный испанский язык в Колумбии. Лексика: учеб. пособие*. М.: Изд-во УДН, 1984.

Londoño R.A. *Así se habla en Pereira. Dichos y exageraciones*. 2000.

Flórez L. *Del español hablado en Colombia: seis muestras de léxico*. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1975. 199 p.

Refranes y dichos. Argos. Editorial Universidad de Antioquia, 1996.

Diccionario de americanismos. Asociación de academias de la lengua española, 2010.

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.М. ФИРСОВОЙ И В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

О.С. Чеснокова

РУДН

(Россия, Москва)

tchesnokova_olga@mail.ru

К разработке типологии форм обращения и их этнокультурной специфики Н.М. Фирсова обратилась на материале эквадорского и колумбийского национальных вариантов испанского языка [Фирсова 1978; 1982], что в дальнейшем было развито на материале пиренейского национального варианта испанского языка, воплотилось в специальном учебном пособии по проблематике обращения в полинациональном испанском языке [Фирсова, Чеснокова 1987], в типологии местоименных и лексических форм обращения и обуславливающих их ситуативных и

стратификационных факторов, что задало направление исследований испанского обращения и специфики речевого общения испаноговорящих в целом в отечественной испанистике. Проблематика обращения как центральной категории речевого этикета и его коммуникативно-функциональная сущность неизменно находились в поле интересов Н.М. Фирсовой и разрабатывались в ее многочисленных публикациях разных лет [Фирсова 1995, 1999, 2000]. Нарботки Н.М. Фирсовой по типологии и этнокультурной специфике форм обращения находят органичное применение в современном переводоведении. Как наилучшим образом переводить обращение на другой язык? Какие эквиваленты можно найти, например, русским диминутивным формам имени собственного, испанским абстрактным именам, именам «органа чувства», наименованиям пола и возраста, транспонированным именам родства в функции обращения? Споры о стратегиях перевода и сущности эквивалентности при переводе бесконечны, а предлагаемые решения связаны с целями и средствами перевода, языковым вкусом и потребностями эпохи. Синтаксическая позиция обращения — это всегда прагматически значимое и коммуникативно обусловленное отражение восприятия собеседника, а в художественном дискурсе — исключительные экспрессивные возможности. Современное переводоведение синтезирует аппарат филологической герменевтики, стилистики, семиотики, сопоставительно-типологического языкознания, лингвокультурологии, межвариантной специфики речевого общения и позволяет вывести критерии адекватности передачи форм обращения. В традициях отечественной школы переводоведения выделяются следующие основные типы переводческих преобразований: добавление, опущение, перестановка, замена. Воссоздание коммуникативного потенциала и эстетической значимости обращения через эти приемы — обязательное условие успешности его перевода в

рамках теории функциональной эквивалентности. При этом весьма плодотворным оказывается сопоставление нескольких переводов одного произведения и методика обратного перевода, т.е. «перевода переведенного». Сопоставление обращений в повести Ф.М. Достоевского «Вечный муж» [Достоевский 1956] и в её переводах на испанский язык Рафаэлем Кансиносом-Ассенсом [Dostoyevski 1991] и Рикардо Баэса [Dostoievski 2005] обнаруживает различные переводческие решения и, соответственно, способы межкультурной адаптации обращений оригинала. Сохранение переводчиками семантического ядра обращений оригинала встраивается в универсальные механизмы графического, фонетического и функционально-семантического уподобления лексических единиц при переводе. Рассмотрим некоторые характерные примеры. Обращения по имени и отчеству оригинала подвергаются фонетическому уподоблению. При этом перевод Кансиноса-Ассенса при передаче имени и отчества Трусоцкого верно передает акцентную структуру русского антропонима, тогда как перевод Рикардо Баэса, без знаков испанского графического ударения, содержит акцентную ошибку: «Скажите, **Павел Павлович**, вы здесь, стало быть, не один?» [Достоевский 1956: 470]. Dígame usted, **Pável Pávlovich**: según parece, no vive usted aquí solo [Dostoyevski 1991: 1173]. Diga usted, **Pavel Pavlovich**: usted no vive solo, ¿verdad? [Dostoievski 2005: 100]. При передаче имени и отчества Вельчанинова «*Алексей Иванович*» перевод Кансиноса-Ассенса, графически фиксируя ударение на первом слоге, искажает акцентную структуру имени «*Алексей*», а перевод Рикардо Баэса образует антропонимический гибрид из испанского аналога *Alejo* русского имени «*Алексей*» и транскрипции русского отчества: «Извините, **Алексей Иванович**, я бы должен был, входя, сообразить; даже стыжусь [Достоевский 1956: 451]. Perdome usted, **Aléksiey Ivánovich**; yo hubiera debido, al entrar,

tenerlo en cuenta [Dostoyevski 1991: 1161]. Usted perdone, **Alejo Ivanovitch** [Dostoievski 2005: 29].

В оригинале имеется много обращений-реалий. В обоих рассматриваемых переводах происходит замена почтительного обращения-реалии «милостивый государь». У Кансиноса-Ассенса им становится этикетное испанское обращение «сеньор» с постпозитивным притяжательным местоимением «мой», а в переводе Рикардо Баэса актуализируется смысл 'друг мой': «А что, дескать, вы здесь делаете, **милостивый государь?**» [Достоевский 1956: 451]. ¡Diantre! ¿Qué hace usted aquí, **señor mío?** [Dostoyevski 1991: 1161]. Pero, ¿qué hacía usted ahí, **amigo mío?** [Dostoievski 2005: 28]. Интересная задача — передать свойственную русскому узусу XIX в. вежливо-почтительную постпозитивную частицу «-с». В обоих переводах она опущена: «Багаутов, Степан Михайлович, подаривший нас своею дружбою ровно через год после вас и...подобно вам-с» [Достоевский 1956: 458]. -Bagáutov, Stepán Mijáilovich, que nos favoreció con su amistad, justamente al año de haberse ido usted, y ...lo mismo que usted... [Dostoyevski 1991: 1165]. — Pues Bagautov, Stepan Mikhailovich Bagautov, que nos otorgó su amistad un año justo después de usted... y... exactamente lo mismo que usted [Dostoievski 2005: 37].

Гибкость русского и испанского языков в отношении обращений на «вы» и «ты» закономерно отражена в обоих переводах. Драматическая коллизия сюжета объясняет многочисленные эмотивные обращения героев, представляющие объективную сложность при переводе. Так, в следующем фрагменте экспрессивность обращения Вельчанинова к Трусоцкому в виде местоимения «вы» и по принципу синекдохи находят адаптацию в глагольной тенденции испанской речи (добавлено обращение-императив), в стилистике артикля и в синекдохе «Эй **вы! Креп на шляпе! Теперь прятаться! Стойте: кто вы такой?** [Достоевский 1956: 445]. ¡**Oiga usted, el de la gasa en el**

sombrero! ¡Pues no se esconda ahora! ¡Párese usted! ¡Dígame quién es! [Dostoyevski 1991: 1157]. ¡Eh, **oiga usted, el de la gasa negra!** ¿Por qué huye usted ahora? ¡Alto, deténgase! [Dostoievski 2005: 22]. Гневное и полное отчаяния обращение Вельчанинова «пьяный изверг» удачно передано в переводе Рикардо Баэса словосочетанием *bestia de borracho*, тогда как избранный Кансиносом-Ассенсом эквивалент *borracho monstruoso* дает при обратном переводе смысл ‘ужасный пьяница’, не соответствующий смыслу обращения оригинала: «Понимаешь ли ты, **пьяный изверг**, что без тебя ее и похоронить нельзя будет! — прокричал он задыхаясь [Достоевский 1956: 509]. ¿No comprendes, **borracho monstruoso**, que sin ti no es posible enterrarla? Gritóle casi sin alientos [Dostoyevski 1991: 1199]. —¿Acabarás de comprender, **bestia de borracho**, que no pueden enterrarla sin ti? —gritó, ahogándose de furor [Dostoievski 2005: 100]. Экспрессивность отчасти достигается за счет смены типичного для общения Вельчанинова с Трусоцким «вы» на «ты. Конструкция «*ты со злости*» органично преобразуется в переводе Рикардо Баэса в добавленное обращение *canalla*, а в переводе Кансиноса-Ассенса — в предложение с именным сказуемым и прилагательным *malvado* в сильной позиции: «— Лжешь! — закричал Вельчанинов, как потерянный, — ты со злости... я так и знал, что ты это мне приготовишь!» [Достоевский 1956: 510]. —¡Mientes, **canalla!** —aulló Veltchaninov, presa de una rabia frenética—. ¡Ya sabía yo que me saldrías con ésa!» [Dostoievski 2005: 100]. ¡Mientes! ...— clamó Velcháninov, como enajenado-. ¡**Eres un malvado!** ¡Ya sabía yo que me tenías preparado eso!» [Dostoyevski 1991: 1199].

Наблюдения над переводом обращений в повести Достоевского “Вечный муж” на испанский язык убеждают, что перевод обращений неразрывно связан с типологическими чертами русского и испанского языков, национальными традициями обращений в синхронии и диахронии, идиолектом Достоевского. Универсальный

способ точной передачи семиотики обращений — выбор соответствий, адекватных культурно-семантическим особенностям обращений оригинала.

Литература

Фирсова Н.М. Некоторые формы речевого этикета Эквадора // *Семантика некоторых структурных единств современного испанского языка*. М.: УДН, 1978. С. 67–80.

Фирсова Н.М. Местоименные формы обращения в колумбийском варианте испанского языка // *Функционально-семантическое изучение иностранных языков*. М.: УДН, 1982. С. 3–22.

Фирсова Н.М., Чеснокова О.С. *Обращение в современном испанском языке: Учеб. пособие*. М.: Изд-во УДН, 1987.

Фирсова Н.М. Категория вежливости в испанском языке // *В помощь преподавателям иностранных языков: Учебное пособие*. М.: Изд-во РУДН, 1995. С. 3–11.

Фирсова Н.М. *Испанская разговорная речь: Учеб. пособие*. М.: Изд-во РУДН, 1999.

Фирсова Н.М. *Испанский речевой этикет*. М.: ИНФРА-М., 2000.

Достоевский Ф.М. Вечный муж // *Полн. собр. соч. в 10 томах*. М.: 1956. Т. IV. С.433–580.

Dostoyevski Fiodor M. El eterno marido // *Obras Completas*. Traducción directa del ruso. Introducción, prólogo y notas por Rafael Cansinos Asséns. México: Aguilar, 1991. Т. 2. Pp. 1146-1244.

Dostoievski Fiodor. *El eterno marido*. Traducción: Ricardo Baeza. La Plata: Terramar, 2005.

ДВА ЧИТАТЕЛЯ М. УЭЛЬБЕКА: НАИВНЫЙ И КРИТИЧЕСКИЙ

С.А. Шейпак

РУДН

(Россия, Москва)

svetlana.sheipak@gmail.com

Отталкиваясь от анализа комментариев читателей и литературных критиков, прочитывающих роман Мишеля Уэльбека «Карта и территория» как Наивные читатели, в статье предложена стратегия Критического читателя, позволяющая интерпретировать сюжет романа на основе его интертекстуальных связей с «Лексиконом прописных истин» Гюстава Флобера.

Разработав свою концепцию читателя, Умберто Эко предполагал различать Наивного и Критического читателя [Есо 1984: 10]. Наивный читатель послушно подчиняется стратегии автора, ведущего его согласно заранее продуманным интерпретациям, указывая ему, как должен быть прочитан сюжет. Критический читатель, в отличие от Наивного, должен обладать достаточной интертекстуальной компетенцией, на которую он будет опираться при чтении. Его собственная «читательская энциклопедия», по мысли Эко, будет источником возможных интерпретаций авторского замысла, лишь разгадав который он испытывает удовольствие от чтения [Есо 1984: 21].

В своем Гонкуровском романе «Карта и территория» Мишель Уэльбек возлагает на своего читателя, с точки зрения Эко, сверхзадачу. Он намеренно создает стилистически безликий текст, банальные описания которого критиковались как заимствования из статей Википедии, министерских инструкций и путеводителей [Guimiot 2011: 8]. Линейное, безэмоциональное повествование не дает Критическому читателю подсказок, позволяющих активировать его интертекстуальную энциклопедию.

Поэтому роман, как свидетельствуют комментарии читателей и литературных критиков, прочитывается чаще всего как детективный сюжет о трагической судьбе художника в современном мире, что превращает их в Наивных читателей, опирающихся в своих интерпретациях на поверхностные структуры текста.

Ключом к интертекстуальному прочтению романа может послужить особый стиль, характерный для Уэльбека. Плоский стиль романа является идеологически продуманным авторским ходом, о котором Уэльбек писал в своей ранней работе «Расширение пространства борьбы». Его нарратор утверждал, что для описания пустоты и безразличия сегодняшнего мира, надо изобрести лаконичную ровную и унылую форму [Houellebecq 2010: 42].

Стилистическая банальность формы в «Карте и территории» поддерживается одновременно и на визуальном уровне. Многочисленные выражения, выделенные в тексте курсивом, часто не могут быть объяснены формальными правилами, предполагающими выделение заимствований, названий литературных произведений, цитат. С помощью курсива текст привлекает внимание читателя к речевым штампам: *медленный прогресс, обезоруживающая улыбка, Великие мастера, ценить человеческий труд, идти по проторённой дорожке.*

Намеренное выделение речевых штампов и безликость стиля отсылают Критического читателя к «Лексикону прописных истин» Гюстава Флобера. Он вкладывал банальности в уста многих персонажей «Госпожи Бовари» и «Воспитания чувств». Прописные истины легли в основу замысла «Буvara и Пекюше». В «Лексиконе» Флобер намеревался собрать «все, о чем надо говорить в обществе, чтобы прослыть человеком благопристойным» [Флобер 1956: 346]. Именно Флобер придал выражению «речевой штамп» отрицательную коннотацию, связав его с идеей социального императива, который диктует человеку линию

поведения [Herschberg-Pierrot 1994: 119]. Коллекция банальностей, собранная Флобером в «Лексиконе», была его протестом против банальностей, которые он расценивал не просто как тривиальность мышления, но как подчинение власти авторитета, от которой невозможно освободиться. Для писателя пустая речь, избыточная штампами, стала знаком духовного оскудения современного ему мира.

Банальность повествования Уэльбека в «Карте и территории» строится на тех же штампах, которые высмеивал в своем «Лексиконе» Флобер. У Флобера можно прочитать:

Французы. — *Первый народ в мире. [...] Осуждение всего не-французского — доказательство патриотизма* [Флобер 1956: 323; 338].

Жандармы. — *Оплот общества* [Флобер 1956: 321].

Уэльбек лишь перефразирует эти мысли:

На вопрос, когда чужака наконец примут за своего в сельской Франции, ответ был очевиден: никогда. [...] иностранцев они решительно не любили [Уэльбек 2011: 451].

Боязнь жандарма [...] — вот на самом деле истинная основа человеческого общества [...] [Уэльбек 2011: 385].

Однако наиболее очевидным прочтение Флобера Уэльбеком становится в основном топике романа, который настойчиво выделен курсивом в тексте романа. «Карта и территория» — это роман о художнике и современном искусстве, поэтому курсив подчеркивает такие выражения как *художник, мастерская художника, галерея, картина, стиль художника, его прозрения, создать произведение*. Но безликость выделенных выражений, намеренно подчеркнутая курсивом, ставит под сомнение вывод, который делают Наивные читатели, предполагая, что они читают роман о сложной судьбе художника-бунтаря в современном мире потребления. Статья «Лексикона» Флобера должна помочь Критическому читателю найти

иную интерпретацию для персонажа художника Джеда Мартина. Флобер писал [Флобер 1956: 339]:

Художники. Все шутники. Восхвалять их бескорыстие (старо). Удивляться, что они одеты, как все (старо). Зарабатывают бешеные деньги, но бросают их на ветер. Часто получают приглашения к обеду. Художница — обязательно распутна.

Создавая образ Джеда Мартина, Уэльбек словно стремился воплотить каждое из положений «Лексикона».

И хотя образ Джеда безусловно не имеет ничего общего с шутником, нельзя, послушно следуя за текстом романа, воспринимать его как художника-бунтаря, отвернувшего элитарную пустоту и рыночную природу современного искусства. Сам Уэльбек разыгрывает Наивного читателя, предлагая ему увидеть в Джеде великого и успешного художника, которому безразличен его коммерческий успех. Автор рассчитывает на то, что его Критический читатель поймет его фарс и увидит душевную и творческую скудность Джеда, который создавал изображения мира, не предназначенного для проживания, и расстался с жизнью, так и не успев к ней окончательно приспособиться. Джек расстается с жизнью, которая в тексте оригинала названа существованием, символом которого было название его выставки, принесшей ему славу: карта интереснее территории. Этот художник, желавший оставить свидетельство о мире, отказался от мира задолго до своей физической смерти. Он оказался от любви, от общения с людьми, посвятив остаток своих дней съемкам того, как медленно разрушаются фотографии тех, кто когда-то был ему близок.

Следуя подсказкам «Лексикона», Критический читатель видит все черты художника в образе Джеда. Придя на светский вечер в вельветовых брюках и куртке, богатый и знаменитый Джек чувствовал себя ужасно *underdressed* среди вечерних платьев и смокингов. Его гонорары достигли

таких баснословные цифр, что галерист не мог найти покупателя для последнего, созданного им портрета. Свое бескорыстие Джед доказал, завещав все свое состояние различным обществам по защите животных. А единственная художница, появившаяся в романе, как и предполагал «Лексикон», «торговала своими прелестями», чтобы заработать на учебу.

Создав образ художника, полностью воплощающий сатирический замысел Флобера, Уэльбек превратил его в схематичный плоский персонаж, чья смерть не вызвала ни у кого сожаления, поскольку он не жил, а лишь существовал в этом мире. Поэтому роман не может быть прочитан так, как он читается Наивными читателями, следующими за его поверхностными структурами. Это ни воспитательный роман, рассказывающий историю жизни мастера, ни детективный роман об убийстве Уэльбека-персонажа, двойника автора. Стиль и курсив в «Карте и территории» задают те уровни интерпретации, которые заставляют Критического читателя активизировать его интертекстуальную энциклопедию, чтобы понять замысел автора, создавшего фарс, постмодернистский пастиш различных жанров.

Литература

Eco U. *The role of the reader: Explorations in the semiotics of texts*. Bloomington: Indiana UP, 1984.

Guimiot V. *Plagiat, emprunts, cliché : mise en question de l'originalité artistique et disparition de l'auteur dans La Carte et le Territoire de Michel Houellebecq. Thesis or Dissertation*. Miami University, 2011. URL: https://etd.ohiolink.edu/pg_10?0::NO:10:P10_ETD_SUBID:57644 (дата обращения: 17.12.2016).

Herschberg-Pierrot A. Histoire d'«idées reçues» // *Romantisme*. 1994. № 86. P. 101–120.

Houellebecq M. *Extension du domaine de la lutte*. Paris: Flammarion, 2010.

Уэльбек М. *Карта и территория*. М.: Астрель, 2011.

Флобер Г. *Лексикон прописных истин*. Собр. Соч. в 5 т. М.: Правда, 1956. Том 1. С. 311–347.

«СОВРЕМЕННЫЙ МИФОТВОРЕЦ» М. Турнье

В.В. Шервашидзе

РУДН

(Россия, Москва)

shervash@yandex.ru

Мишель Турнье — писатель-философ, получивший блестящее образование: выпускник философского факультета Парижского университета, сформированный идеями Г. Башляра. Влияние великого философа определило выбор пути и ориентиров в творческой жизни Турнье. В 1946 году он защитил дипломную работу о Платоне; был приглашён в качестве студента-германиста в Тюбингенский университет.

Однако профессиональным философом он так и не стал, но стал профессиональным писателем. Творчество М. Турнье совмещал с преподавательской деятельностью в младших классах. Этим благородным трудом он занимался до конца своих дней.

Турнье называют «современным мифотворцем». Миф является основной структурой всех его произведений. Интерес к мифу возник благодаря занятиям М. Турнье в «Музее человека» под руководством Леви-Стросса. Эти занятия совершенно перевернули традиционное представление М. Турнье о мифе как о «фундаментальной истории или истории, которая всем уже известна» [Tournier 1977: 135]. Писатель считал, что окостеневшие мифы и архетипы создают неподвижность, догматичность понятий и представлений во всех сферах жизни. Он даже сравнивал застывший в своей неподвижности миф с «музеем гипсовых

слепков, в котором сам писатель, окультуренный, одомашненный, становится одним из экспонатов» [Tournier 1977: 158]. Цель литературы — создание новых мифов, не позволяющих человеку остановиться на пути познания. В пересмотре сложившейся традиционной поэтики мифа, М. Турнье был в русле развития современной литературы второй половины XX века — «Я люблю обращаться к историям, которые всем хорошо известны, — признавался Турнье, — но в этом заключается своего рода игра, которая состоит в том, чтобы с одной стороны, сохранить букву этой истории, не переверачивая ничего с ног на голову, но с другой, — рассказать нечто совсем другое. В определенном смысле это труднее, чем писать о том, что уже было написано до тебя» [Tournier 1977: 192]. Р. Барт, в «Мифологиях» (1967), утверждал, что миф — это слово, знак, подменяющий собой реальность, навязывающий и диктующий свои ценности, чужую волю, отнимая свободу. «Конечная задача всех мифов — сделать мир неподвижным. Таким образом, всегда и всюду сталкиваясь с мифами, человек всякий раз отбрасывается ими к своему неизменному прототипу, который начинает жить вместо него, душит его изнутри. Мифы неутомимо требуют, чтобы все люди узнавали себя в вековечном и вместе с тем исторически конкретном образе, который создан для них раз и навсегда» [Барт 1989: 78].

Ремифилогизация стала характерной чертой литературы второй половины XX века (К. Рансмайр, Джулиан Барнс, Д. Барт, У. Эко), зафиксировав новую степень самосознания мировой литературы.

Первый роман — «Пятница, или Лимб Тихого океана» был удостоен Большой премии Французской Академии. Мировую славу писателю принес его роман «Ольховый король» или в других переводах «Лесной царь» (1970). Роман был удостоен Гонкуровской премии, а Турнье, спустя некоторое время, был избран членом Гонкуровской

Академии. Творчество Турнье невелико по объему. Он опубликовал за последние двадцать лет всего несколько романов: «Метеоры» (1975), «Гаспар, Мельхиор и Бальтазар» (1980), «Золотая капля» (1985); повесть «Жиль и Жанна» (1983), три сборника новелл. В 1977 году появилось эссе Турнье «Ветер утешитель», содержащее толкование собственных произведений; «Полет вампира» — сборник статей и литературно-критических работ.

Антропологическая теория Леви-Стросса оказала огромное влияние на представления Турнье о реальности, времени, цикличности событий, бинарности оппозиций. Ему были созвучны идеи Леви-Стросса о диахроничности и синхроничности мифа, о метафоричности мифического мышления. «Структура мифа имеет обособленное содержание. Она сама является содержанием, заключенным в логическую форму, понимаемую как свойства реальности» [Леви-Стросс 1985: 9, 11]. Это определение Леви-Стросса является мифологическим кодом, «открывающим» «загадки» М. Турнье в каждом его произведении.

Фотография, занимающая особое место в его творчестве, — это не просто фотолюбительство. Турнье подходит к фотографии с философских позиций. Интерес к фотографии был тесно связан с увлечением Турнье мифами. Он считал, что фотография не только похищает, но и мифологизирует фотографируемое. Амбивалентность мифа, адекватно отражающая дуальность мира, в концепции Турнье, становится основной философской структурой, определяя жанровые особенности его произведений — притч, в которых персонажи являются символами своих идей. Турнье разрушает атрибутику реалистического романа: миф — «машина для уничтожения времени»; средство выражения универсалий бытия. Эта концепция обуславливает мифологизацию реальности, фрагментарность повествования.

Первый роман М. Турнье «Пятница, или Лимб Тихого океана» — произведение зрелого, сложившегося автора. Вновь рассказать историю Робинзона Крузо и его слуги Пятницы было рискованным проектом. Произведение Д. Дефо побило все рекорды популярности и за два столетия не утратило своей привлекательности для многих поколений читателей. Турнье сочиняет перифраз романа Дефо, переделывая, переосмысляя просветительский миф, «выворачивая» наизнанку все привычные представления о Робинзоне и Пятнице. Используя инверсию, Турнье смещает «верх» и «низ», «главное и второстепенное», «великое и малое», пронизывая повествование стихией карнавального смеха.

В основы заглавия романа — «Пятница, или Лимб Тихого Океана» — положен прием инверсии, неразрывно связанный с парадоксальным мировосприятием писателя. Форма «перевернутых сравнений» разрушает однозначность оценок в поведении персонажей. В романе происходит постоянная смена бинарных оппозиций. В заглавии о Робинзоне нет никаких упоминаний. У читателя складывается впечатление, что перед ним новый незнакомый текст. Писатель демонстративно играет с читателем, копируя начало сюжета знаменитого романа: кораблекрушение, необитаемый остров, Робинзон — единственно уцелевший из всей команды — пытается на диком острове построить «английскую колонию» с жесткой дисциплиной, уголовным кодексом, Хартией Острова. Он, как и положено европейскому моряку, заводит судовой журнал, куда заносит свои размышления. «Ему казалось, что, выполняя сакральное действие писания, он сумел себя внезапно вырвать из пропасти скотства, в которую погрузился, и был возвращен в мир духовности и разума» [Tournier 1967: 39]. Робинзон готов трудиться без усталости, готов превратить «этот непроницаемый остров ... в прозрачную и ясную конструкцию». Создается впечатление, что Турнье решил

повторить опыт «Пьера Менара, автора Дон Кихота, переписав в точности приключения Робинзона. Но сходство заканчивается с появлением Пятницы, который представляет антипод своего литературного прототипа. В романе Д. Дефо Пятница, стремившийся приобщиться к европейской культуре, был беспрекословным слугой и другом Робинзона. В романе Турнье происходит обратное — Робинзон из наставника превращается в «ученика» и даже «младшего брата» Пятницы. Пятница — персонаж из «другого» мира; в котором «правит» не уголовный кодекс, а «кодекс невинности сына природы». Он живет ощущениями стихийного, чувственного наслаждения, из которых изъяты здравый смысл, прагматизм, утилитаризм.

Пятница не только подтачивает незыблемость системы, созданной старательно Робинзоном, но варварски её разрушает. Его действия лишены агрессии и злобы, он живет в ритме, созвучном природе. Он выкапывает плакучие ивы, заботливо посаженные Робинзоном, и сажает их обратно корнями вверх; неосторожно устраивает взрыв грота, сооруженного Робинзоном для продуктов первой необходимости. Он ведет себя как шаловливый ребенок, получающий удовольствие от нарушения запретов. Но это лишь видимость: Пятница и Робинзон — два мира, отражающих контрастность бинарных оппозиций, их непримиримость — невозможность диалога, а следовательно слияние двух культур, обусловленных различными ценностными критериями. Общение Пятниц и Робинзона возможно лишь на поверхностном уровне.

Интертекстуальная перекличка двух романов разрушает незыблемость просветительского мифа, создавая новую смысловую модель, в которой миф, с его бесконечной сменой и чередованием понятий, олицетворяет вечную изменчивость жизни. Финал романа, в основе которого парадокс, открытый. Робинзон остается на острове, а

Пятница отправляется в «плавание за «неизвестным», в чужую, непонятную Европу.

Литература

Барт Р. *Мифологии // Избранные работы*. М.: Прогресс, 1989.

Леви-Стросс К. *Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семантике фольклора*. М.: Наука, 1985.

Tournier M. *Le vent Paraclet*. P.: Gallimard, 1977.

Tournier M. *Vendredi ou les Limbes des Pacifique*. P.: Gallimard, 1967.

ЯЗЫКОВАЯ ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ПАРЕМИИ «ЛЮБИТ, КАК ДУШУ, А ТРЯСЕТ, КАК ГРУШУ»

О.В. Шкуран

ЛНУ им. Тараса Шевченко
(ЛНР, Луганск)
oksana.shkuran@mail.ru

Проблема сакрального является одной из важных всего гуманитарного знания. Сакральные ценности определяли направленность развития человеческого общества на протяжении нескольких тысячелетий. Эти ценности, в разной степени, нашли свое отражение в космоцентрических взглядах философов античности, теоцентрических системах средневековья, антропоцентрическом мировоззрении гуманистов эпохи Возрождения и Нового времени.

Очевидно, что сам термин «сакрализация» имеет латинское происхождение (от лат. *sacralis*) и является родовым понятием к слову «священный». Термин «сакральное» как концептуальное понятие было употреблено в конце XIX в. в трудах Вилфреда Смита, Алекса Юбера и

Марсея Мосса. Особое внимание проблема сакрального привлекла в начале XX столетия. Классиками признаны Рудольф Отто и французский социолог Эмиль Дюркгейм, потому что ими были сформулированы две различные модели сакрального. Р. Отто развивал теологическую концепцию, которая была поддержана английским антропологом Робертом Мареттом и скандинавским религиоведом Натаном Зедербломом. Э. Дюркгейм, в отличие от своих предшественников, относивших сакральное к априорной религиозной реальности, сформулировал новый подход, в рамках которого сакральное — знак поведения, обладающий собственной природой.

Новый всплеск интереса к проблеме сакрального обозначился в последней четверти XX века. Среди западноевропейских исследователей следует назвать Г. Беккера, Д. Белла, П. Бергера, Т. Лукмана, Х. Валденфельса, Ф. Изамберта, Д. Кампнера, М. Барковскую, М. Маффесоли, среди российских ученых — В. Винокурова, А. Гофмана, А. Забияко, С. Самыгина, В. Нечипоренко, Д. Пивоварова, А. Сморчкова, И. Полонскую, А. Федоровских и др.

А вот проблема «десакрализации» языка начала волновать лингвистов не так давно (А. В. Муравьев «Сакрализация языка как проблема церковной истории», В. В. Сайгин «Десакрализация концепта «грех» в русском языке», Е. Р. Добрушина «Развитие корпуса церковнославянского языка», Т.Е. Владимирова «Русское языковое сознание в эпоху Интернет-коммуникации» и др.).

Интересным, на наш взгляд, является исследование отечественных философов-религиоведов В. И. Ильченко, В.М. Шелюто «Феномен сакрального в историко-культурном пространстве» (Луганск, 2002), где они пишут: «Сакральное — это сильное эмоциональное и волевое напряжение:

потенция, разряжающаяся в действие, поступок, деятельность, творчество» [Ильченко, Шелюто 2002: 43].

Поскольку постижение сакрального требует огромной внутренней работы и умения подняться над суетностью своих действий и слов, невыносимо сложно человеку сопротивляться всему профанному и уничтожению родного слова. Таким образом, непрекращающийся процесс десакрализации священных понятий способствует повышенному интересу к переосмыслению христианских и народных ценностей.

В философском словаре дается определение понятия *десакрализация* — это 1) «обесценивание священных образцов, религиозных представлений, мировоззренческих установок»; 2) обозначение сферы явлений, предметов, людей, относящихся к божественному, религиозному, связанных с ними, в отличие от светского, мирского, профанного [Черных 2002: 234].

Мы будем руководствоваться таким определением: десакрализация языка — это утрата значимости и глубокого священного содержания в семантике слов, словосочетаний и фразеологических оборотов с целью обмирщвления понятий и их светское обесценивание в средствах массовой информации и в устной речи носителей языка.

На наш взгляд, интересным для дальнейших современных исследований в области сакрализации языка является обобщающий труд 1898 года издания «Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края» под редакцией начальника Харьковского губернского статистического комитета Василия Иванова [Иванов 1898: 1012]. Это своеобразная энциклопедия жизни преимущественно луганчан исторического Старобельского уезда (к северу от Северского Донца), одновременно и важная общекультурная достопримечательность народной восточнослобожанской фразеологии.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают исследуемые сакральные паремии о национально-культурном понимании «муж» и «жена». На тот момент в Старобельском уезде проживали представители различных национальностей, но доминировали русские и украинцы. В этнографическом исследовании В. Иванова паремия *любыть якъ душу, а трясет якъ грушу* [Иванов 1898: 208] содержит, на первый взгляд, основную сему пейоративного коннотативного оттенка. На самом деле, устойчивое выражение представляет культурологическую сакральную информацию: в одном сравнении (компаративеме) встречается два символа — *душа* и *груша*. Лечебные свойства груши известны еще с глубокой древности. В «Этнолингвистическом словаре» Н.И. Толстого подтверждается информация о том, что у многих славянских народов *груша* использовалась во время сакральных обрядов, напр.: у сербов, болгар, белорусов, словаков, чехов совершались ритуальные действия — во время Божественной евхаристии; вырезали придорожные кресты; сажали деревья; выливали воду после купания младенца под дерево и т.д. [Толстой 2009: 566-567] Исследователь украинской мифологии В. Войтович отмечает, что ветви, плоды, древесина, пепел от груши использовали в магии для передачи человеку и животному плодовитости, компотом из груши угощали беременную женщину, в купальские венки вплетали ветки, свадебный коровай украшали ветками груши с тремя побегами и т.д.» [Войтович 2005: 134- 135]. Причем обратим внимание на форму груши, напоминающую женскую фигуру. Таким образом, груша символизирует сакральное продолжение рода и плодовитость, а в сочетании с душой — внутренним миром человека, его сознанием — представляет в составе компаративемы духовное и физическое единство мужа и жены. А в словаре В.И. Даля представлена русская пословица *Муж да жена одна душа* [Даль 1980: 46].

Данная поговорка до сих пор встречается в речи носителей языка: *Любит как душу, а трясет как грушу*. Среди студентов филологического факультета Луганского национального университета имени Тараса Шевченко был проведен ассоциативный эксперимент. Респондентами стали 70 человек, проживающими в Луганской Народной Республике. Участникам было предложено самостоятельно к целостному сложившемуся предложению дидактического характера выбрать ассоциации. К сожалению, наличие современной информации о демократических взаимоотношениях в современных семьях привело к неутешительным результатам. 50 % респондентов определили такие ассоциации: *ссора, удар, обида, разлад, развод*; 35 % — *жертва, страдания, обязанность, крест*; 25 % — *мужская настойчивость, дети, отказ жены*. А некоторые ответы формулировались так: *Любит — значит бьет*. Но это объяснение носит больше гипотетический характер, поскольку в промышленном регионе Донбасса женщина занимает равноправное положение с мужчиной. Однако сакральное значение поговорки *любит как душу, а трясет как грушу* за сто с лишним лет утратила, а приобрела больше ироничный или негативный семантический оттенок.

Таким образом, важным направлением в эволюции концептуального содержания поговорки *Любит как душу, а трясет как грушу* являются «аксиологические аномалии» или «аномалии системы ценностей в «языке ценностей» [Радбиль 2012: 239-259].

К сожалению, понимание студентами данной поговорки отражает общую тенденцию, ведущую к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из сакральной сферы употребления в коммуникативную светскую среду.

Проф. Т. Б. Радбиль считает, что «в любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал для порождения разного рода отклонений от языковых норм и

правил, которые являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала» [Радбиль 2012: 3]. Не хотелось бы, чтобы такие аномалии стали нормой жизни.

Литература

- Войтович В. М. *Українська міфологія*. К.: Либідь, 2002.
- Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т.* М. : Рус. яз., 1980. 1 том. 1978.
- Иванов В. В. *Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края*. Т. 1. Харьков, 1898.
- Ильченко В.И., Шелото В.М. *Феномен сакрального в историко-культурном пространстве*. Киев: АО «ИТН», 2002.
- Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–Г. М.: Междунар. отношения, 1995.
- Радбиль Т.Б. *Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и др.* М.: Флинта, 2012.
- Черных П.Я. *Историко-этимологический словарь русского языка*. Т.2. 5 изд. М., 2002.

МЯГКАЯ СИЛА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ VS. ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Н.В. Юдина*, О.А. Селиверстова**

* Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
(Россия, Владимир)
dr.yudina@mail.ru

** ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Россия, Владимир)
oxana33@list.ru

Как известно, в современном общественно-политическом пространстве XXI века вопросы языковой политики и языкового планирования приобретают особую остроту и актуальность. При этом размывание границ между указанными понятиями дает нам основания говорить о

языковой политике и планировании (далее ЯПП) как едином терминологическом многочлене, используемом для обозначения деятельности по планированию и реализации воздействий на язык и его функционирования в обществе, а также теоретических и идеологических предпосылок, лежащих в основе этой деятельности. Трехкомпонентная структура ЯПП, включающая деятельность в области статуса, корпуса и обучения языку, на наш взгляд, может быть дополнена новым направлением — *внешней ЯПП*, понимаемой как деятельность по популяризации языка в мире, учитывающая цели и задачи внешнеполитического курса государства, которые часто связываются с концепцией *мягкой силы*, предполагающей «умение добиваться желаемого не принуждением или вознаграждением, а привлекательностью» [Nye 2004: 5].

Имеющая давние традиции в США и в ряде стран Европы, в России концепция *мягкой силы* получила широкое распространение после выхода статьи В.В. Путина «Россия и меняющийся мир». Нормативно-правовое же закрепление, а также «официальное» определение *мягкая сила* получила несколько позже, в Концепции внешней политики РФ, утвержденной 12 февраля 2013 года. Так, Статья 20 определяет *мягкую силу* как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» [<http://static.kremlin.ru>]. Значительная роль, отводимая информационно-коммуникативному воздействию, во многом сформировала российскую специфику *мягкой силы* и нашла поддержку в российском научном сообществе. Так, А.Ю. Голобородько понимает *мягкую силу* как технологию, позволяющую «в глобальном информационном пространстве ... работая с сознанием человека, внедрять разнообразные технологии манипулирования, обеспечивая среду для

формирования нужных образов и символов» [Голобородько 2015: 203].

Использование языка для формирования *мягкой силы* не ограничивается возможностями коммуникативного воздействия. Одним из важнейших инструментов *мягкой силы* можно считать продвижение языка за пределами государства, т.е. внешнюю ЯПП, использование которой обусловлено воздействием концептосферы языка и национально-языковой картины мира на систему социокультурных кодов изучающих язык. Данный подход с успехом реализуется в Китае, где использование *мягкой силы* помимо прочих инструментов предполагает экспансивную внешнюю ЯПП через создание сети Институтов и классов Конфуция. С 2004 по 2016 гг. было открыто 510 Институтов Конфуция в 140 странах, где обучаются свыше 2 млн. человек. На фоне стремительно растущей популярности китайского языка возрастает и интерес к КНР, уважение к ее истории, культуре и ценностям, а следовательно и реализация *мягкой силы*.

Оценивая характер отношений между *мягкой силой* и *внешней ЯПП*, важно понимать двояко обусловленную связь данных категорий. Так, с одной стороны, рост *мягкой силы* может быть результатом *внешней ЯПП*, а с другой — распространение и рост популярности языка за пределами государства может быть результатом *мягкой силы*. Второй сценарий развития событий можно наблюдать на примере США, где внешняя ЯПП не представляла собой активной целенаправленной деятельности. При этом, рост числа изучающих английский язык как иностранный в XX веке был обусловлен во многом привлекательностью образа США, в основе которой лежали ценности демократической политической системы, гражданского общества, популярная культура, технологический прогресс и др.

Внешняя ЯПП, очевидно, обладает своей внутренней структурой, включающей систему целей, объектов,

субъектов и инструментов. Выбор последних во многом зависит от направления (объекта) внешней ЯПП. Вместе с тем, необходимо провести различие между *внешней ЯПП*, направленной на государства, где он выполняет роль иностранного языка, и *внешней ЯПП* в странах, где он является родным языком значительной части населения. В последнем случае *внешняя ЯПП* одного государства оказывается теснейшим образом связана с *внутренней ЯПП* другого государства, преимущественно с ЯПП в области планирования статуса и обучения языку. Наиболее распространенными направлениями деятельности в области *внешней ЯПП*, соотносимыми с политикой *мягкой силы*, можно считать образовательную деятельность и работу с соотечественниками, проживающими за рубежом. При этом, несовпадение векторов такой деятельности может спровоцировать возникновение *языковых конфликтов* в государствах-объектах *внешней ЯПП*.

Примером подобной ситуации может служить *языковой конфликт* на Украине, где с момента провозглашения независимости государства вопрос о роли и статусе русского языка многократно становился разменной монетой как во *внутренней*, так и во *внешней* политике. До тех пор, пока *внешняя ЯПП* России находила отклик в настроениях правящей политической элиты, Украине удавалось избегать открытого *языкового конфликта*. Однако со сменой вектора *внутренней ЯПП*, *языковой конфликт* спровоцировал глубокий социально-политический раскол. Интересным в этом контексте представляется многообразие оценок российской *мягкой силы* и *внешней ЯПП* в *языковом конфликте* Украины. Так, продвижение *мягкой силы* через инструменты сферы образования в XX веке признают малоэффективным. В частности, обращается внимание на следующие системные пробелы: закрывались глаза «на проводимую Украиной политику дерусификации среднего образования»; «программы поддержки русских школ были

единичными и малоэффективными»; «отсутствовали российские программы обмена для украинских школьников»; «недостаточное количество квот и не всегда эффективное их распределение»; «недостаточное количество совместных образовательных программ, академических и профессиональных обменов, научных исследований» [<http://russiancouncil.ru/blogs/sandbox/2828/>]. В публикации В.С. Иванченко, главного редактора Центра поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия», среди прочего, говорится о «довольно узкой сети представительств организаций, ... которые не справлялись с возложенным на них предполагаемым объемом работы» и бюрократизации «процесса получения поддержки для внутренних инициатив укрепления российско-украинских связей» [<http://russiancouncil.ru/blogs/viktoria-ivanchenko/2203/>]. В других источниках подчеркивается неэффективная работа с соотечественниками, которая при серьезных объемах финансирования носила формальный характер, выразившийся в проведении конгрессов и конференций соотечественников «для галочки» и отсутствии действительно необходимых мероприятий по продвижению, к примеру, идеи Таможенного союза или работы с экспертным сообществом, а также критически настроенной частью украинского общества [<http://www.e-news.su/info/37278-ukraina-gde-zhe-ty-by-la-myagkaya-sila-grossii.html>]. При этом, во всех вышеупомянутых публикациях проводится сравнение с соответствующей политикой *мягкой силы* и *внешней ЯПП* европейских государств и США, носящей гораздо более активный и целенаправленный характер.

В то же время Дональд Дженсен на портале русской службы Голоса Америки пишет о недооцененности на Западе российской *мягкой силы*, которая «доказала свою эффективность» на Украине. При этом акцент делается на

трактовку *мягкой силы* как информационного воздействия [<http://inosmi.ru/russia/20150508/227927565.html>].

Таким образом, можно констатировать несомненную тесную связь, существующую между *внешней* и *внутренней* ЯПП, расхождение векторов которых может провоцировать *языковые конфликты*. Важно, что эффективная *внешняя* ЯПП возможна только при условии продуманной политики *мягкой силы*. При этом лингвистический подход к политике *мягкой силы* не исчерпывается возможностями информационного воздействия. Существующие представления о государстве-субъекте *внешней* ЯПП и отношение к нему могут быть исследованы в ходе ассоциативного социолингвистического эксперимента, а также при помощи лексико-семантического анализа контекстуального употребления названия государства-субъекта в ведущих СМИ, транслирующего имплицитные оценочные характеристики.

Литература

Голобородько А.Ю. Лингвокультурологическое измерение государственной культурной политики: от текста культуры к дискурсу «Мягкой силы» // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. С. 202–208.

Nye J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics* — New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Senft G. <i>Understanding Pragmatics</i>	3
Mustajoki A. <i>Phenomenon-driven approach to language research</i>	10
Иванова С.В. <i>Интердисциплинарность и полипарадигматизм как методологическая платформа исследования взаимодействия языка и культуры</i>	16
Милославский И.Г. <i>Наука о русском языке от классификационной парадигмы к деятельностной</i>	24
Нгуэн Кань Тоан <i>Влияние русской культуры и русской литературы на вьетнамцев</i>	29
Asayama R. <i>Intercultural Practice at the Faculty of Letters (Soka University) and at a Literature Class</i>	41
Москвичева С.А., Вио А. <i>Диглоссия как инструмент описания языковых контактов: становление понятия</i>	46
Куликова Е.Ю. <i>Игра с экзотикой: жанр пантума в лирике и переводах Николая Гумилева</i>	51
Леонтович О.А. <i>«Слово и образ в поисках друг друга»: позитивные и негативные последствия трансформаций в процессе интерсемиотического перевода</i>	56

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

Абсалямова Р.А., Шагбанова Х.С. <i>Герменевтический аспект художественного перевода в разносистемных языках</i>	64
--	----

Акимова Э.Н., Короткова А.А. <i>Историческая лингвистика текста в XXI веке</i>	69
Алёшин А.С., Зиновьева Е.И. <i>Устойчивые сравнения с эталоном-фреймом в русской и шведской языковых картинах мира</i>	73
Антонова (Сычёва) Е.Н. <i>Прагматика современного стихотворческого процесса в свете дискурс-анализа филологической поэзии</i>	78
Безкоровайная Г.Т. <i>Культурно-значимые лексемы gentleman/lady, барин/барыня в художественных текстах XIX века</i>	84
Белякова И.Г. <i>Основные направления формирования межкультурной и языковой компетентности в образовательной среде вуза в условиях глобализации</i>	88
Богданова Л.И. <i>Текстовая компетенция и проблемы формирования культурной идентичности</i>	93
Богданова С.Ю., Игнатьева Е.П. <i>Функционирование антропонима как знака культуры в биографическом тексте и энциклопедической статье</i>	98
Борzych Л.А. <i>Роль традиционных словосочетаний в современном английском языке и методика их преподавания</i>	103
Борисова А.А., Ильина Н.Ю. <i>Языковая репрезентация единиц измерения времени в нигерийском романе</i>	108
Босова Л.М. <i>Межкультурная коммуникация как вид речевой деятельности</i>	113
Величко А.В. <i>Дискурсивный анализ функционирования языковых единиц в коммуникативном процессе</i>	118
Вепренцева М.А. <i>Типы архитектурных терминов в современном испанском языке</i>	125
Вишневская Г.М. <i>Иноязычный акцент в ситуации межкультурного общения</i>	129
Владимирова Т.Е. <i>Дискурс как объект полипарадигмальных исследований</i>	134

Воркина К.С., Лаптырева Д.А. <i>Сельская японская семья в эпоху глобализации</i>	139
Воробьев В.В., Фаткуллина Ф.Г., Хайруллина Р.Х. <i>Национальная языковая личность как лингвокультурологический феномен</i>	144
Галиуллина С.Д. <i>Попечительство в русской языковой картине мира как отражение социальной инклюзии</i>	154
Гишкаева Л.Н., Капичникова И.Ю. <i>Модель работы с оригинальным текстом: теоретические и практические аспекты</i>	159
Горностаева А.А. <i>Ирония как характерная черта некоторых политических деятелей современности</i>	165
Дагбаева О.И., Нелюбова Н.Ю. <i>Коммуникативное поведение видеоблогеров во Франции, Канаде, Магрибе</i>	169
Дубинина Н.В., Карабулатова И.С. <i>Эстимационно-ассоциативная характеристика этнонима «араб» в языковом сознании студенческой молодежи: гендерный аспект</i>	174
Дугалич Н.М., Зенин В.Е. <i>Кинесика политической карикатуры</i>	183
Журавлева Е.В. <i>Мифология Колумбии: отражение в современном языке</i>	186
Жумагулова Б.С., Калиев С.Н. <i>Лондон как урбанистический пространственно-временной континуум на материале литературно-страноведческого произведения Питера Акройда «London: the Biography»</i>	193
Зябкина Е.И. <i>Полисемия в английской политической карикатуре</i>	199
Ильина А.Ю., Куприянова М.Е. <i>Вербализация концепта «погода» в канадском национальном варианте английского языка</i>	203

Карабулатова И.С., Эбзеева Ю.Н. <i>Отражение транскультурной трансформации языковой личности в миграционных процессах (на материале «Хбжения за три моря» А. Никитина)</i>	207
Карпова Ю.А. <i>Эволюция значения лексемы <i>España</i> и его современное восприятие в контексте «каталанского кризиса 2017 г.»</i>	215
Ким Ю.А., Левшиц А.Д., Накисбаев Д.В. <i>Проявление эстетического принципа моно-но аварэ в японской литературе (на примере романа «Гэндзи моногатари»)</i>	220
Косова Ю.А. <i>Паратекст в трилогии Ж. Руо «Поля чести», «Знаменитые люди», «Мир не в фокусе»</i>	225
Кургузенкова Ж.В., Кривошлыкова Л.В. <i>Особенности лингвоцветовой картины мира представителей французской и английской национальных культур (на примере фразеологических единиц с колоративом «зеленый»)</i>	230
Ларина Т.В., Борисова А.С. <i>Коммодификация русского языка в современных социально-экономических условиях</i>	235
Ленинцева В.А., Тохта-Ходжаева М.В. <i>Субкультура <i>ego</i> (恶搞): история развития и её функции</i>	242
Ломакина О.В., Мокиенко В.М. <i>Роль крылатики в Интернет-дискурсе: к постановке проблемы</i>	247
Макарова А.С. <i>Особенности трансформаций крылатых выражений-галлицизмов в функции заголовка медиатекста (сопоставительный аспект)</i>	254
Мартыненко И.А. <i>Особенности передачи испаноязычных топонимов США средствами других языков</i>	259
Марфина Ж.В. <i>Воплощение концептуальной цепочки мать / матір ↔ Родина / Батьківщина в русской и украинской поэтических картинах мира</i>	264

Ниязова Г.М. <i>Современный межэтнический конфликт в дискурсивном пространстве электронно-информационного общества</i>	269
Политкина Г.А. <i>Текстообразующие характеристики компаративной парадигмы в структуре политического текста</i>	276
Пономаренко Е.Б. <i>Лингвостилистические особенности медиатекстов в политическом медиадискурсе (на материале англоязычного “Twitter” Д. Трампа)</i>	281
Привалова И.В. <i>Унификация языковых единиц как новый тип заимствования в эпоху глобализации</i>	288
Просяникова О.И. <i>Синкретические формы с компонентом наречия в эвенкийском и английском языках</i>	293
Пушкина А.В., Степенко А.А. <i>Проблемы глобализации языка в современном мире</i>	299
Радович М. <i>Перуанские катойконимы: вариативность, морфология и продуктивность суффиксов</i>	304
Раевская М.М. <i>Феномен лингвистической идентичности в испаноязычном пространстве</i>	308
Раемгужина З.М., Хуснутдинова Л.Г. <i>Имена арабского происхождения в башкирском и дагестанском языках</i> ..	316
Rautarovskiy V.V., Salazar Estrada Y., León Castro M. <i>The classical myth in «The statue of Prometheus» by Pedro Calderón de la Barca</i>	321
Райтаровский В.В., Таймур М.П. <i>Оптимизация параллельного преподавания испанского и английского языков в контексте интерлингвистических интерференций</i>	331
Ретинская Т.И. <i>Семантическая доминанта «Ведение домашнего хозяйства» шампанского и арденнского региолектов</i>	336
Сапрыкина О.А. <i>Проблемы португальского политического дискурса: заголовки в тексте</i>	342

Синицына А.М. Сравнения как способ общения в колумбийском департаменте Киндио	347
Чеснокова О.С. Формы обращения в филологическом наследии Н.М. Фирсовой и в современном переводе	351
Шейпак С.А. Два читателя М. Уэльбека: Наивный и Критический.....	357
Шервашидзе В.В. «Современный мифотворец» М. Турнье	362
Шкуран О.В. Языковая десакрализация и национально-культурные истоки паремии «Любит, как душу, а трясет, как грушу»	367
Юдина Н.В., Селиверстова О.А. Мягкая сила как инструмент реализации языковой политики vs. языковые конфликты	372

Научное издание

III ФИРСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ЛИНГВИСТИКА В XXI ВЕКЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Издание подготовлено в авторской редакции

Литературный редактор *Т.В. Ларина*
Технический редактор *О.В. Ломакина*

Компьютерная верстка *А.А. Борзенкова*
Дизайн обложки *А.А. Борзенкова*

Подписано в печать 13.11.2017 г. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,32. Тираж 150 экз. Заказ 1755.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. 952-04-41